

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

817

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Социальные аспекты профилактики
преступности

ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 817 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Социальные аспекты профилактики
преступности

ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

ТАРТУ 1988

Одобрено и утверждено к изданию решением совета отдела социологии Тартуского государственного университета

Ответственный редактор Э. Рагжа

Предлагаемый читателям сборник представляет собой очередную книгу серии "Труды по криминологии" лаборатории социологии отклоняющегося поведения Тартуского государственного университета. Авторский коллектив сборника, включающий в себя криминологов как из Эстонской ССР, так и из Москвы, Ленинграда, Владивостока, сосредотачивает основное внимание на проблемах социальной (криминологической) профилактики преступности. Наряду с этим, некоторые статьи посвящены анализу причин, имеющих более общее значение с точки зрения понимания природы преступности и ее профилактики.

Важно особо отметить, что предлагаемый сборник издан коллективом единомышленников. Расходясь в частности, авторы тем не менее сходятся в главном — в подходе к преступности как к общественному явлению, как проявлению деструктивных процессов в общественном организме. Такое понимание природы преступности определяет в основном направление научных поисков авторского коллектива при разработке теоретических и методических основ ее социальной профилактики. Хочется верить, что предлагаемый в сборнике идеи и разработки побудят читателей к новым поискам в области борьбы с преступностью.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ И МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ю.Е.Аврутин, Я.И. Гилинский

I. Осуществляемая в стране перестройка во всех сферах общественной и государственной жизни создает благоприятные условия для реализации выдвинутой XXVII съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС задачи преодоления застоя в борьбе с различными негативными явлениями, включая преступность, социальный паразитизм, пьянство, наркотизм и др.¹

К сожалению, публицистические исследования правопорядка и правоохранительной деятельности нередко опережают научную мысль, во всяком случае, ее "овеществление" в соответствующих методологических и методических разработках. А это, в свою очередь, отрицательно сказывается на правоохранительной практике.

Научный поиск путей реализации партийных решений в сфере правопорядка предполагает в первую очередь разработку единой концепции — нормативно-доктринальной системы научно обоснованных целей, принципов, форм и методов деятельности государственных органов и общественных формирований по преодолению антиобщественных проявлений, адекватно отражающей экономические, политические и социальные закономерности развития общества на современном этапе и в перспективе. Исходным моментом концепции должно стать обоснование иерархии целей, определение приоритетных проблем и направлений. Не претендуя на решение и даже постановку всех возникающих при этом вопросов, выскажем некоторые предварительные соображения.

Соответственно последовательному усилению воздействия социальной политики на все стороны общественной жизни, будет возрастать и роль всех ее составляющих, направлений, видов социально-преобразующей деятельности людей, в том числе правоохранительной. Последняя рассматривается не только (и не столько!) как средство уголовной репрессии,

---

¹ См.: Горючев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С.56, 59, 77; Программа коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С.48-49; Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 27-28 января 1987 года. м.. 1987.

но и как конкретный политический, идеологический и воспитательный инструмент, призванный специфическими формами и методами участвовать в утверждении социалистического образа жизни, развитии социальной активности советских людей.

В этих условиях все большее значение приобретает правообеспечивающее направление правоохранительной деятельности, несущее в себе активный профилактический потенциал прежде всего в силу охвата всей цепочки причин и условий преступности.

Пока правоохранительная практика отдает предпочтение правоприменительному направлению. Это видно из организационно-структурного построения правоохранительных органов, кадрового и материально-ресурсного обеспечения их деятельности, критериев оценки ее эффективности, связываемых в первую очередь с обеспечением административной и уголовной репрессии.

Подобный сдвиг к "концу" причинной цепочки генезиса преступности и правонарушений, попытки воздействовать лишь на субъектов преступного поведения и недооценка объективных условий существования различных форм социальной патологии привел к серьезным негативным последствиям в их состоянии, динамике и структуре, достаточно полно освещенным в директивных документах, научных и публицистических исследованиях.

Очевидно поэтому, что при разработке концепции преодоления социальной патологии приоритетным должна стать ее профилактика в единстве двух своих уровней, направлений:

- общепрофилактическом, призванном влиять на комплекс криминогенно значимых социально-экономических факторов (противоречия и диспропорции социально-экономического развития; нарушения социальной справедливости; негативные последствия научно-технического прогресса; ошибки и упущения в различных сферах общественной жизни и т.д.);

- индивидуально-профилактическом, призванном предупреждать, нейтрализовывать и устранять условия неблагоприятного нравственного формирования личности, а также конкретные ситуации, способствующие совершению преступлений, в

См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С.264; Курс советской криминологии: Предупреждение преступности. М., 1986; Сахаров А.В. Правоохранительная деятельность и преступность // Сов. гос. и право. 1986. №1. С. 83-90; влияние социальных условий на преступность. М., 1983.

первую очередь со стороны лиц, допускающих различные правонарушения, ведущих аморальный образ жизни.

Связующими звеньями этих направлений, собственно и превращающими их в систему социальной профилактики, являются:

- во-первых, единая концептуально-методологическая основа обоснования и разработки соответствующих принципов, форм и методов осуществления, исходящая из понимания преступности и иных видов антиобщественного поведения как социальных явлений, детерминированных экономическими, политическими, демографическими, экологическими, социально-культурными факторами и сохраняющих с ними все формы фундаментальных связей (связи возникновения, развития, изменения);

- во-вторых, комплексный характер технологии осуществления профилактических мероприятий, учитывающей взаимосвязи и взаимозависимости (сущностные, генетические, функциональные) в с е х форм негативно отклоняющегося поведения и обеспечивающей комплексное же воздействие на них. В противном случае возможно временное подавление, сокращение одних видов антиобщественного поведения при одновременном усилении, активизации других (классический пример - появление в США бутлегерства в ответ на "сухой закон" 1920 г.).

Система социальной профилактики, если мы действительно хотим сделать ее эффективной и действенной, должна иметь кроме того определенный организационно-правовой механизм функционирования. В качестве варианта решения можно предложить разработку долгосрочной общегосударственной целевой комплексной программы профилактики (ОЦКП), последовательно реализуемой путем включения основных ее показателей в пятилетние планы экономического и социального развития страны. ОЦКП, сбалансированная по целям и ресурсам, имеющая соответствующие органы управления, несущие всю полноту ответственности за ее выполнение и координацию усилий ее соисполнителей (в лице различных министерств и ведомств), явится "овеществлением" установок партии о необходимости превращения борьбы с преступностью и правонарушениями в общепартийное, общегосударственное дело. Аналогом такого органа управления могли бы стать существующие сейчас органы типа бюро или комиссий Совета Министров СССР (во главе с заместителем Председателя), обладающие необходимыми полномочиями и авторитетом.

2. Одним из непреходящих условий жизненности ОЦКП является ее детализация на региональном уровне, т.е. там, где формируется социальная ситуация, непосредственно проявляются факторы, детерминирующие состояние, динамику и структуру антиобщественных проявлений.

Сам факт наличия территориальных различий преступности и иных форм социальной патологии, а следовательно и необходимость дифференцированных мер по их профилактике сомнений не вызывает.³ Очевидно также, что эти различия закономерны и объясняются неодинаковостью социально-экономических, демографических, социокультурных и прочих факторов, образующих "причинный комплекс" антиобщественных проявлений. Поэтому региональная система социальной профилактики должна основываться на хорошем знании социальной ситуации в конкретном регионе, включая и состояние различных форм негативных явлений, и факторы, их обуславливающие. Между тем, не преодолен определенный скептицизм при реализации этих положений в практике организации профилактической работы в регионах.

Серьезным аргументом, подтверждающим необходимость преодоления подобного скептицизма, особенно на уровне практики, являются приводимые ниже некоторые особенности социальной ситуации в Ленинграде.

Ленинград — один из крупнейших в стране промышленных, научных, культурных центров. Историческая роль города в качестве столицы Российского государства, колыбели Великой Октябрьской социалистической революции, города-героя в годы Великой Отечественной войны — хорошо известна. Ленинград — второй после Москвы город Советского Союза по численности населения, достигшего в 1986 г. 4901 тыс. человек⁴. Среднегодовой темп прироста населения за период между двумя переписями (1970 и 1979 гг.) составил 1.45% (в СССР средний темп прироста населения за эти же годы —

³ См.: Влияние социальных условий на преступность. М., 1983; Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности. Тбилиси, 1982; Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности: Ученые записки Тартуского гос.ун-та. Тарту, 1985 и др.

⁴ СССР в цифрах в 1986 году: краткий статистический сборник. М., 1986. С.10.

0.9 %, в РСФСР - 0.6 %, в Москве - 1.4 %), а за 1979-1986 гг. - около 1 % (в Москве чуть выше 1 %). Ежегодно Ленинград привлекает множество мигрантов из других регионов страны, значительно число советских и зарубежных гостей.

В то же время для Ленинграда характерны серьезные диспропорции в развитии социальной инфраструктуры. Так, будучи вторым городом страны по численности населения, Ленинград в 1975 г. среди 23 особо крупных городов (с населением свыше 1 млн. чел.) и столиц союзных республик занимал всего лишь пятое место по общей площади жилого фонда, седьмое - по численности среднего медицинского персонала, десятое - по числу врачей, шестнадцатое - по числу посадочных мест в кинотеатрах, двадцать первое - по числу больничных коек, двадцать третье место по числу выпускников средних и начальных школ. К 1977 г. Ленинград среди 14 особо крупных городов занимал (в расчете на 10 тыс. жителей) пятое место по числу врачей, седьмое - по числу театральных мест, восьмое - по количеству студентов вузов, двенадцатое - по числу мест в кинотеатрах, тринадцатое (предпоследнее!) место по обеспеченности больничными койками и по числу учащихся средних специальных учебных заведений⁵. В 1980 г. в Ленинграде было в расчете на 10 тысяч населения: врачей - 79.7 (в Алма-Ате - 85.7, Киеве - 80.8, Москве - 96.9), среднего медперсонала - 144.5 (в Москве - 173.1), больничных коек - 118.2 (в Баку - 134.7, Алма-Ате - 171.1, Киеве - 137.9, Москве - 146.0, в среднем по стране - 125), розничный товароборот на душу населения (в рублях) - 1371 (в Алма-Ате - 1598, Баку - 1544, Киеве - 2304), торговой площади в м² на 10 тыс. населения - 1420 (в Москве 1820)⁶. Многие ленинградцы, в том числе, пере-

⁵ Источником для расчетов послужили: Вестник статистики, 1976. № 11. С.90-93; Вестник статистики. 1978. № 11; Вестник статистики. 1981. № 12. С.62-66; Город: проблемы социального развития. Л., 1982. С.47; Вожков О.В., Голофаст В.В. Оценка населениям условий жизни в крупных городах // Социологические исследования. 1985. № 3. С.95-101.

⁶ См.: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке: Статистический сборник. Л., 1981. С.81, 83, 97; Москва в цифрах. 1986: Статистический ежегодник. М., 1986. С.161-163; СССР в цифрах в 1985 году. С.223; Вожков О.В., Голофаст В.В. Указ. соч. С. 96.

жившие блокаду города, живут до сих пор в коммунальных квартирах, с ограниченными бытовыми условиями. Много недостатков в работе городского общественного транспорта, предприятий бытового обслуживания, связи, торговли и общественного питания ⁷.

Не удивительно, что объективные недостатки в развитии социальной инфраструктуры соответственно отражаются в общественном мнении горожан. По результатам выборочного опроса (1981 г.) жителей Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Баку и других больших городов, ленинградцы высказывают наибольшую неудовлетворенность условиями труда, жилищными условиями, медицинским, бытовым, торговым, транспортным обслуживанием, возможностями отдыха ⁸.

Многие ленинградцы негативно оценивают и изменения в условиях жизни, происшедшие за пять лет. Так, в сфере медицинского обслуживания констатировали улучшение лишь 17 % опрошенных, а ухудшение - 34 % (соответственно в Алма-Ате - 47 % и 17 %, Баку - 51 % и 15 %, Киеве - 39 % и 20 %, Москве - 33 % и 21 %, в среднем по группе больших городов - 43 % и 18 %), в сфере бытового обслуживания - улучшение отметили 17 %, ухудшение - 29 % (соответственно в Алма-Ате - 30 % и 16 %, Баку - 34 % и 21 %, Киеве - 36 % и 16 %, Москве - 25 % и 24 %, в среднем по большим городам - 39 % и 14 %), по культурному обслуживанию: улучшение - 18 %, ухудшения - 14 % (соответственно в Алма-Ате - 48 % и 7 %, Баку - 38 % и 15 %, Киев - 38 % и 8 %, Москве - 27 % и 13 %, в среднем по крупным городам - 36 % и 8 %), в питании: улучшение - 26 %, ухудшение - 16 % (соответственно в Алма-Ате - 50 % и 9 %, Баку - 46 % и 14 %, Киеве - 44 % и 11 %, Москве - 50 % и 5 %, в среднем по крупным городам - 45 % и 13 %) и т.п. Жизнь в целом оценили как улучшившуюся 67 % алма-атинцев, 62 % бакинцев, 63 % киевлян, 58 % москвичей и только 41 % ленинградцев (в среднем по крупным городам - 65 %) ⁹.

⁷ См.: Герасимов А.Н. Социальная сфера: курсом ускорения и перестройки. Доклад на Пленуме Ленинградского ГК КПСС // Ленинградская правда. 1987, 30 июля.

⁸ Рожков О.Б., Голофаст В.В. Указ. соч. С.97-98.

⁹ Рожков О.Б., Голофаст В.В. Указ. соч. С.100.

Обратимся к другому аспекту социальной ситуации. В течение 60-х – 70-х годов в Ленинграде, по сравнению с общесоюзными и республиканскими показателями, отмечался в целом пониженный уровень (в расчете на 10 тыс. жителей) многих антиобщественных проявлений. Так, в 1978 г. уровень умышленных убийств в городе составлял всего 50,8 % общесоюзного, а уровень тяжких телесных повреждений – 65,1 % общесоюзного. В течение многих лет снижалась преступность несовершеннолетних (всего с 1961 по 1970 г. – до 56,6 %), число карманных краж также постоянно снижалось (с 1961 по 1980 г. в среднем на 28 % за пятилетку). Медленнее, чем в целом по Союзу, росло потребление алкогольных напитков (в Ленинграде с 1965 г. по 1975 г. продажа алкогольных напитков возросла на 97 %, в стране – на 114 %, с 1976 г. по 1980 г. в Ленинграде увеличилась продажа различных алкогольных изделий на 10–15 %, в стране – на 29 %) ¹⁰.

Вместе с тем, уже с начала 70-х годов наметился целый ряд неблагоприятных тенденций, отражающих застойные явления в экономике и социальной инфраструктуре: рост числа тяжких насильственных преступлений, квартирных краж, грабежей, разбойных нападений, угонов автотранспортных средств без цели хищения, изготовления и сбыта наркотических веществ. Все эти преступления в целом характерны именно для крупных городов с анонимным образом жизни, ослаблением социального контроля, "соблазнами" для молодежи и профессиональных преступников – "гастролеров". Увеличивалось количество лиц без определенных занятий и места жительства и их доля в числе совершивших преступления (только с 1976 по 1980 г. их доля среди всех неработающих и неучащихся, осужденных за преступления по линии уголовного розыска, выросла на 6,8 %, а по убийствам – почти на 23 %, по изготовлению и сбыту наркотических веществ – в 1,8 раза). Среди осужденных за грабежи и разбойные нападения отмечается повышенная доля мигрантов, лиц, проживавших в общежитиях.

Лица без определенных занятий и места жительства, наркоманы, алкоголики, проститутки образовали, по образному

---

¹⁰ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 1975 г.: Статистический сборник. Л., 1976. С. III, II2; СССР в цифрах в 1982 году. М., 1983. С. 192, 194.

выражению журналистов, "придонный слой", все более заметный и вызывающий тревогу населения ¹¹.

К 1986 г. из 73 регионов (края, области, АССР) РСФСР Ленинград "вышел" на первое место по числу квартирных краж, преступлений, совершенных наркоманами, по количеству неработающих и неучащихся среди лиц, совершивших преступления. Одно из первых мест принадлежит Ленинграду по числу зарегистрированных преступлений, по числу наркоманов и хронических алкоголиков, состоящих на учете. Значительно выше среднего по республике оказался уровень преступности (в расчете на 100 тыс. населения).

Различия в состоянии, уровне, структуре и динамике преступности имеются и внутри Ленинградского региона. Например, в последние два-три года наркотизация населения (число выявленных наркоманов, преступлений, связанных с наркотиками) в Ленинградской области происходит более интенсивно, чем в Ленинграде. Внутри города выделяются группы районов - "импортеров" (центральные районы) и "экспортеров" (районы новостроек) преступников, районы с повышенным уровнем бытовых преступлений против личности ("старые" районы с большим числом коммунальных квартир) и квартирных краж (районы с высокой концентрацией отдельных квартир) и т.д.

Все это еще раз подтверждает наличие сложных взаимосвязей между состоянием преступности и различными социально-экономическими факторами (плотность населения, его социально-демографический состав, уровень медицинского, культурного, бытового обслуживания, жилищные условия и т.д.) ¹², а также степенью диспропорций в развитии социальной инфраструктуры региона.

В Ленинграде и Ленинградской области предпринимаются усилия по улучшению социальной инфраструктуры, более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей

¹¹ См.: Дубковский В. Девочки с тригорка // Ленинградская правда. 1987, 7 июня; Наркомания без сенсаций // Ленинградская правда. 1987, 19 июля; Марков А. Неостановленная опасность // Ленинградская правда. 1987, 30 августа.

¹² Не вызывает сомнения перспективность э к о л о г и ч е с к о г о (с точки зрения среды обитания) анализа региональной преступности и иных форм социальной патологии.

населения (так, к 1985 г. несколько увеличилось по сравнению с 1980 г. число врачей и больничных коек в расчете на 10 тыс. жителей). Однако, во-первых, реальные достижения еще не очень заметны. Во-вторых, результаты этих условий, как и действий правоохранительных органов по совершенствованию своей работы, скажутся на уровне антиобщественных проявлений лишь спустя некоторое время. И оно наступит тем быстрее, чем быстрее и комплекснее удастся соединить усилия государственных органов, общественных формирований, граждан в единую систему.

3. Организация предупреждения различных антиобщественных проявлений до сих пор носит преимущественно ведомственный характер. И хотя в рамках комплексного социально-экономического планирования предпринимались более или менее успешные попытки межведомственной координации профилактической работы, они не завершились (ни организационно, ни тактически) созданием единой региональной системы социальной профилактики.

В этой связи представляется целесообразным высказать несколько соображений по основным вопросам такой системы. Ее основу должна составлять целевая комплексная региональная программа профилактики (ЦКРП) преступлений и иных антиобщественных проявлений.

Взаимосвязанная с общегосударственной программой профилактики по общему и специальному объекту (соответственно, социалистические общественные отношения и общественные отношения, урегулированные нормами советского права и социалистической нравственности), общим, промежуточным и конечным целям (вытекающим из Программы КПСС, Конституции СССР, директивных документов КПСС и Советского государства), региональная программа имеет свой непосредственный предмет. Им выступает, с одной стороны, преступность, правонарушаемость (административные и трудовые проступки, гражданско-правовые деликты), пьянство и алкоголизм, наркотики, проституция, тунеядство, суицидальное поведение, с другой, — криминологически значимые социально-экономические особенности развития региона, оказывающие как негативное, так и позитивное воздействие на социалистический образ жизни.

Субъектом организационного обеспечения реализации программы может стать специальный орган — Центр

или Совет социальной профилактики (ЦСП, СПП), образуемый при областном (Городском) исполнительном комитете Совета народных депутатов и возглавляемый заместителем председателя ¹³. В составе ЦСП целесообразно создать небольшое штатное подразделение (3-5 человек) для выполнения организационно-распорядительных и контрольных функций и внештатный Научно-методический Совет, разрабатывающий региональную программу. В его состав должны включаться ведущие специалисты (ученые и практики) - экономисты, психологи, социологи, юристы, демографы, медики и пр., оплата труда которых осуществляется на основе хоздоговора из средств финансирования целевой комплексной региональной программы (или же создаются временные целевые научно-исследовательские группы). Для нормального обеспечения работы НМС целесообразно создание межотраслевого автоматизированного банка социальной информации.

З а к а з ч и к о м разработки ЦСП социальной профилактики выступает городской Совет народных депутатов, главным разработчиком может явиться ЦСП, головной исполнитель и соисполнители определяются ЦСП.

Ф и н а н с и р о в а н и е разработки ЦСП осуществляется за счет местного бюджета и средств основных заинтересованных ведомств. К финансированию р е а л и з а ц и и ЦСП могут быть привлечены средства иных ведомств, крупных промышленных предприятий, профсоюзов - заинтересо-

---

¹³ В отдельных регионах межведомственные центры создаются при партийных комитетах (например, Центр изучения причин правонарушений при Уфимском ГК КПСС, Информационно-аналитическая служба по изучению отклоняющегося поведения на базе Совета по социальным исследованиям при Никопольском ГК КПСС Украины). При ЦК КПСС Казахстана создан республиканский координационный Совет по борьбе с преступностью, алкоголизмом, наркоманией и нетрудовыми доходами. Признано целесообразным создание одноименных советов при территориальных комитетах партии (Правда. 1986, 28 декабря). Необходимость приоритетного решения в рамках программы профилактики ряда экономических и социальных проблем в масштабах территории делает, по нашему мнению, более обоснованным создание такого органа именно при соответствующем исполкоме. Это отвечает и установкам партии о повышении роли Советов народных депутатов в решении социальных проблем развития регионов.

ванных в сокращении потерь вследствие пьянства, алкоголизма, преступности, трудовых правонарушений и т.п. ¹⁴

Материальная заинтересованность ведомств, предприятий, организаций и учреждений в разработке и реализации ЦКП социальной профилактики может быть ориентировочно определена в связи с расчетом э ф ф е к т и в н о с т и реализации программы. Хотя определение экономической, а тем более - социальной эффективности реализации ЦКП - сложная задача, однако не невыполнимая. Наиболее общим критерием эффективности правоохранительной деятельности выступает обеспечение реальной безопасности социальных ценностей (отношений, институтов, организаций, жизни и здоровья граждан), обеспечение безопасности населения как одного из элементов качества жизни. В общей форме критерии эффективности социальной профилактики (общий критерий, критерий эффективности технологии, используемой в профилактической деятельности, критерий эффективности ее организации) и методы расчета изложены в литературе ¹⁵.

Возможна также экономическая оценка таких понятий, как "цена преступления", "цена правоохранительной деятельности", "бюджет преступности" и т.п., предлагаются расчетные формулы определения связи между показателями преступности и ее последствий ¹⁶. Принципиально возможно определить экономические потери от хищений социалистической собственности, дорожно-транспортных происшествий (ДТП), браконьерства, прогулов, простоев, снижения производительности труда в результате пьянства, расходы на лечение алкоголиков, наркоманов, потерпевших в ДТП и от несчастных случаев на производстве и т.п.

Соответственно представляется возможным определить эффективность ЦКП социальной профилактики как в целом,

---

¹⁴ Практика знает формы выделения предприятиями средств для решения подобных вопросов, например, создание на предприятиях наркологических стационаров для лечения алкоголиков - работников предприятия.

¹⁵ См.: Система комплексного планирования и управления профилактикой правонарушителей. Рига, 1980, С.53-75.

¹⁶ См.: Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982; Быков Л.А. Вопросы методологии учета и анализа общественно опасных последствий преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып.29. С.25-35.

так и по ее структурным элементам, подпрограммам с учетом планируемых достижений в результате реализации программы.

ж

ж

ж

Предлагаемая система социальной профилактики, организационно-правовые формы и механизмы ее функционирования в известной степени носит проективный характер. Ее практическая реализация — дело перспективы, очевидно, не такой близкой, как того хотелось бы. Очевидно одно: сегодняшнее положение дел в сфере борьбы с социальной патологией, ее профилактикой серьезно отстает от выдвигаемых партией требований о преодолении застоя в различных сферах общественной и государственной жизни, решении актуальных научных проблем¹⁷. Вот почему необходим активный поиск путей решения проблем, выдвигаемых самой жизнью.

---

¹⁷См.: Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественной науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 16, 19.

К ВОПРОСУ ПОСТРОЕНИЯ ПРОГРАММЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ /НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНСКОЙ ССР/

Э.Раска

Преступность как феномен социального порядка не обособляется от процессов и явлений жизнедеятельности целостного общественного организма. Её бытие объясняется не какими-то особыми, свойственными самой преступности внутренними закономерностями или же собственно криминогенными обстоятельствами, которые якобы независимо от совокупности явлений экономической и социальной жизни общества определяли бы облик преступности. Суть проблемы как раз в том и состоит, что в виде преступности мы имеем дело с результирующим показателем состояния общественного организма. Это уже давно понимали социально мыслящие ученые. Этой точки зрения придерживались и основоположники марксизма-ленинизма, в частности В.И. Ленин, который писал: "... в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений"¹.

Таким образом, преступность выступает перед нами как своего рода зеркало, отражающее состояние общественного организма, фактически сложившиеся условия существования общественно организованного человека, в связи с чем её изучение имеет гораздо большее, чем узко криминологическое значение. Нет сомнения, что четкое и глубокое понимание феномена преступности дает нам ключ к познанию функционирования общественного организма. Оно позволяет своевременно обнаружить неблагоприятные обстоятельства, дезорганизирующие развитие общественных процессов. В этом смысле можно сказать, что преступность - это не столько проблема правоведов и органов охраны правопорядка, сколько политиков, определяющих основные направления экономического и социального развития общества.

В отечественной криминологической литературе так называемыми первоисточниками преступности называются, как правило, различного рода противоречия экономического и социального развития. Между тем не говорят о том, почему, при

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.4. С. 408.

каких условиях противоречие как основная движущая сила саморазвития общественных систем, социального организма в целом превращается в дезорганизирующее этот организм начало. Хотя очевидно, что в ответе на этот вопрос и кроется тайна криминогенности социального целого. Ведь общество, способное познать закономерности собственного развития и упорядочить самого себя соответственно требованиям этих закономерностей, сможет и предвидеть и адекватными мерами решить возникшие в его структурах противоречия. Это осуществляется, как правило, путем перехода общества на новую, более совершенную ступень развития, оптимизированием условий для существования и развития всех своих подсистем вплоть до отдельного человека. Думается, что это и есть суть разумного, научно обоснованного управления обществом, управления, при котором возникшие противоречия экономического и социального порядка не имеют возможности превращаться в острые коллизии, в дезорганизирующую общественный организм силу. Криминогенность такого общества должна быть весьма низкой, а преступность сводиться к отдельным эксцессам.

Другое дело, если общество по каким-то причинам, будь то объективные или субъективные обстоятельства, не интересуется в достаточной мере собственным развитием или же пытается управлять процессами собственного развития волюнтаристически, вразрез требованиям объективных закономерностей исторического развития. В таком случае различного рода противоречия в его структуре, не нашедшие адекватного и своевременного решения, превращаются в глубокую дисфункцию и начинают деформировать жизнедеятельность общественного организма во всех сферах социальной действительности. То есть, возникает криминогенность общественного организма, такое состояние социума, которое в конечном счете проявляется в преступности, в алкоголизации, в наркомании, в самоубийстве, в других формах асоциального, отклоняющегося поведения населения.

Социальные противоречия, а вслед за ними и дезорганизирующие экономическую и социальную жизнь социума дисфункции берут начало на уровне институциональной структуры /т.е. на организационно-управленческом уровне/ общества. При этом деформацию деятельности социальных институтов не может не сопровождать деформация объектов воздействия институтов, а именно реальных условий жизнедеятельности людей и социальных общностей. Из всего этого следует, что возникшие в недрах

общества коллизии экономического и социального различия через деформацию образа жизни людей и личности человека определяют не только меру преступного потенциала /криминогенности/ данного общества, но и подготавливают определенную контингенту людей, готовых реализовать этот потенциал в различных формах отклоняющегося, в частности, преступного поведения.

Ввиду того, что криминогенность общественного организма обнаруживает себя прежде всего в деформациях институциональной структуры общества, а затем и образа жизни людей и личности, нельзя не прийти к заключению, что социальная (криминологическая) профилактика преступности сводится к упорядочению социальных структур на основе научного познания объективных закономерностей функционирования и развития профилируемого общественного организма. Другими словами, профилактика, предотвращение преступности как социального феномена представляет собой неотрывную сторону, аспект системы социального управления.

Но поскольку это так, то следует сказать, что деятельность, направленная на вытеснение порождающих преступность обстоятельств из структур нашего общества, должна осуществляться прежде всего на институциональном уровне социального организма. С этой целью криминолог должен активно включиться в процесс социального управления. Как компетентный эксперт он должен с точки зрения возможных криминогенных последствий оценить обоснованность и благоразумность различных управленческих решений, а также предложить субъектам социального управления наиболее благоприятные с точки зрения эффекта предотвращения преступности альтернативы развития. Вместе с тем криминолог должен обеспечить органы управления информацией, отражающей влияние сложившихся социально-экономических условий жизнедеятельности людей на состояние преступности. Нельзя не отметить, что существующая в нашей стране система криминологического, научного обеспечения социальной профилактики преступности не всегда это учитывает. По общепринятым стандартам мышления криминолог должен работать прежде всего на органы правопорядка, которые якобы и несут ответственность за существование преступности. Такое ограничение поля деятельности криминолога предписывает ему заниматься разработкой главным образом уголовно-правовых и административных, т.е. по сути репрессивных мер борьбы с преступностью. Насколь-

ко малоэффективно все это, мы прекрасно знаем из опыта всей предыдущей истории.

Таким образом, мы считаем, что серьезно рассчитанные меры криминологической профилактики преступности касаются в первую очередь деятельности социальных институтов, органов управления. Это не исключает, разумеется, профилактическую деятельность и на более низких уровнях организационной структуры общества, в частности, на уровне наличных условий жизнедеятельности людей, их образа жизни и на уровне личности. Между тем очевидно, что в силу того, что первисточники преступности лежат в институциональной структуре, то на уровне образа жизни и личности в принципе нельзя решить кардинальные проблемы предотвращения преступности. Здесь может речь идти только лишь о "канализировании" неблагоприятных последствий общественного развития в форме социально безопасной активности людей. Какими именно мерами и насколько эффективно это достигается, во многом зависит от конкретных региональных особенностей.

Территориально-пространственное расчленение нашей страны на более или менее разные в экономическом и социальном смысле регионы объясняет, с одной стороны, порой значительные территориальные различия в преступности, а, с другой стороны, предписывает криминологам необходимость дифференцированного подхода к разработке программы социальной профилактики преступности. Здесь нет и не может быть каких-то универсальных, в одинаковой мере пригодных для всех регионов нашей огромной страны приемов, кроме, разумеется, общеметодологической основы постановки проблем.

Более того, соответственно тому, как постоянно развивается и изменяется сам общественный организм профилируемого региона, изменяется там и криминогенная ситуация. Следовательно, действительно эффективная профилактика преступности представляет собой постоянно действующую и развивающуюся систему, в основе которой лежит перманентно развивающаяся и обновляющаяся база данных. Она формируется в результате как отдельных криминологических исследований, так и на основе сосредоточения по другим каналам экономической и социальной информации.

Мы предполагаем, что гарантом действительности всякого рода социальных преобразований, в частности таких, которые преследуют цель предотвращения преступности, слу-

жит достоверная информация о творящемся вокруг нас. Причем информация не в смысле всевозможных статистических показателей /каких, как известно, можно "производить" без особого труда/, а в виде своего рода информационных моделей, отражающих структуру и состояние рассматриваемых общественных систем в целом. Информационное моделирование сперва отдельных сфер живого общественного организма, а затем и их взаимовлияния и взаимодействия позволяет нам в конечном счете проследить, каким образом отражаются изменения в социально-экономической, демографической и т.д. обстановке в характеристиках преступности, рекомендовать компетентным органам надежные меры разрядки криминогенной ситуации в профилактируемом регионе.

Итак, в нашем понимании криминологическая профилактика преступности — это основанная на познании закономерностей возникновения криминогенной ситуации система теоретических разработок и практических действий, направленных либо непосредственно на пересечение криминогенно значимых тенденций в развитии общественного организма, либо на то, чтобы "канализировать" криминогенность рассматриваемого общественного организма в социальном и правовом смысле положительных или нейтральных форм поведения людей. В контексте такого понимания, криминологическая профилактика преступности не обособляется в особую сферу социальной политики, а выступает как постоянный, органически присутствующий аспект последней, в связи с чем соответствующая программа не представляет собой самостоятельную, оторванную от основных целей и задач экономической и социальной политики систему специфически криминологических мероприятий, а как раз наоборот, органически сливается с наличной системой постоянного упорядочения функционирования и развитием профилактируемого общественного организма.

Разумеется, органическое слияние криминологически-профилактических мероприятий с мероприятиями по постепенному совершенствованию социальной действительности, вовлечение криминологов в процесс социального управления, не исключает возможности и необходимости разработать специальные, целевые программы предотвращения преступности. Основывающиеся на анализе сложившейся в профилактируемом регионе криминогенной ситуации, такие программы в сконцентрированном виде дают органам управления представление об имеющихся в социальной действительности криминогенно значимых не-

поладках, намечает основные тенденции развития криминогенной ситуации в соответствии с планируемыми изменениями в экономической и социальной обстановке. Очевидно, что именно такое, комплексное изложение анализа криминогенной ситуации в регионе и основных тенденций ее развития с учетом изменяющихся социально-экономических, демографических и т. п. условий, служит подлинной основой для вовлечения криминологов в разработку наиболее благополучных с точки зрения предотвращения преступности управленческих решений в сфере экономического и социального переустройства общества.

1. Исходные предпосылки программы криминологической профилактики преступности: анализ криминогенной ситуации в регионе. Следившаяся в регионе криминогенная ситуация обнаруживает себя через те реальные связи, которые наблюдаются между характеристиками общественного организма региона, с одной стороны, и характеристиками наличной преступности, с другой стороны. В этом смысле криминогенная ситуация представляет собой своего рода проекцию состояния рассматриваемого общественного организма на систему характеристик наличной преступности. Но поскольку это так, то следует заключить, что анализ криминогенной ситуации в регионе целесообразно начинать с рассмотрения тех основных характеристик, которые отражают состояние рассматриваемого общественного организма.

Эстонская ССР является наименьшей республикой в Союзе ССР. Ее территория /45,1 тыс. кв. км./ составляет лишь 6,2 % из территории СССР, а население /по состоянию на 1 января 1986 г. 1 529 469 человека/ - 0,6 % из населения СССР. Среди союзных республик Эстонская ССР выделяется как наиболее урбанизированная. Удельный вес городского населения превышает здесь 71 %. По данным переписи населения 1979 года из всего населения республики эстонцы составляют 64,7 %, русские - 27,9 %, другие национальности - 7,4 %. Если учитывать, что в национальной структуре буржуазной Эстонии /т. е. до 1940 года/ эстонцы составляли около 90 %, то можно сказать, что резкие изменения здесь произошли весьма быстрыми темпами за счет механического прироста населения.

Как высокий уровень урбанизации, так и темпы механического прироста населения связаны с преобладающей в народном хозяйстве республики ориентацией на промышленность, которая дает 3/5 общественного валового продукта и 2/5

национального дохода. Другая ведущая отрасль народного хозяйства — сельское хозяйство — производит около 1/5 общественного валового продукта и 1/4 национального дохода. Ориентированность народного хозяйства республики на промышленность обнаруживается и в структуре занятости населения. Из занятого в народном хозяйстве населения в промышленности занято 34 %; занятость в сельском хозяйстве не превышает 13 %. В структуре самой промышленности на основе численности производственного персонала выделяется как ведущая отрасль машиностроение и металлообработка /по данным 1984 г. 23,5 % из всего производственного персонала промышленности/; далее следует легкая промышленность /22,4 %, пищевая промышленность /17,6 %/, лесная, деревообделочная, целлюлозная и бумажная промышленность /12,0 %/, энергетика и топливная промышленность /11,2 %/, остальные отрасли промышленности /16,3 %/. Так как на основе производимого валового продукта в структуре промышленности республики первые места занимают пищевая и легкая промышленность, которые совместно производят около половины валового продукта промышленности, то следует сказать, что машиностроение и металлообработка как ведущие отрасли промышленности отличаются в республике низкой эффективностью труда.

Низкие показатели производительности труда в некоторых отраслях промышленности, наличие многих рабочих мест, не требующих квалификации, тяжелые, а порой и вредные для здоровья условия труда служат основой для интенсивной текучести кадров, для возникновения хронического дефицита в рабочей силе, в объеме которого не сможет восполнить естественный прирост населения или же межотраслевое перераспределение рабочей силы. Так и получается, что несмотря на строгое лимитирование привлечения рабочей силы из других союзных республик, некоторые промышленные предприятия, в особенности союзного подчинения, все же вынуждены компенсировать дефицит в кадрах за счет межреспубликанской миграции. С 1971 по 1985 гг. средний годовой механический прирост составил 0,4 % или 6 000 человека, а по некоторым данным даже более, до 10 000 человек.

В силу того, что промышленность республики размещается в основном в северной части, в особенности в столице Таллине и северо-восточном промышленном районе, прибывшие мигранты сосредотачиваются именно в городах и поселках Северной Эстонии. В этой связи можно сказать, что высокие

темпы прироста городского населения республики обусловлены прежде всего притоком мигрантов из других союзных республик. Ибо действительно, по данным переписи населения 1979 года доля эстонцев, проживавших в городах, не превышает 60 %, уровень же урбанизации русского контингента населения превышает 90 %.

Следует отметить, что северная часть республики уже во время буржуазной Эстонии отличалась как район локализации промышленности. Тем не менее настоящее промышленное освоение этого района началось только в послевоенные годы. Именно в эти годы интенсивное промышленное освоение севера Эстонии породило процесс массовой миграции, как внутренней, так и межреспубликанской. Новые крупные промышленные предприятия требовали рабочей силы, как специалистов, так и квалифицированных рабочих. Таковыми кадрами традиционный источник рабочей силы промышленности республики — сельское население — не обладал. Поэтому в первое послевоенное десятилетие в республику прибыло свыше 200 000 мигрантов из других союзных республик, что составляет около 1/6 части всего населения Эстонской ССР того времени. Важно отметить, что среди иммигрантов пятидесятых—шестидесятых годов преобладали квалифицированные рабочие и специалисты, то есть — в профессиональном и социальном смысле развитые люди. Зато начиная с семидесятых годов, в условиях экономической стагнации, наблюдается известный сдвиг к ухудшению профессионального и социального облика иммигранта. Типичный иммигрант сегодняшнего дня — это скорее всего космополит, человек без корней, который, не имея особой профессиональной подготовки, в поисках легкой жизни странствует по всему Союзу.

Как мы уже сказали, интенсификация промышленного освоения северной части республики заметно оживила и внутриреспубликанскую миграцию. Однако, переломными с точки зрения характера и интенсивности внутриреспубликанской миграции населения стали шестидесятые—семидесятые годы, когда был взят курс на ликвидацию маленьких колхозов и совхозов, была осуществлена переориентация сельскохозяйственного производства на крупные хозяйства. Скопление сельского населения в так называемые перспективные центральные усадьбы сопровождалось исчезновением мелких деревень и хуторов. Например, к 1970 году в республике опустело свыше 100 000 хуторов. По принципам централизации в эти годы началась и ре-

организация социальной инфраструктуры села. Были ликвидированы многие сельские школы, магазины, пункты медобслуживания и т.д. В результате всего этого в сельской местности возникли отсталые как в социальном, так и в производственном смысле территории, периферийные зоны, населению которых оказались трудно доступными самые элементарные социальные блага. Поэтому наиболее активная часть начала покидать эти территории, отправляясь не только в подготовленные для них центральные усадьбы хозяйств, но и в города. Привлекает внимание, что с 1970 по 1985 г. к населению Таллина прибавилось свыше 100.000 человека, среди которых без всякого сомнения были и мигранты из опустевших сел. Из некоторых сельских районов /в частности, Юго-Восточной Эстонии/ выбыло более чем половина годичного естественного прироста населения. Как следствие этого, в селе возник острый дефицит рабочей силы, в условиях которого продолжение сельскохозяйственного производства требует массового привлечения случайных работников, среди которых не отсутствуют и паразитические и полупаразитические элементы.

Вызванная реорганизацией сельскохозяйственного производства и поселенческой структуры села миграционная активность сельского населения отрубила, образно говоря, корни сельчанина, существенным образом изменила весь облик и образ жизни сельского населения. Вместо коренного сельчанина, действительного хозяина земли, связанного с землей традициями поколений, появился в определенном смысле батрак, которого сельская жизнь, работа в селе интересует лишь как одна из возможностей зажиточного проживания. В поисках более приемлемых условий жизни, а зачастую просто в охоте за "длинным рублем" этот контингент сельского населения республики странствует из одного хозяйства в другое, из района в район. По данным переписи населения 1979 года свыше 60 % сельчан, а по данным выборочных исследований даже 80-85 %, в течение своей жизни меняли место жительства, причем многие делали это несколько раз.

Можно, таким образом, сказать, что в последние десятилетия в республике происходит процесс исчезновения подлинно коренного населения. Все большая часть населения приобретает статус мигранта. Если в северной части республики, в промышленном районе, источником этого процесса является несоответствующий демографическому потенциалу республики уровень промышленного освоения и сама структура промышленного производ-

сти, то в сельских районах тот же самый процесс — результат предельно высокого уровня концентрации производственной и социальной инфраструктуры села. Постепенное исчезновение коренного населения, преобладание в структуре населения контингентов без твердых корней сопровождается опасной тенденцией увеличения числа тех лиц, которые ведут паразитический или полупаразитический образ жизни. Так, по косвенным оценкам уже сейчас в республике насчитывается 30 000 — 40 000 трудоспособных людей, которые не имеют постоянного места работы. Отсутствие корней, странствующий образ жизни, кроме прочего, не может не изменить стереотипов социального поведения, не ослабить механизмы как формального, так и неформального социального контроля. Поэтому и нет ничего неожиданного в том, что ныне республика отличается высокими показателями алкоголизации, зарегистрированной заболеваемости, смертности населения в трудоспособном возрасте, самоубийства, преступности.

Влияние на преступность изменений, происходящих в экономической и социальной жизни республики в последние десятилетия, обусловленность характера и уровня преступной активности населения сложившимися условиями жизнедеятельности становится более наглядным, если изучить закономерности территориальной локализации преступности. Мы провели такое исследование по двум срезам: на основе структуры преступности и в аспекте преступной активности населения. В целях избежания ошибок, связанных со случайными колебаниями статистических данных, мы опирались на уголовную статистику за длительный период, с 1963 по 1983 гг. Результаты исследования в обобщенном виде приведены на рисунке 1.

Оказывается, что особенности структуры преступности связываются с экономической функцией того или другого района республики. Соответственно тому, как на территории республики выделяются промышленные, сельскохозяйственные и полифункциональные районы, специфическое лицо приобретает и преступность этих районов. Если в промышленных районах севера Эстонии структура преступности отличается ярко выраженным агрессивным уклоном, то в структуре преступности сельскохозяйственных районов преобладают корыстные преступления. Однако нельзя не заметить, что в некоторых сельских районах, в особенности на периферии Юго-восточной Эстонии, где на- сильственная преступность в структуре преступности не име-

объясняется именно негативными последствиями необоснованно резкого преобразования производственной и социальной инфраструктуры села. Здесь уместно отметить, что как раз в разгар преобразования сельского уклада жизни, в начале семидесятых годов, преступная активность сельского населения стала расти в темпах, превышающих темпы роста преступной активности горожан. В те же годы резко увеличилось и число тяжких насильственных преступлений, в частности умышленных убийств.

Итак, можно заключить, что сложившийся в республике облик преступности вполне четко отражает социально-экономическую ситуацию. В преступности как в зеркале отражаются негативные последствия взаимодействия процессов экономического и социального развития, которые в отдельности никак нельзя называть криминогенными. В этом смысле криминогенную ситуацию в республике нельзя характеризовать как некую совокупность особых, однозначно негативных обстоятельств, которые якобы независимо от целостного развития общественного организма порождали бы преступность. В действительности криминогенная ситуация возникает как закономерный результат определенной экономической и социальной политики. Оказывается, что территориальная общность как живой организм не допускает грубого вмешательства, самовольного воздействия на ее функциональную структуру. Благоразумное управление этим организмом — дело гораздо сложнее, чем формальное администрирование. Допущенные здесь ошибки рано или поздно приходится скупать тяжелой ценой преступности и других форм асоциального поведения населения.

2. Целевая установка программы криминологической профилактики преступности в регионе. В общих чертах целевая установка криминологической профилактики преступности обнаруживается в самой природе этой профилактики. Так как речь идет о направленной на стеснение порождающих преступность обстоятельств в структуре общественного организма, то становится очевидным, что целью криминологической профилактики как определенной программы познания и изменения социальной действительности является, во-первых, выявление криминогенных обстоятельств, эмпирическое обозначение основных контуров криминогенной ситуации и, во-вторых, разработка системы мероприятий, нацеленных на преодоление криминогенных обстоятельств в социальной действительности

или, в меньшей мере, на нейтрализацию их.

Очевидно также, что конкретизация общей целевой установки криминологической профилактики преступности в регионе должно исходить как из реально имеющихся особенностей /специфики/ региональной криминогенной ситуации, так и из специфики проявления криминогенной ситуации на различных уровнях процесса социального обусловливания преступности. Наконец, при конкретизации целевой установки программы криминологической профилактики преступности в регионе следует учитывать и компетенцию различных субъектов профилактики.

Что касается региональной специфики криминогенной ситуации, то привлекает внимание, что даже в такой маленькой республике, как Эстонская ССР, обстоятельства, лежащие в основе криминогенной ситуации, в определенной степени варьируются. Соответственно тому, как в территориальном разрезе приобретает новые черты сама криминогенная ситуация, должны быть уточнены и цели криминологической профилактики преступности, осуществляемой в том или ином районе республики.

Этим, разумеется, не исключается возможность выдвигать некоторые более универсальные цели программы криминологической профилактики преступности, имеющие значение по всей территории профилактируемого региона. Так, например, мы установили, что криминогенная ситуация в Эстонской ССР явно связывается с процессом исчезновения в экономическом и социальном смысле укоренившегося населения, с распространением странствующего образа жизни. Сам этот процесс непосредственно связывается с миграционными процессами, будь это межреспубликанская или внутриреспубликанская миграция. Следовательно, для того, чтобы добиться в республике определенного успеха в борьбе с преступностью, необходимо, прежде всего, уменьшить миграционную активность населения, перерезать экономические основы странствующего образа жизни и всячески укрепить соответствующие основы осадлого образа жизни.

В силу того, что социально-экономические причины миграции населения в промышленных и сельскохозяйственных районах республики различаются, следует дифференцировать меры, направленные на сокращение миграционной активности. Если на промышленном севере республики проблема состоит прежде всего в том, чтобы путем технического обновления и реорганизации резко повысить производительность труда и тем самым ликвидировать хронический дефицит в рабочей силе,

в том, чтобы обеспечить во всех рабочих поселках и городах благоприятные условия жизни не только в смысле развитой социальной инфраструктуры, но и с точки зрения экологической ситуации, то в сельскохозяйственных районах при решении задачи сокращения миграционной активности населения, укрепления социально-экономических основ оседлого образа жизни на первый план выдвигаются такие проблемы, как разумная децентрализация сельскохозяйственного производства и поселенческой структуры села, восстановление производственной и социальной инфраструктуры в периферийных зонах, увеличение разнообразия социально-экономической основы сельского образа жизни с целью связывания с землей контингента людей самых различных интересов и потребностей.

Выдвижение и решение задач укрепления социально-экономических основ оседлого образа жизни как в промышленных районах севера республики, так и в сельскохозяйственных и полифункциональных регионах предполагает последовательное согласование отраслевого и территориального принципов управления и ресурсного обеспечения соответствующих мероприятий. В этой связи и возникает проблема компетентности различных субъектов социального управления в целом и криминологической профилактики преступности в частности.

Как известно, на территории республики размещается множество предприятий, подчиненных всесоюзным министерствам и ведомствам. Таким же образом на территории отдельных административных районов размещаются предприятия как всесоюзного, республиканского, так и местного подчинения. Поскольку отрасль /и ее представитель - предприятие/ является преимущественно носителем экономической функции, она лишь косвенно заинтересована в решении социальных проблем, которыми должны заниматься территориальные органы, главным образом - местные Советы. Однако учитывая, что ресурсы, на которые территориальные органы могут полагаться - это бюджет местных Советов, - на 90 % формируется за счет налога с оборота и отчислений от прибылей предприятий, им подведомственных,¹ то оказывается, что районные и городские Советы, а отчасти и республиканские органы власти просто не обладают необходимыми для решения имеющихся социальных проблем ресурсами и полномочиями. Думается, что до тех пор,

¹ см.: Социальное планирование и проблема его эффективности /под ред. В.П. Полозова. - М.: Наука, 1978. С.177.

пока не решена проблема согласования отраслевого и территориального принципов управления общественными системами, пока не обеспечена жизненная заинтересованность отрасли в комплексном, гармоническом развитии территории размещения ее предприятий, многие, более кардинальные цели криминологической профилактики преступности представляются недостижимыми, во всяком случае в рамках компетенции и ресурсов, которыми располагает республика, отдельные ее административные районы.

Если подойти к этой же проблеме со стороны структуры процесса социального обусловливания преступности, рассмотреть осуществимость профилактических мероприятий на уровне институциональной структуры общества, на уровне образа жизни и, наконец, на уровне личности, то опять-таки оказывается, что реальные возможности воздействовать на обстоятельства, имеющие явную криминогенную нагрузку, но идущие корнями в институциональную структуру общества, имеют прежде всего всесоюзные, а отчасти и республиканские органы власти. Во многом это относится и к профилактическому воздействию на криминогенные деформации социально-экономических и духовных основ образа жизни. Поэтому роль низовых органов власти — местных Советов — в деле криминологической профилактики преступности весьма ограничена и сводится к идеологическому, духовному воздействию на личность, на повышение уровня воспитательной работы, правовой пропаганды, а также на осуществление в конкретных условиях подведомственным их территории мероприятий, вытекающих из программ криминологической профилактики преступности более высокого /республиканского или всесоюзного/ уровня.

3. Основные направления реализации программы криминологической профилактики преступности в регионе. Цели криминологической профилактики преступности сами по себе еще не определяют формы и содержание практической деятельности по достижению поставленных целей. Криминологическая профилактика как момент преобразования социальной действительности не происходит в вакууме, а будучи аспектом целостного процесса социального управления, так или иначе затрагивает все стороны экономической и социальной жизни профилактируемого общественного организма. Здесь нельзя рассчитывать на возможности изменения каких-то отдельных характеристик действительности без существенного изменения других. Так, например, вряд ли удастся решить проблему миг-

рации, не затрагивая порождающих это явление процессов экономического, демографического, экологического, социально-политического и т.д. порядка.

Поэтому наряду с целевой установкой программы криминологической профилактики преступности в разработке основных направлений практической деятельности по реализации этой программы необходимо постоянно иметь в виду и интегративный характер объекта профилактического воздействия. Внутренняя, органическая целостность профилактируемого объекта, будь это страна в целом, союзная республика, город, административный район или какая-то другая территориально-пространственная единица, территориальная общность, обязывает нас построить структуру практических мероприятий по профилактике преступности с учетом основных функций территориальных общностей. Это, во-первых, обеспечивает комплексность профилактической деятельности, а, во-вторых, уменьшает риск нарушить внутреннюю целостность профилактируемого объекта.

Разумеется, деятельность по реализации программы криминологической профилактики должна быть конкретизирована и по уровням процесса социального обусловливания преступности. Получается, таким образом, что структура практических мероприятий реализации программы криминологической профилактики преступности в регионе вытекает из сочетания трех обстоятельств: целевой установки программы, совокупности основных функций территориальной /профилактируемой/ общности и структуры процесса социального обусловливания преступности.

М.Н. Межевич, один из ведущих специалистов по изучению территориальных общностей, выделяет следующие основные функции территориальной общности: хозяйственно-экономическую, социально-демографическую, социально-политическую, культурно-воспитательную и, наконец, экологическую. В совокупности эти функции, как отмечает М.Н. Межевич, определяют место, функциональное назначение территориальной общности в обществе в целом, причем функциональное описание территориальной общности дает нам представление о ней как о специфическом объекте планирования.² Попробуем про-

² См.: Межевич М.Н. Территориальная общность как объект социального планирования. - В кн.: Планирование социального развития городов. вып. 2. - М., 1970. С. 58-60.

анализировать сложившуюся в Эстонской ССР криминогенную ситуацию, возможности ее преодоления в аспекте предложенной М.Н. Межевичем функциональной структуры территориальной общности.

Выше мы пришли к выводу, что криминогенная ситуация в республике связывается с определенными дисфункциями в развитии экономической и социальной жизни. Так, чрезмерно интенсивное промышленное освоение северной, в особенности северо-восточной части республики, развертывание промышленности в объеме и качестве, явно не соответствующем ни демографическому потенциалу республики, ни производственным традициям, ни экологическим условиям, вызвало не только первичную иммиграцию, но и создало объективную основу исчезновению укоренившегося в этом районе населения. Кроме чисто экономических причин, миграционную активность населения промышленного района на севере республики поддерживает сильно загрязненная окружающая среда. В сельскохозяйственных районах республики криминогенная ситуация и, лежащая непосредственно в ее основе миграционная активность населения, разложение традиционных социальных структур была вызвана необоснованно резкой переориентацией организационной структуры сельскохозяйственного производства на крупные хозяйства и соответствующей реорганизацией как поселенческой структуры, так и социальной инфраструктуры села.

Таким образом, мы могли убедиться, как крутые преобразования в некоторых компонентах целостного общественного организма, его частичное переустройство без соответствующих изменений в других компонентах, порождает острые социальные дисфункции, оживляет стихийные, неподдающиеся контролю процессы восстановления равновесия между различными компонентами общественного организма на новом уровне его развития. Эти процессы, с точки зрения всего общества, быть может, не так уж болезненны, в жизнедеятельности же отдельных людей и социальных групп отражаются весьма драматично. Разлагаются традиционные устои их образа жизни, расшатываются ценностные и нормативные системы, ориентирующие человека в социальной действительности, теряется уверенность человека как в самом себе, так и в разумности происходящего вокруг него. Словом, идет в определенном смысле тотальное отчуждение социальных структур, в результате чего человек начинает чувствовать себя в обществе чужим. Чтобы приостановить подобные процессы, нельзя полагаться на административ-

ный ~~критерий~~, а необходимая ~~возможность~~ по каким-то причинам социальными дисфункциями ~~преодолеваются~~ адекватными действиями. В этом и состоит суть социального управления в целом, а также криминологической профилактики преступности как аспекта социального управления.

Учитывая конкретные особенности криминогенной ситуации в Эстонской ССР, можно прийти к выводу, что для ее преодоления было бы необходимо предпринять следующие хозяйственно-экономические меры: 1/ за счет повышения производительности труда и реорганизации /обновления/ производственной структуры восстановить равновесие между потреблением и предложением рабочей силы, причем как в количественном, так и в качественном смысле, ликвидировать хронический дефицит народного хозяйства, в особенности промышленности, в кадрах; 2/ восстановить в организационной структуре сельскохозяйственного производства наряду с крупными хозяйствами и средние, а там, где это по экономическим и экологическим причинам целесообразно, и маленькие хозяйства вплоть до семейных ферм, обеспечивая тем самым наиболее полное и интенсивное использование продуктивной земли и ликвидацию сельских периферийных зон; 3/ ускорить темпы создания соответствующей современным стандартам социальной инфраструктуры не только в промышленных районах, но и в сельской местности, восстановить социальную инфраструктуру и поселенческую структуру в сельской периферии.

Меры криминологической профилактики в социально-демографической сфере должны: 1/ стимулировать естественное воспроизводство населения на уровне, удовлетворяющем потребности народного хозяйства в рабочей силе, избегать разрыва между количеством рабочих мест в народном хозяйстве и демографическим потенциалом населения; 2/ обеспечить нормальные условия для демографического воспроизводства по всей территории республики, в особенности в нынешних периферийных зонах. В этих целях усовершенствовать сеть медицинского обслуживания, а также общего и профессионально-технического образования по принципам децентрализации, сделать медицинское обслуживание и образование доступным населению по месту жительства.

В сфере культурно-воспитательной работы криминологическая профилактика преступности предполагает: 1/ качественное улучшение интернационального

воспитания во всех национальных группах республики, в особенности среди только что иммигрировавших из других союзных республик; 2/ вовлечение национальных меньшинств, в частности русского контингента населения, в культурную жизнь республики, возбуждение в них интереса к созданию ценностей во всех областях культурной и духовной жизни Эстонской ССР; 3/ совершенствование правового воспитания населения в духе укрепления уверенности в непоколебимости законности, порядка и общественной дисциплины.

В экологической сфере задачи криминологической профилактики преступности связываются с улучшением жизненной среды населения, охватывая при этом как природные, естественные элементы, так и искусственные, создаваемые самим человеком, компоненты. Мы уже отметили, что в связи с интенсивным развитием промышленности в северной части республики, в особенности в северо-восточном промышленном районе, сложились весьма недоброкачественные условия жизнедеятельности. Это выражается как в отсталости социальной инфраструктуры, так и в опасной для здоровья загрязненности воздушной среды, водных бассейнов и т.п. Вследствие всего этого в районах размещения крупной промышленности наблюдается повышенный уровень смертности трудоспособного населения, признаки стрессовых настроений людей, что в конечном счете и ведет к различного рода асоциальным поступкам. Поэтому экономия за счет качества жизненной среды лишь мнимая экономия.

В заключение хочется подчеркнуть, что криминологическая профилактика преступности в регионе представляет собой поистине сложный комплекс мероприятий, пронизывающих все основные функции территориальной общности. Поэтому было бы наивно думать, что здесь можно обойтись какими-то хитроумными мерами, своего рода социальной косметикой, затрагивающей только преступность и не имеющей дело с другими процессами и явлениями функционирования общественного организма. Суть проблемы как раз в том и состоит, что нет и не может быть социальных причин преступности вне взаимодействия и взаимовлияния самых обыкновенных, самых привычных общественных процессов. Нет, стало быть, и другой возможности для предупреждения преступности кроме благоразумного изменения состояния порождающего ее общественного организма.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

А. Яковлев

К числу экономических преступлений в сфере общественного производства, наряду с хищениями и кражами на производстве относятся такие преступления, совершаемые в сфере народного хозяйства, как выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, частно-предпринимательская деятельность, коммерческое посредничество и ряд других преступлений. К категории экономических преступлений, связанных с извлечением нетрудовых доходов, могут быть отнесены также должностные преступления (злоупотребление властью или служебным положением, взяточничество и т.д.) в случае, если они совершаются в связи или по поводу функционирования экономических отношений.

Подобные преступления совершаются людьми, занимающими определенные социальные позиции в сфере экономики и осуществляющими требования, связанные с этими позициями социальных ролей. Каковы причины этих преступлений? Какие меры борьбы с ними наиболее эффективны в современных условиях социального хозяйствования?

Специфика социальных (и антисоциальных) ролей в сфере экономики связана с рядом существенных факторов, характерных для этого вида деятельности. Поскольку в сущности своей всякий труд есть приложение усилий, затрата энергии индивида для преобразования объекта труда, постольку результат труда предполагается пропорциональным трудовым затратам. Ориентация на результат, на то, что получено путем затраты энергии, приложения усилий — один из факторов, формирующих трудовое поведение. Труд этот, однако, никогда не выступает в "чистом виде" — он всегда обставлен рядом существенных социальных рамок и условий (в том числе — правового характера). Эта обусловленность процесса труда социальными нормами — столь же важный фактор, формирующий трудовое поведение в сфере экономики.

Именно поэтому любая социальная роль в экономике может быть представлена в виде различного рода сочетаний двух ви-

дов ориентаций – на материальный результат труда, во-первых, и на нормативную структуру того экономического института, в рамках которого протекает данный трудовой процесс, во-вторых. Коллизии внутри и между ориентациями такого рода формируют антисоциальную роль правонарушителя и преступника в сфере экономики.

Академиком Т.И. Заславской были выделены две противостоящие друг другу стратегии поведения людей в сфере труда: "максимум дохода ценою максимума труда", – с одной стороны, и "гарантированный доход ценою минимума труда" – с другой. Приведя конкретные примеры такого рода Т.И.Заславская отмечает, что основная часть населения комбинирует обе стратегии в зависимости от личных предпочтений и обстоятельств.¹

Если первым фактором трудового поведения (как и поведения в сфере экономических отношений в целом) является стремление к соотношению затрат (труда, энергии, ресурсов и т.д.) с полученным при этом результатом (продуктом, доходом, прибылью и т.д.), то вторым, не менее важным фактором трудового поведения является степень его вариабельности, т.е. степень и уровень возможности для совершенствования сферы приложения труда, самого трудового процесса, возможность поиска более производительных альтернатив, более выгодного, прибыльного приложения труда и т.д.

Такого рода стремление к инновации (по разному выраженное) может вступать в различные отношения с нормативной структурой данного экономического института – от инноваций, нарушающих лишь устаревшие технологические нормы, до сносов экономического поведения, входящих в противоречия, нарушающих нормы хозяйственного, финансового, трудового и – на крайнем полюсе (при определенных условиях) – нормы уголовного права.

Соотношение затрат и результатов, вариабельность трудового (экономического) поведения дополняется, наконец, таким важным фактором, как большая или меньшая Гарантированность получения желаемого результата (фактор риска).

По параметрам соотносимости (затрат и результатов) вариабельности и гарантированности могут быть выделены несколько вариантов трудового (экономического) поведения, присущего лицам, выполняющим конкретные социальные роли в

¹ Заславская Т.И. Творческая активность масс: социальные резервы роста // ЭКО. – 1986. – №3. – С. 8

сфере экономики.

Поведение, строящееся по формуле "максимум дохода ценою максимума труда", естественно связывается и с максимумом инноваций, что в свою очередь максимизирует как вероятность получения положительного результата, так и риск возможной неудачи. Инновации есть неотъемлемое условие всякого развития. Вместе с тем, как это понятно, ожидаемый результат того, что предпринимается впервые или по-новому, не обладает естественно, тем уровнем гарантированности, который присутствует там, где все следует давно выработанным путем. Отсюда — чем значительней инновация, тем, в принципе, выше как возможность получения более высокого результата, так и риск пропорциональных потерь. Максимализация усилия, затрат, вложений и т.д. повышает как размер ожидаемой выгоды, так и объем возможного ущерба. Вместе с тем, стабильность, достигаемая за счет исключения всякого риска, автоматически исключает возможность интенсивного роста и развития. Выразителем дисфункционального стремления к "абсолютному отсутствию риска" является распространенный афоризм: "инициатива наказуема".

Инновации — неизбежное условие интенсификации труда и развития экономики в целом. Только такое развитие способно привести к росту производительности труда при сокращении потребления энергии, природных ресурсов и числа работающих. Такое поведение максимизирует риск в условиях, когда оно вступает в противоречия с устаревшими элементами нормативной структуры экономического института, т.к. оно способно нарушит букву инструкции во имя интересов дела, производства, экономики и исполнитель принимает на себя всю последующую ответственность.

Противоположным случаем является поведение, соответствующее формуле: "минимум дохода при минимуме труда". Оно исключает инновации и минимизирует риск при получении результата. Такого рода поведение связано с экстенсивным развитием экономики, где рост достигается лишь за счет вовлечения в производство все новых и новых природных ресурсов, увеличения затрат энергии и числа работников. Сокращающаяся возможность подобного вовлечения ведет к остановке развития и роста экстенсивно ориентированной экономики.

Минимизация риска достигается при этом за счет буквального следования нормативам, инструкциям, приказам даже

в ситуации их явного несоответствия реальной технологической (экономической) ситуации, где ответственность за наступивший вред может быть автоматически возложена на источник подобных нормативов, а не на их исполнителя. Такой вред обычно выражается в выпуске продукции, заведомо не находящей сбыта и применения, брака, расточении и омертвлении производственных фондов и в иных формах бесхозяйственности.

Преступность в сфере экономики выступает прежде всего в форме поведения, организуемого по принципу "максимум дохода при минимуме труда", но "инновации" при этом сводятся лишь к изысканию возможностей для хищений, краж, злоупотреблений служебным положением в корыстных целях, взяточничества, а риск получения "дохода" варьируется в прямой зависимости от пассивности или активности правоприменительных органов. Подкуп должностных лиц, коррупция способны минимизировать и подобного рода риск.

Более сложной является нередкая ситуация, когда поведение следует формуле "максимум дохода ценою максимума труда" при совершении экономического преступления как формы противозаконной реализации объективной производственной необходимости, потребности (инновация вынужденно нарушает уголовный запрет). Здесь возникает противоречивая фигура "бескорыстного преступника" (дача взятки за поставку фондируемой продукции или для получения необходимых механизмов с целью предотвратить остановку производства и т.д.).

Отличается своеобразием и такая форма поведения, когда "максимум дохода" достигается ценой "максимума труда", однако к такому доходу присовокупляется и присвоенная или похищенная прибыль (типичный пример - частнопредпринимательская деятельность в рамках государственного или общественного предприятия или учреждения).

Здесь инициатива, технологические, производственные, экономические инновации, интенсификация производства служат цели получения в рамках социалистического по форме предприятия максимальной частной прибыли. Соответственно максимализируется и риск занятия подобной деятельностью, что влечет и рост коррумпированного воздействия с целью обеспечения продолжения подобного рода деятельности.

Приведенная классификация социально-ролевого поведения позволяет сделать ряд выводов. Так, пассивное, формально-ролевое поведение в сфере экономики причиняет ущерб так же,

как причиняет его и расхититель, нарушающий уголовный закон. При формальной противоположности таких видов поведения, задержки в интенсификации производства, связанные с бесхозяйственностью, прямой ущерб и упущенная выгода причиняют убытки народному хозяйству, превосходящие во много раз размеры прямых хищений в сфере производства.

Активное, инициативное поведение в сфере экономики простирается от здоровой социалистической предприимчивости, часто связанной с ломкой устаревших, неадекватных требованиям экономики элементов нормативной структуры этого социального института — до тех случаев совершения экономических преступлений, в основе которых лежат серьезные дисфункции в сфере управления экономикой, и вплоть до воплощения такой инициативы в принципиально чуждых социализму формах частнопредпринимательской деятельности.

В качестве общей закономерности можно отметить, что чем более социальное развитие поощряет и гарантирует первый из перечисленных типов социально-экономического поведения, создает необходимые объективные условия для его успешного развития — тем меньше остается оснований для экономической преступности. Эффективность, высокая производительность — решающая характеристика успешной экономической деятельности. Пассивность, косность, препятствующие такому развитию, бесхозяйственность не только тормозят такую деятельность, но часто идут рука об руку с расточением и расхищением государственного и общественного имущества.

Ликвидация социальных дисфункций в сфере экономики требует учета и иных объективных потребностей экономического развития. Так, быстрое повышение технической вооруженности труда, экспоненциальный рост эффективности мощной и сложной техники, с одной стороны создает возможность значительного повышения производительности труда, но и с другой стороны чреват возможностью нанесения несравнимо большего и тяжелого по своим последствиям вреда в случае ненадлежащего применения такой техники, нерадивого, неграмотного либо преступно халатного обращения с ней. Именно поэтому в рамках функционирования сложных технических систем возрастает роль человека — со всей совокупностью специфических требований, предъявляемых к подобного рода социальной роли. Индивидуализация рабочего места, все более связанного с управлением сложными техническими агрегатами, ведет к тому, что человек все чаще остается "один на один"

со специализированной, высокоэффективной аппаратурой и т.д. В этих условиях внешний контроль, обеспечение дисциплины труда при помощи надзора и системы негативных санкций становится все менее и менее эффективным, а преступная небрежность — все более тяжким по своим последствиям.

Традиционно формирование ролевого поведения, соответствующего подобной ситуации, увязывалось либо с повышением ответственности различного рода (наименее эффективный путь), либо с ростом материального вознаграждения за должное поведение (более эффективный подход). Однако мотивирующее значение подобного рода "извне направленных" факторов более ограничено по сравнению с мотивацией, работающей "изнутри" индивида.

Именно поэтому на смену внешне ориентированному поведению должно приходиться поведение, ориентированное на внутренние ценности и интересы трудящегося, ориентированное на достижение реального, высокопроизводительного результата. На смену пресечения нарушений — поощрение за производительный труд и инициативу, что в свою очередь только и позволит реально предупреждать дисфункции и преступность в сфере экономики. Главное однако в изменении позиции индивида по отношению к выполняемой им социальной роли: от вынужденного ("расчетливого") подчинения ее требованиям — к свободному отождествлению с такой ролью, основанному на высокой реальной самооценке человека, вырастающей из заслуженного общественного признания и поддержки. Работник эпохи технологической революции — не просто высококвалифицированный специалист, но и личность с высоким чувством собственного достоинства, с ориентацией не просто на внешние требования и ожидания, но главным образом на собственные этические представления.

Подобная переориентация не есть по преимуществу воспитательная или психологическая проблема, она требует перестройки, совершенствования социалистических производственных отношений, перестройки реальных производственных, жизненных условий трудовой деятельности. Интенсивный, высокоэффективный труд требует глубокой внутренней мотивации — этой движущей силы не заменит ничто. Если работа "по минимуму" и может давать приращение производству, то только экстенсивным путем, т.е. привлечением все новых и новых ресурсов, все большего числа работников. Интенсификация производства требует работы "по максимуму". Вне такого рода ако-

номического поведения переход к интенсивной экономике невозможен.

В свою очередь "интенсивная мотивация" возможна в ситуации, где высокая степень трудовой вариабельности и социальной мобильности обеспечивает занятие индивидом соответствующей позиции по свободному выбору (а не в силу давления обстоятельств или структурных ограничений), в ситуации, где инициативная и ответственная деятельность получает социальное признание и поддержку.

Конечно, экономический стимул или экономический интерес — решающая доминанта социально-значимого поведения в сфере экономики (как согласующегося с законом, так и противоправного). Однако, именно преобразование такого рода стимулов в направлении, согласующемся с существенными общественными потребностями, требованиями советского общества, государства — решающий момент в деятельности, преследующей цель приведения в норму подобных отклонений. Производственные отношения социализма, их совершенствование создаст необходимые предпосылки для согласования экономических интересов советских людей с социалистической нравственностью, моралью и правом.

Важным условием развития социально-позитивного, активного ролевого поведения в сфере экономики является совершенствование нормативной структуры этого социального института в направлении его большей адекватности экономической реальности. То, что соответствует интересам общества и государства, что наиболее эффективно, то должно быть и законным. Уголовная противоправность деяний, совершаемых в сфере экономики, должна постоянно проверяться с точки зрения ее реальных социальных функций, с точки зрения того, какого рода социально-ролевое поведение оно разрешает или запрещает с тем, чтобы исключить возможность уголовного преследования за деяния, не обладающие реальной антиобщественной направленностью.

По каким же параметрам следует оценивать те или иные действия, относя их либо к норме, либо к отклонению? Только соотнося их с существенными, содержательными характеристиками соответствующей социальной структуры — а именно — с ведущими принципами и характеристиками социалистической экономики. Такая общая формула наполняется конкретным содержанием в свете задач, поставленных перед советской

экономикой XXV съездом КПСС в основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. Центральным пунктом этого документа является требование "перевести в двенадцатой пятилетке все отрасли экономики на новые методы хозяйствования". Именно по этому критерию - соответствия или несоответствия социальных условий в сфере экономики новым методам хозяйствования - и должно проводиться различие между реальной, прогрессивной социальной нормой, воплощающей эти новые методы и отношения, от устаревших норм, тормозящих экономическое развитие страны, норм, сохраняющих формальную нормативность, но потерявших свое социально-экономическое обоснование.

В число таких "норм-отклонений" попадают, например, инструкции центральных экономических ведомств, которые по существу выхолащивают смысл новых положений хозяйствования, недопустимо ограничивают права предприятий.

Главный критерий оценки тех или иных правил и норм в сфере народного хозяйства - их соответствие объективным потребностям реального функционирования и развития социалистической экономики, эта оценка выводится из структурно предопределенных требований, выполнение которых только и способно обеспечить дальнейшее развитие и совершенствование социалистического народного хозяйства.

Здесь мы подходим к важной особенности функционирования социальных и правовых норм в сфере экономики. Она заключается в том, что при определенных условиях ряд нормативов, действующих в этой сфере, отстает от требований динамического развития и, сохраняя (до определенного времени) свою нормативную форму, такие нормы становятся по существу социально дисфункциональными. Они противоречат ведущей тенденции развития социалистической экономики и с позиции оценки их реального содержания они могут быть охарактеризованы как "нормативно оформленное отклонение", социальная девиация. Криминологическим результатом их сохранения является совершение таких экономических преступлений как приписки, выпуск недоброкачественной продукции и др.

Известно, что никакая экономическая система не может удовлетворительно функционировать вне границ и рамок, устанавливаемых законодательным или административным путем - экономика как социальный институт немыслима вне конкретной нормативной структуры. Криминологический же аспект проблемы ограничений и запретов в экономике возникает в связи с

тем, что в условиях интенсивного экономического развития система многочисленных запретов (традиционно связанная с экстенсивным типом экономического развития) не только теряет свою эффективность, но и сама по себе способна сыграть роль криминогенного фактора.

Как ни парадоксально, но в сфере экономики само по себе обилие указаний, правил, инструкций, приказов может служить поводом, предлогом, основанием для отказа от принятия экономически и технологически обоснованных решений. По данным ВНИИ системных исследований Госплана СССР и АН СССР — в сфере управления в стране ежедневно обрабатывается 100 млрд. листов документов. Выработалась особая форма деятельности — создание и построение частотола из инструкций и запретов, за буквой которых легко укрыться от принятия необходимых решений, требуемых интересами дела.

Там, где система запретов превращается в самоцель, там неизбежен чрезмерный рост управленческого аппарата, призванного контролировать выполнение растущего количества указаний и распоряжений. В настоящее время темпы роста численности работников управленческого аппарата превышают рост числа рабочих и служащих. В народном хозяйстве счетоводов и бухгалтеров по данным на 1986 год насчитывалось примерно столько же, сколько других специалистов и в три раза больше, чем экономистов и инженеров-экономистов. Поддержание деятельности разветвленного контролирующего аппарата ложится серьезным бременем на экономику, увеличивая непроизводительные затраты.

Любой аппарат требует, естественно, выделения средств на его реализацию (новых штатов, фондов, ресурсов и т.д.). По достижении определенного предела рост подобных затрат способен перекрыть тот выигрыш, который ожидался от введения подобного запрета. Запреты, действующие вопреки объективным закономерностям объективного характера, чреватые злоупотреблениям, плодят протекционизм, взяточничество и иные виды преступлений. С ростом числа запретов неизбежно растет угроза превращения запрета в предлог для вымогательства. Социально не оправданные запреты, выступая по своей видимой цели как орудия укрепления порядка в экономике, по сути могут служить искусственным оправданием существования таких управленческих структур (и соответст-

вущих социальных групп), чья деятельность в реальности лишь тормозит необходимую перестройку экономики.

Принципиальной чертой экономики как института социалистического общества является ее плановый характер. Успешность планового руководства экономикой тем выше, чем адекватней оказывается планирование реальным потребностям производства и общества в целом.

Снижение уровня соответствия плановых заданий объективным условиям хозяйствования, ведущее к социальным дисфункциям, обуславливается рядом факторов, каждый из которых способен оказать влияние на экономическую преступность.

Для успешного функционирования социалистической экономики чрезвычайно важен социальный механизм получения объективной информации о реальном состоянии производства и потребления в стране. Существует опасность ограничения информационных функций государства ведомственным подходом. Известно, что экономическая информация (как и иные виды данных о социальных процессах) собирается каждый раз по заранее установленным показателям, на основе определенных критериев. Если эти показатели и критерии отражают не общественное, а узковедомственные установки и интересы, то собираемая информация (даже если она и не искажается сознательно) отражает лишь ту сторону действительности, которая не противоречит этим интересам. На основании этих данных строятся выводы и вновь определяются соответствующие этим выводам параметры подлежащих сбору информационных данных. Односторонняя установка "сверху" предопределяет поступление "наверх" односторонних данных. Круг замыкается. Возникает ситуация, чреватая отрывом от реальности, ситуация "взаимного введения в заблуждение". Именно в такой ситуации управленческая деятельность в сфере экономики становится по преимуществу деятельностью ведомственной, а отставание в экономическом развитии успешно маскируется, в том числе — при помощи приписок — весьма опасной разновидности экономического преступления.

Социальный аспект проблемы борьбы с приписками связан с существенной чертой функционирования неизбежных для экономической системы показателей ее деятельности. Эта черта связана с двойственной природой таких показателей. Так, с одной стороны, они отражают реальность, то, что сделано, что достигнуто. С другой же стороны эти

показатели функционируют не только в сфере сущего, наличного, но и служат для формулировки желаемого, будущего, перехода в сферу должного.

Показатели, отражая реальность, никогда не могут быть ей тождественны. Это не есть сама реальность, а лишь часть ее, сознательно отобранная под определенным углом зрения. Будучи сформулированными, показатели начинают собственное, относительно самостоятельное функционирование. Они неизбежно отрываются от реальности и могут отображать ее неадекватно либо в связи с изменением этой реальности, либо в связи с их собственным субъективно обусловленным несовершенством.

Двойственна природа и самой экономики как социального института. Это, с одной стороны, — производство, и с другой, — управляющая система. В этой связи то, что на стороне производителя выступает в форме отчетных показателей, — на стороне управляющей системы выступает и как критерий оценок производственной деятельности и как средство директивного руководства этой деятельностью. Поэтому то, что призвано отражать реальность, становится орудием ее изменения. Показатель превращается в оценку и директиву.

Производитель имеет дело с реальным результатом своей деятельности, орган управления — с ее показателями. Именно здесь и открывается возможность заменить реальный результат деятельности ее показателями, придать им самодавящее, решающее значение (отсюда — печально известный лозунг бюрократа: "главное — не портить показатели").

Дисфункциональные последствия двойственной природы экономических показателей усиливаются в той мере, в которой ориентация на реальный результат производственной деятельности подменяется ориентацией на соответствие показателей этой деятельности заранее установленным директивам — вне зависимости от реальной экономической ситуации. Работа же не на показатели, а на реальный результат делает приписки ненужными и невозможными.

Отмеченная выше двойственная природа экономики (производительная деятельность и управляющие воздействия) предопределяют и своеобразие социальных ролей, образующих данный социальный институт. Так, в качестве участника материальных производственных отношений хозяйственный руководитель испытывает на себе их воздействие и так или иначе реагирует на них (расширение или сужение ресурсных возмож-

ностей, появление технических инноваций, изменения в номенклатуре спроса и т.д.). Поведительное воздействие объективных экономических закономерностей требует принятия решений, адекватных этим закономерностям.

С другой стороны, такой руководитель, его социальная роль — лишь часть, элемент иерархически построенной управляющей системы, и в этой связи его поведение директивно обусловлено такой системой. В той мере, в какой эти директивы объективно отражают познанные экономические закономерности (например, план опирается на реальное материальное обеспечение) — в той мере сужается возможное поле расхождения между требованиями чисто производственного характера и директивными указаниями. В противоположном случае — обостряется внутривролевой конфликт, выход из которого может принять противозаконную (или даже преступную) форму.

Приписки — неизбежный элемент бюрократических извращений, питательная почва для псевдоуправленческой деятельности, служащей не интересам общества и государства, а лишь цели собственного воспроизводства.

Преступность в сфере экономики — показатель определенной неразвитости, исторически ограниченного до настоящего времени характера обобществления производства.

Принципиальной чертой социалистической экономики является наличие общественной собственности на орудия и средства производства. Проблема, однако, заключается в том, что первоначальное установление юридической формы в виде общественной собственности на орудия и средства производства не создает еще, как отмечается в литературе, экономической определенности общественной собственности. На этом этапе есть лишь ее юридическая определенность.

Общественная собственность, следовательно, есть синтез ее юридической и экономической определенности. Развитие производственных отношений социализма идет в направлении все более полной реализации экономической определенности общественной собственности. Этот процесс, однако, не протекает автоматически и далек от завершения. В условиях народнохозяйственного обобществления производства тем субъектом, который в состоянии учесть сложную систему экономических связей и отразить ее в плановых директивах, являются только широкие массы трудящихся. Организованные ас-

социации трудящихся является подлинным субъектом социалистической собственности.²

---

² Бугалин А.В., Молганов А.И., Шухтин В.П. Становление планомерной организации социалистического производства. - Изд. Томского Госуниверситета. - 1953. - 40 стр.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(социологический аспект)

С. Ворухов

В последние годы в сфере укрепления социалистической законности и правопорядка повышенное внимание привлекают проблемы информационного обеспечения. Проведен ряд интересных исследований (В.Д. Олувштейн, С.Е. Вицин, Г.М. Воскресенский, А.Э. Жалинский, И.П. Ипакян, М.В. Костицкий, Г.М. Миньковский, Г.А. Романов, Л.А. Савук и др.), которыми положено начало разработке теоретических основ информационного обеспечения предупреждения преступности и преступлений — главного и ведущего направления правоохранительной деятельности. Формируется постепенно методологический аппарат этой сложной и многофункциональной деятельности. Созданы и действуют в правоохранительных органах автоматизированные информационные системы на базе электронно-вычислительной техники, крупнейшими из которых являются АСУ "Прокуратура", автоматизированный банк данных (АБД), функционирующий в системе МВД СССР, и автоматизированная система правовой информации (АСПИ), создаваемая в системе Министерства юстиции СССР, предназначенные в том числе для обслуживания различных субъектов предупреждения преступлений.

Вместе с тем здесь еще есть много нерешенных проблем, на фоне которых имеющиеся достижения выглядят весьма скромно. Практическая эффективность информационных систем остается еще довольно низкой, произведенные на их создание затраты пока не приносят ожидаемых выгод. В чем же, спрашивается, причины такого положения? Ответ на этот крайне важный и сложный вопрос не может быть однозначным. Более того, найти правильный ответ не так-то просто, ибо для этого необходимо провести специальные исследования. Тем не менее представляется возможным указать на одно важное обстоятельство, с которым, на наш взгляд, в немалой степени связаны отмеченные недостатки. Заключается оно в том, что из пакета проблем информационного обеспечения выпала проблема исследования информационных потребностей предупреждения преступлений.

В основной массе публикаций вопросы, связанные с исследованием информационных потребностей, либо вовсе опускаются, либо рассматриваются лишь попутно и фрагментарно. В литературе нет ни одной работы, специально посвященной вопросам изучения информационных потребностей предупреждения преступлений. Между тем исследование этих вопросов является весьма актуальным как с теоретической, так и в особенности с практической точек зрения.

Являясь по своей сути и содержанию комплексной, исследование проблемы информационных потребностей может, как нам представляется, дать ответ на большое количество нерешенных вопросов, связанных с эффективностью информационного обеспечения предупреждения преступлений. Перспективность и новизна исследования этой проблемы выдвигает ее в настоящее время в число актуальных проблем криминологической науки и практики предупреждения преступлений, поэтому она нуждается в скорейшем и глубоком исследовании. Необходимость в этом объясняется тем, что именно потребность в информации является одной из определяющих факторов в создании систем информационного обеспечения в целом, так и их определяющих звеньев. Верное определение информационных потребностей разных категорий потребителей (в данном случае субъектов предупреждения преступлений), как отмечают многие исследователи этой проблемы в науке управления, играет существенную роль в рациональной организации информационного обеспечения осуществляемой ими деятельности.

Исходя из вышеизложенного, попытаемся рассмотреть социологические аспекты этой проблемы и, в частности, определить в общих чертах программу исследования информационных потребностей предупреждения преступлений и рассмотреть некоторые основные ее элементы.

Важным элементом программы социологического исследования является характеристика проблемной ситуации, решить которую известными средствами становится невозможно. В чем же заключается эта проблемная ситуация применительно к исследованию информационных потребностей? Во-первых, в системе правоохранительных органов проектирование и создание информационных систем с самого начала (конец 60-х начало 70-х годов) и до настоящего времени осуществляется без должного учета информационных потребностей правоохранительной деятельности. Вследствие этого создалась парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, ощущает-

ся явный избыток ненужной, излишней информации, дезорганизующей нормальное функционирование информационных систем, с другой — наблюдается острый дефицит в действительно нужной и полезной информации. До сих пор поиски выхода из этой ситуации все еще осуществляются методом проб и ошибок, что конечно же не способствует наступлению кардинальных положительных изменений.

Во-вторых, по мере развития и технического совершенствования информационного обслуживания, внедрения в деятельность правоохранительных органов электронно-вычислительной техники особенно обостряется необходимость систематической корректировки информационно-аналитической работы путем анализа не только самих информационных потребностей и запросов, но и уровня их удовлетворения, в том числе за счет применения этой техники. Между тем такого рода корректировки зачастую осуществляются без достаточной научной проработки, что в конечном итоге приводит к негативным последствиям.

Изложенное позволяет сделать вывод, что фронтальное социологическое исследование остается единственным путем для получения действительно новых репрезентативных данных о состоянии и динамике развития информационных потребностей правоохранительной деятельности.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является осуществляемое с позиций системного и информационного подходов * теоретическое и практическое изучение информационных потребностей предупреждения преступлений как объективно существующей реальности, решение проблемы их выявления и адекватной оценки на разных уровнях системы предупредительного воздействия на преступность и применительно к разным субъектам этой системы, исследование видов и основных свойств информационных потребностей, факторов, влияющих на их формирование и развитие, определение степени удовлетворенности разных потребителей криминологической информации и поиск путей улучшения их информационного обслуживания, в том числе анализ основных ресурсов информацион-

* Основное гносеологическое содержание нового информационного подхода заключается в вычленении и анализе именно информационного аспекта самых разнообразных изучаемых явлений. В настоящее время происходит становление информационного подхода в качестве общенаучного познавательного средства.

ного обеспечения предупредительной деятельности и выявление имеющихся резервов удовлетворения информационных потребностей и запросов.

Цель исследования обуславливает постановку и решение следующих задач: теоретико-прикладное исследование информационных потребностей в единстве их качественных и количественных характеристик, обусловленных объективными и субъективными факторами и поддающихся целенаправленному воздействию со стороны специальных институтов; определение комплекса принципиально новых характеристик системы предупредительного воздействия на преступность с помощью использования в исследовании нетрадиционного общенаучного познавательного средства — информационного подхода; описание деятельности субъектов предупреждения преступлений как системы (комплекса) информационных процессов и определение в этой системе значения и роли информационных потребностей; классификация информационных потребностей и определение путей, средств и методов их выявления, изучения и удовлетворения.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является информационная деятельность субъектов предупреждения преступлений, а предметом — та часть этой деятельности, которая относится к удовлетворению информационных потребностей и запросов. При этом на начальном этапе исследования, видимо, основное внимание должно уделяться направленности потребностей разных субъектов предупреждения преступлений на конкретные виды источников получения криминологической информации. Здесь предстоит решить следующие вопросы: какая информация, из каких источников должна поступать ее потребителям; каким субъектам предупреждения преступлений, в каком порядке, виде, объеме и в какой периодичности должна представляться информация; как появляются, фиксируются, передаются и используются различные виды криминологической информации и в чем заключается взаимосвязь этих процессов с информационными потребностями; каковы конкретно информационные потребности разных субъектов предупреждения преступлений, как они удовлетворяются и в какой степени? Новизна и практическая значимость результатов исследования на этом этапе будет в значительной степени зависеть от последовательного сочетания анализа информационных потребностей с выявлением степени их удовлетворения.

На последующем этапе исследования предстоит осуществить поиск путей и средств улучшения работы по удовлетворению информационных потребностей. При этом одним из перспективных путей является, на наш взгляд, одновременный учет информационных потребностей и соотношение с ними процессов информационного обеспечения не только предупредительной, но и правоохранительной деятельности в целом.

Важное значение здесь приобретает проверка уровня надежности эмпирического материала, собранного на начальном этапе изучения информационных потребностей.

Методы исследования. К их числу можно отнести практически все методы, широко применяемые в социологических исследованиях: наблюдение, опрос, изучение документов, эксперимент, моделирование и т.д. Однако при этом необходимо учитывать специфические особенности изучаемого объекта и предмета. Так, например, по мнению специалистов, крайне трудно проводить многие виды исследований информационного обеспечения незаметно, не нарушая обычного хода работы. Поэтому, применяя этот метод, целесообразно выбрать метод включенного наблюдения. Будучи, например, включенным в состав информационной службы специалист-исследователь сможет непосредственно ~~сам~~ изучить и получить интересующие его данные.

В частности, важное значение имеет установление во всей массе курсирующей в предупредительной (профилактической) работе информации действительно полезной и необходимой. В то же время не менее важное значение имеет установление недостающей информации. Осуществление наблюдения в сочетании с другими социологическими методами исследования за процессами информационно-аналитической работы и позволит установить излишнюю и недостающую информацию. Решение этой исследовательской задачи представляется исключительно важным, так как оно позволит оптимизировать информационно-аналитическую работу по предупреждению преступлений.

При осуществлении опросов необходимо иметь в виду, что собирать общие данные об информационных потребностях легче, чем конкретные, но они, как правило, имеют весьма ограниченную ценность для проектирования или совершенствования информационных систем. Поэтому опрос надо организовать и проводить так, чтобы имелась возможность получения именно конкретных данных. В противном случае изучение по-

требителей информации просто подтвердит то, что мы в принципе знаем, что лежит на поверхности явлений.

Аналогичным образом надо подходить и к методу изучения документов, отражающих состояние и результаты информационной и аналитической работы. При его использовании для изучения информационных потребностей предупреждения преступлений следует также учесть недостаток оценок информационных служб и систем, проведенных в некоторых сферах, например, в сфере библиотечного дела, когда анализы базировались на запросах, а не на потребностях пользователей информации. Между тем эти понятия отнюдь не тождественны друг другу. То обстоятельство, что фактические возможности информационных центров МВД УВД и информационных служб других правоохранительных органов используются явно недостаточно, в том числе по причине еще редкого числа запросов со стороны разных субъектов предупреждения преступлений вовсе не означает отсутствия у них информационных потребностей.

В силу жесткой нормативной регламентации деятельности информационных служб правоохранительных органов весьма ограниченное применение в исследовании может найти экспериментальный метод. В то же время известно, что именно экспериментальный метод может обеспечить получение новых и оригинальных данных. Поэтому при планировании и проведении исследования информационных потребностей предупреждения преступлений следует изучить и использовать возможности применения этого метода.

Дальнейшее рассмотрение социологического аспекта информационных потребностей требует обращения к вопросу о прогнозировании преступности. Как известно, одним из серьезных недостатков существующих информационных систем в сфере правоохранительной деятельности является то, что они "питаются" информацией об уже совершившихся событиях и фактах, имеющих уголовно-правовое значение. В первую очередь это относится к системам учета и отчетности. Получив такую информацию с "задержкой", правоохранительные органы фактически занимаются только исправлением допущенных просчетов и ошибок и ждут сообщений о последующих. В итоге управление правоохранительной деятельностью, по сути, превращается в "исправление".

Такое положение во многом связано с тем, что вопросу

об информационных потребностях прогнозирования преступности не уделяется сколько-нибудь серьезного внимания. Да и сама концепция прогнозирования преступности, как нам представляется, требует существенной переработки. По-прежнему прогнозы преступности базируются не на данных об этом явлении, а на данных о результатах правоохранительного воздействия на него, основным источником которых является уголовная статистика. Между тем они отнюдь не равнозначны друг другу и по существу отражают совершенно различные явления и процессы. Вследствие игнорирования данного различия фактически прогнозируется не преступность, а будущие, ожидаемые, планируемые результаты воздействия на нее. Конечно же, данные уголовной статистики, несмотря на их ограниченность и весьма условную достоверность, служат определенной базой прогнозирования, но только наряду с другими данными, в комплексе с ними. Брать же за основу только данные уголовной статистики — значит совершать глубокую ошибку, неизбежно приводящую к несостоятельности прогноза.

В этой связи в программе исследования информационных потребностей в обязательном порядке должно быть предусмотрено исследование информационных потребностей прогнозирования преступности и иных правонарушений.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЭССР

Я. Гинтер

При изучении социальных условий преступности использование метода анкетирования предопределяют два обстоятельства: 1) для получения некоторых объективных данных нет другой возможности (например, сколько в семье работающих членов, каково материальное положение в семье и др.); 2) поскольку на реальное поведение человека объективная действительность влияет не непосредственно, а через то, как этот субъект реагирует на действительность, необходимо выяснить отношение людей к конкретным явлениям (например, как они оценивают жилищные условия, условия отдыха и т.д.). Приведенные выше обстоятельства обусловили применение нашей лабораторией такого трудоемкого и дорогостоящего метода, как анкетирование.

Поскольку преступления в основном совершаются индивидами в возрасте от 16 до 50 лет, то основное внимание уделялось жизненным условиям людей именно этого возраста. Исходя из того, что сферы занятий у учащихся и трудящихся значительно отличаются друг от друга, были разработаны и проведены две различные анкеты (одна для учащихся, другая для работающих). В связи с ограниченными возможностями лаборатории (малый штат, финансы) анкетирование на данном этапе охватила лишь учащихся и трудящихся города Таллина и Тарту, а также Харьковского, Йыгеваского, Пылваского, Вырусского и Тартуского районов. Впредь было бы необходимо опросить всю республику, т.к. исследованные районы не представительны для всей республики.

Анкетирование учащихся было проведено весной 1985 г. В сельских районах анкетированию подверглись практически все средние школы, профтехучилища и техникумы. В Таллине и Тарту анкета проводилась выборочно. В средних школах опрашивались ученики 10 классов, в ПТУ и техникумах учащиеся вторых курсов. В каждом учебном заведении анкету заполняли учащиеся одного класса (курса). Всего были опрошены 1845 учеников 77 учебных заведений.

Анкетирование трудящихся проводилось весной 1986 г. При составлении выборки мы исходили из отраслевой структуры занятого в народном хозяйстве населения соответствующе-

го города или района. При выборке конкретных предприятий мы стремились к тому, чтобы в каждом районе были охвачены как сильные, так и слабые, как центральные так и периферийные предприятия и учреждения. Внутри предприятий при построении выборки мы следовали принципу гарантированной случайности. При анализе анкет все же выяснилось, что среди анкетированных несколько больше оказалось представителей ИТЭ и служащих, а также женщин, чем в генеральной совокупности. Однако, поскольку целью исследования было сравнение различных территориальных единиц, а названные отклонения наблюдались во всех районах, то эти неточности мы не посчитали существенными.

Всего анкетированию подверглись 1678 трудящихся 140 предприятий и учреждений. Обработка данных проводилась в Вычислительном центре ТГУ.

Для проверки достоверности анкетных данных они сравнивались по возможности с данными официальной статистики. Например, в анкете содержался вопрос о семейном положении опрошиваемого. Мы сравнили процент разведенных среди анкетированных с соответствующими данными официальной статистики того же района по зарегистрированным разводам на 1000 душ населения. Оказалось, что практически во всех районах действует закономерность, по которой $n \approx 2m$ где n — процент разведенных по анкетам, а m — число зарегистрированных разводов в соответствующем районе на 1000 душ населения. Это показывает довольно большую согласованность между данными анкет и официальной статистикой и свидетельствует о достоверности анкетных данных. Мы также сравнили очередность районов и городов по среднему доходу семьи согласно данным анкеты и по опубликованному в официальной статистике среднему месячному заработку рабочих, служащих и колхозников. Опять оказалось, что данные двух указанных источников подтверждают друг друга.

В предварительной обработке респонденты считались представителями тех территорий, где находится их место работы. В городе Тарту и сельских районах Эстонии место работы и жилья, как правило, совпадает, относительно же районов города Таллина данные показали, что место работы и жилья нередко находятся в разных частях города.

Довольно неожиданными были результаты, которые выяснились при анализе оседлости населения. Выяснилось, что только 23,3 % от числа опрошенных никогда в течение своей

жизни не меняли место жительства. Относительно больше было оседлых в Таллине и Тарту (примерно 1/3). Крайне мало в Харьковском, Йыгеваском и Пылваском районах (8,3 %; 8,8 % и 12,3 % соответственно). Часть переселений можно считать вполне нормальной (например, связанные с учебой и т.д.), однако и они оказывают свое влияние. Но если человек поменял место жительства три и больше раз, это уже обращает на себя внимание. А такие индивиды составили среди анкетированных почти половину, а в Йыгеваском и Пылваском районах даже более половины (63,5 % и 52,9 % соответственно). Очень велик процент тех лиц, которые поменяли место жительства еще до достижения 18-летнего возраста (52,2 %). Этот процент наиболее высок опять-таки в Йыгеваском и Харьковском районах (69,6 % и 69,1 % соответственно). Следует учитывать и то, что переселением не считались такие смены места жительства, которые не выходили за рамки одного населенного пункта. Однако, например, по отношению к несовершеннолетним подобные смены места жительства оказывают довольно сильное разрушающее влияние на социальные связи.

Приведенные здесь данные позволяют объяснить распространенность некоторых отрицательных явлений в сельских районах, а именно: основательно уничтожен оседлый образ жизни, свойственный до сих пор эстонской деревне. Вместо этого появился своего рода бродячий образ жизни, благодаря которому индивид не ощущает себя тесно связанным с местностью. Может быть, нынешний период существенной внутривнутриреспубликанской (и межреспубликанской) миграции можно рассматривать как некий переход, связывающий предшествующий стабильный и какой-то будущий (с другой структурой) относительно стабильный этап. Для того, чтобы сказать что-то более конкретно об указанных периодах, необходимы дополнительные данные. Но уже сейчас можно утверждать: если мы хотим сократить распространенность т.н. бродячего образа жизни, то нужно относиться с крайней осторожностью к учреждению новых крупных объектов народного хозяйства, которые, привлекая новую рабочую силу, обусловили бы дальнейшую миграцию народных масс. Здесь же следует указать и на то, что миграция отрицательно действует не только на тех, кто оказался вовлеченным в этот процесс непосредственно, но и на остальное население.

При рассмотрении миграции в Эстонской ССР эта проблема часто переносится на национальный вопрос (считается, что

уровень миграции велик за счет русского населения, эстонцы же якобы мало переселяются). Наши анкетные данные опровергают это ошибочное мнение. Доля русских, не менявших место жительства составляет 30,2 %, а эстонцев - 22,1 %, прочих национальностей - 11,2 %. Подобная же очередность наблюдается и в том случае, если рассматривать только мигрантов, менявших место жительства три и более раз. Таких среди русских оказалось 32,7 %, среди эстонцев - 44,8 % и среди прочих национальностей - 49,2 %.

Анкетные данные позволяют рассмотреть влияние миграции на правовое сознание населения. Статистически значимыми оказались связи между количеством смен места жительства и мнением опрашиваемого о том, какую долю различных корыстных преступлений правоохранительные органы раскрывают. Оказалось, что чем больше менял человек место жительства, тем чаще он считает, что правоохранительным органам удается раскрыть лишь незначительную часть хищений государственного имущества, взяточничества и спекуляции.

Перемена места жительства в возрасте ниже 18 лет, оказалась статистически связанной с ответом на вопрос, сообщил бы опрашиваемый органам правоохраны, если бы а) его побили, б) украли в автобусе кошелек, в) разбили бы окно в его квартире. Оказалось, что чем чаще происходила смена места жительства в возрасте до 18-ти лет, тем реже человек обращается к правоохранительным органам, в случае, если он оказывается жертвой преступления или прочих проступков (например, из тех, кто до достижения совершеннолетия место жительства не менял, 46 % обязательно заявили бы о пропаже кошелька, а среди лиц, поменявших место жительства до достижения совершеннолетия четыре раза это сделали бы только 22 %).

При этом необходимо помнить, что охваченные анкетированием мигранты - это относительно лучше социализированная, включенная в социальные структуры часть всех мигрантов. Выяснилось, например, что исследованные мигранты относительно чаще обладают более высоким образовательным уровнем, они в их ближайшее окружение несколько реже оказывались жертвами преступлений и т.д. Для более детального изучения лиц, на которых частые смены места жительства оказывают сильное отрицательное воздействие, видимо, использованный нами метод построения выборки не совсем подходит. Те индивиды, на которых миграция оказала наиболее отрицательное влияние, как

правило, не трудоустроены, их невозможно опросить через место работы. Несмотря на это, можно все же констатировать факт, что при помощи анкеты удалось выявить вызывающий тревогу размер распространения миграции, а также показать некоторую отрицательную взаимосвязь между миграцией и правовым сознанием.

Круг вопросов, предложенный респондентам охватывал проблемы, касающиеся правопорядка и правоохраны. Если рассмотреть ответы опрашиваемых на вопрос, какую долю преступлений того или иного вида раскрывает милиция, то выявляется довольно мрачная картина. Самый низкий процент пришелся на выявление взяточничества: 92 % опрошенных ответили, что лишь половина или менее половины подобных преступлений раскрываются. Но по поводу хищений аналогичное мнение высказали 88 %, по поводу воровства личного имущества граждан - 85 %, по поводу хулиганства - 55 %, по поводу изнасилования - 25 %, по поводу убийств - 19 % опрошенных. Наиболее существенные различия в территориальном разрезе выявились в отношении насильственных преступлений. А именно: жители Таллина оценили проблему раскрытия насильственных преступлений еще более отрицательно. Фактор, охватывающий оценки низкого раскрытия всех перечисленных видов преступления, наиболее характерен как раз для Октябрьского, Морского и Ленинского районов г. Таллина и наименее свойственен Цылавскому и Тартускому районам.

Правовое сознание населения характеризует также мнение, согласно которой очень большая часть населения совершила тот или иной вид преступления и проступка. Из перечисленных в анкете преступлений наиболее распространенным считалось получение и дача взяток (видимо, опрашиваемые считали взяткой и дачу вознаграждения людям, не являющимся должностными лицами). В среднем считается, что так или иначе со взяточничеством связано 33 % населения. Расхитители государственного имущества по мнению респондентов составляют 32 % населения, спекулянты - 30 %. Значительно меньшим считается удельный вес хулиганов (14 %), воров личного имущества граждан (13 %) и угонщиков (9 %).

Фактор, охватывающий мнение о большой распространенности всех перечисленных преступлений, наиболее свойственен был г.Тарту и Октябрьскому району г. Таллина и наименее свойственен Харьковскому и Тартускому районам.

Обработка данных анкеты еще не завершена, но уже сейчас

можно сказать, что по результатам одноразового анкетирования нельзя сделать пространные выводы о связях между социальными условиями и преступностью, поскольку зафиксированные анкетой социальные условия в большей степени связываются не столько с преступностью предшествующего периода, сколько с предстоящей преступностью. Анкету необходимо провести вторично, чтобы ознакомиться с изменением социальных условий.

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРЕСТУПНОСТИ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ ЭСТОНСКОЙ ССР С 1980 по 1986 г.

Я.Гинтер

В период с 1980 по 1986 г. в нашем обществе произошли значительные перемены, среди которых существенное влияние на преступность оказывает усиление борьбы с алкоголизмом и пьянством. При рассмотрении роли алкоголя в совершении преступления оказалось, что в различных местностях Эстонской ССР имеются во многом противоположные тенденции.

В районах города Таллина уже начиная с 1980 года наблюдается снижение удельного веса лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии /в Калининском районе в период с 1980 по 1986 г. с 52% до 30%, в Морском районе с 44% до 25%, в Октябрьском районе с 39% до 22% и в Ленинском районе с 37% до 21%; см. рис. 1/. До 1985 года удельный вес лиц, совершивших преступление в нетрезвом виде стал снижаться в городе Кохтла-Ярве /с 1981 г./, в Кингисеппском /с 1982 г./ и Пайдеском районах/с 1983 г./. В Пярнуском районе и в городе Силламяэ началось значительное снижение соответствующего показателя в 1985 году в связи с усилением борьбы с алкоголизмом и пьянством. В остальных городах и районах значительные тенденции к улучшению не наблюдаются. Во многих районах и городах за последние два года удельный вес лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии в некоторой степени даже увеличился. Так например, в 1985 г. соответствующий процент увеличился в Тартуском, Выруском, Йыгеваском, Харьском и Рапласком районах, а также в городе Нарва, в 1986 г. в Вильяндиском и Хаапсалуском районах и в городе Пярну. За период с 1980 по 1985 год значительно увеличился удельный вес лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии в Харьском и Пылваском районах /см. рис. 2/. В районах Валга, Йыгева и Выру в тот же период времени соответствующий показатель был равен 45%.

Приведенные выше показатели указывают на то, что борьба с алкоголизмом лишь административными методами малоэффективна. В Таллине, где по сравнению с другими районами республики население пользуется гораздо более широкими возможностями заполнения свободного времени /культура,

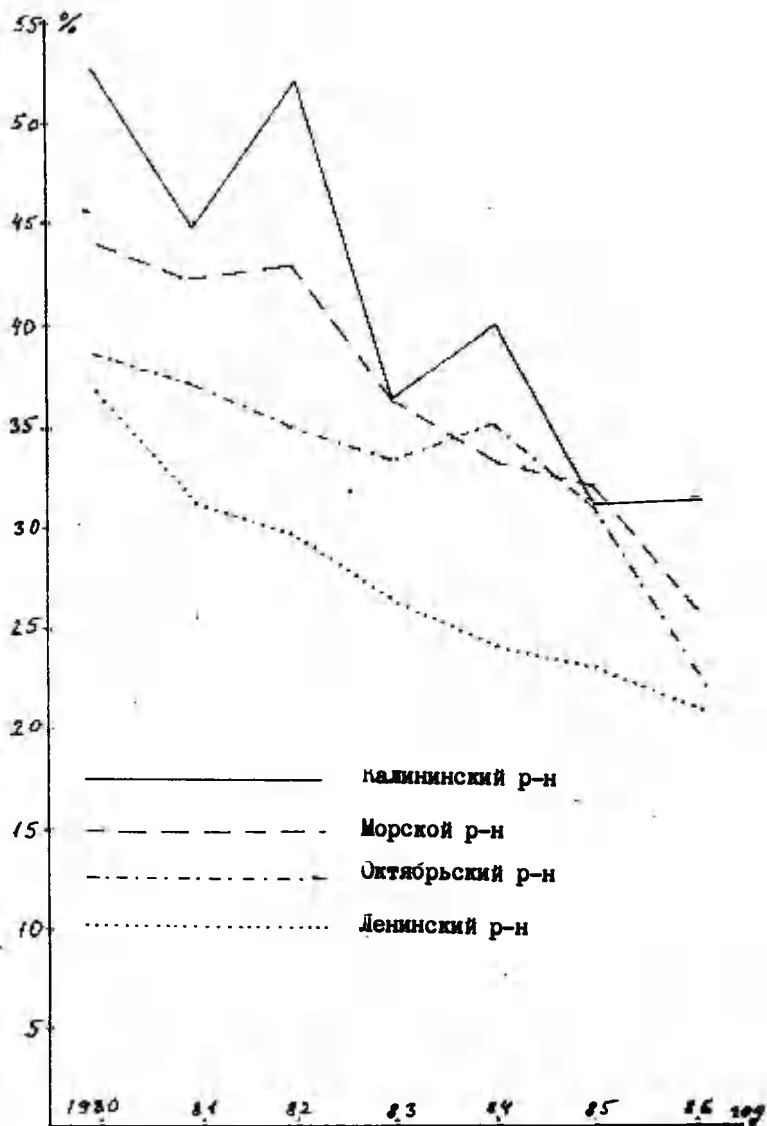

Рисунок I. Удельный вес лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии в районах Таллине

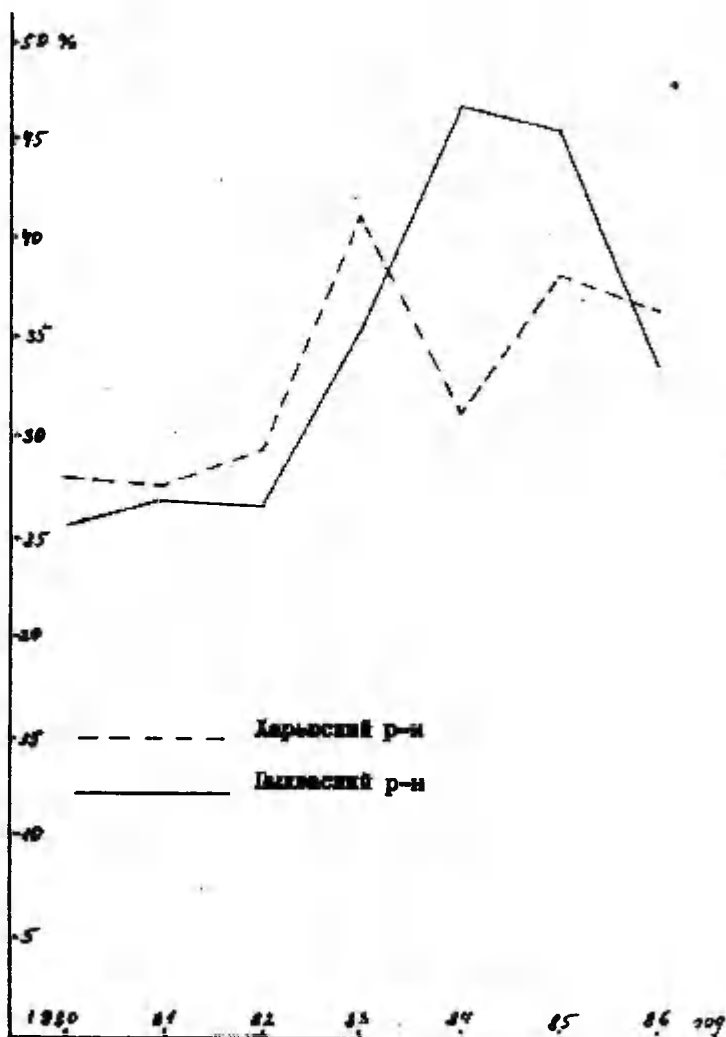

Рисунок 2. Удельный вес лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии в Харьковском и Пыльваском районах

спорт и проч.), удалось значительно снизить влияние алкоголя на преступность. В других же областях, где не предлагаются действительные альтернативы взамен алкоголя, дело обстоит гораздо серьезнее. Нельзя надеяться на улучшение положением в этих областях путем административного воздействия. Необходимо найти и разработать положительные альтернативы алкоголю, в ином случае вместо изъятых из продажи алкогольных напитков появятся самогон, токсикомания и наркомания.

Приблизительно аналогичная картина открывается и при рассмотрении удельного веса тяжких преступлений в общей преступности. Уровень тяжких преступлений в городе Таллине снизился (в Калининском районе с 33 % до 20 %; в Октябрьском районе с 27 % до 17 %; в Ленинском районе с 25 % до 17 % и в Морском районе с 22 % до 17 %). Заметно снизился уровень тяжких преступлений в г. Пярну (с 22 % до 16 %) и в районе Кингисеппа (с 20 % до 6 %). В городах Кохтла-Ярве и Нарва уровень тяжких преступлений относительно стабилен (примерно 30 %). Нет значительных изменений и в районах Харью, Кохтла-Ярве, Пайде, Пярну, Раквере и Рапла, а также в городе Тарту (примерно 20 %). В остальных же районах удельный вес тяжких преступлений существенно колеблется (от 10 % до 25 %).

Высокая доля тяжких преступлений в городах Кохтла-Ярве и Нарва может быть объяснена социальным и психическим напряжением, характерным этому промышленному району Северо-Восточной Эстонии. Снижение соответствующего процента в Таллине видимо объясняется некоторым улучшением социальной среды в столице нашей республики. Интерпретировать значительные колебания удельного веса тяжких преступлений во многих сельских районах на данном этапе нашего исследования не удалось.

Поскольку доля тяжких преступлений в Эстонской ССР высока именно в тех районах, где относительно высок коэффициент криминальной активности (в 1984-1986 гг. в Кохтла-Ярве - 1,51 и в Нарве - 1,17), то неизбежно возникает необходимость проверки гипотезы, согласно которой в этих районах должна быть высокая латентность преступности. В этом

Кoeffициент сравнительной криминальной активности высчитывается по формуле: $K = \frac{\Pi_{\text{рр}}}{\Pi_{\text{рсс}}} : \frac{H_{\text{рр}}}{H_{\text{рсс}}}$, где Π означает число зарегистрированных преступников за определенный период проживающих в данном районе ($\Pi_{\text{рр}}$) или республике ($\Pi_{\text{рсс}}$), H означает количество жителей данного региона ($H_{\text{рр}}$) или республики ($H_{\text{рсс}}$).

случае высокий показатель тяжких преступлений является следствием того, что менее серьезные преступления просто не регистрируются.

Для проверки упомянутой гипотезы рассмотрим число регистраций имущественных преступлений с небольшим ущербом (до 50 руб.) в различных районах ЭССР (см. таблицу 1). Оказывается, что за период 1980-1986 гг. наивысший показатель среди имущественных преступлений с ущербом до 50 руб. приходится как раз на города Нарва, Силламяэ и Кохтла-Ярве, а также на Кингисеппский район, а наименьший — на районы, расположенные вблизи крупных городов, такие как Харьбский, Кохтла-Ярвский, Пярнуский и Тартуский районы.

Поскольку полученные результаты противоречат выдвинутой выше гипотезе, необходимо найти причины того, почему именно в этих районах преступления с малым ущербом имеют столь высокие процентные показатели среди всех зарегистрированных преступлений. Наиболее простым объяснением может быть то, что в структуре преступности рассматриваемых районов высокая доля принадлежит таким видам имущественных преступлений, которые, как правило, не причиняют значительного ущерба. К подобным преступлениям относится практически только грабеж личного имущества граждан, §140 по УК ЭССР (среди грабежей государственного или общественного имущества и разбоя государственного или общественного имущества а также личного имущества граждан тоже выделяются случаи с нанесением небольшого ущерба, однако последние имеют незначительный удельный вес в структуре имущественной преступности).

В связи с тем, что сумму ущерба мы рассматривали по преступлениям (а не по преступникам), по месту их регистрации (т.е. по месту совершения преступления, а не по месту жительства преступника), то рассмотрение распространенности грабежа личного имущества граждан мы должны проводить на тех же условиях. Как показывает таблица № 2, в различных районах и городах уровень распространенности грабежа личного имущества граждан чрезвычайно различен. Показатели экстремальных районов отличаются друг от друга более, чем в десять раз. Если теперь посмотреть на те районы, где высокий удельный вес приходится на преступления с малым ущербом (города Нарва, Кохтла-Ярве и Силламяэ, а также Кингисеппский район), то выясняется, что в Кохтла-Ярве распространённость грабежа личного иму-

Год	Год	80	81	82	83	84	85	86	80-86
Район (город)									
г. Таллин	Калининский р-н	20,5	18,4	16,0	19,0	14,0	16,9	17,7	17,5
	Ленинский р-н	13,2	16,9	12,8	17,3	17,1	17,5	18,5	16,2
	Морской р-н	15,2	16,6	17,9	16,5	17,6	18,6	19,4	17,4
	Октябрьский р-н	14,5	15,5	13,9	14,0	17,3	19,4	14,7	15,5
г. Кохтла-Ярве	18,4	19,3	17,0	22,9	23,5	19,1	23,1	20,5	
Кохтла-Ярвеский р-н	11,5	15,1	13,8	14,6	15,0	14,5	16,0	14,4	
г. Нарва	26,1	21,4	27,6	24,3	29,3	22,0	24,5	25,0	
г. Пярну	17,8	17,8	15,9	15,7	17,8	18,6	17,4	17,3	
Пярнуский р-н	4,7	8,8	21,5	11,7	15,7	14,1	12,3	12,7	
г. Тарту	19,7	15,4	14,3	14,2	17,5	16,8	14,0	16,0	
Тартуский р-н	8,2	17,2	16,8	10,1	15,4	11,7	11,3	13,0	
г. Силламяэ	16,8	23,0	8,4	25,0	28,1	25,0	20,0	20,9	
Валгаский р-н	16,5	14,2	11,7	13,4	11,9	15,9	21,0	14,9	
Вильяндиский р-н	21,9	13,3	19,3	15,5	21,3	16,6	12,2	17,2	
Вырусский р-н	24,3	15,7	22,5	12,9	21,5	20,7	21,5	19,9	
Иыгеваский р-н	16,7	23,9	28,7	12,0	19,1	12,6	21,6	19,2	
Кингисеппский р-н	19,8	23,1	20,2	20,8	23,1	25,5	15,0	21,1	
Пайдеский р-н	23,8	21,2	25,4	14,3	16,5	18,5	16,0	19,4	
Пылваский р-н	16,7	11,8	25,8	21,1	19,3	13,3	13,7	17,4	
Раквереский р-н	24,4	18,1	22,1	16,1	20,3	16,2	20,4	19,7	
Раплаский р-н	23,4	9,9	13,9	25,2	23,2	16,7	12,0	17,8	
Хаапсалуский р-н	22,6	15,6	14,5	21,1	16,9	15,5	18,6	17,8	
Харьуский р-н	11,5	8,8	8,0	10,8	16,0	13,1	13,8	11,7	
Хийумааский р-н	16,9	0,0	33,3	8,2	14,3	0,0	13,2	16,2	
ЭССР	17,6	16,9	18,0	17,2	18,9	17,8	17,7	17,7	

Таблица I. Удельный вес преступлений с ущербом ниже 50 рублей среди имущественных преступлений.

Период		1980-82	1984-86
Район (город)			
г. Таллин	Калининский р-н	1,61	
	Ленинский р-н	1,19	
	Морской р-н	1,96	
	Октябрьский р-н	1,67	
г. Кохтла-Ярве		1,90	1,75
Кохтла-Ярвский р-н		0,56	1,04
г. Нарва		0,88	0,95
г. Пярну		0,93	0,81
Пярнуский р-н		0,72	0,32
г. Тарту		0,78	1,00
Тартуский р-н		0,40	0,23
г. Силламяэ		0,09	0,23
Балгаский р-н		0,78	0,94
Бильяндиский р-н		0,36	1,02
Вьрусский р-н		0,68	0,98
Ильеваский р-н		0,47	0,55
Кингисеппский р-н		0,16	0,13
Пайдеский р-н		0,81	0,69
Пылваский р-н		0,47	0,46
Раквереский р-н		0,73	1,08
Раплаский р-н		0,57	0,93
Хаапсалуский р-н		0,30	0,26
Харьюский р-н		0,34	0,28
Ийдумааский р-н		0,29	0,29

Таблица 2. Распространенность грабежей личного имущества граждан в городах и районах Эстонской ССР (коэффициент сравнительной криминальной активности рассчитан по количеству совершенных грабежей личного имущества граждан)

щества крайне велика, значительно ниже распространенность этого вида преступления в Нерве, а в Силламяэ и Кийгисепском районе эти показатели самые низкие по республике.

Следовательно, распространенность преступлений с малым ущербом нельзя объяснить распространенностью грабежа личного имущества граждан.

Особенности структур зарегистрированной преступности различных районов зависят от трех кругов явлений, каждый из которых имеет свою долю в образовании структуры зарегистрированной преступности и имеет свои причины: 1) различия в действительной преступности, 2) различия в сообщениях о преступлении правоохранительным органам и 3) различия в регистрации преступлений правоохранительными органами. В связи с этим в обосновании различий в показателях распространенности преступлений с малым ущербом имеются три разных пути.

1) В известных районах больше преступлений совершается с малым ущербом, что означает, что в этих районах используются преступные средства и для достижения малой материальной пользы. А это в свою очередь может быть обосновано двумя обстоятельствами: а) в этих районах жизненный уровень относительно ниже и поэтому объективно затруднена возможность совершения преступлений со значительной суммой ущерба, б) специфические социальные условия в этих районах предопределяют распространение в некоторых слоях общественного сознания такого взгляда, который допускает возможность использования преступных средств для получения даже малой пользы.

2) Жители этих районов сообщают правоохранительным органам о совершении преступлений с малой суммой ущерба относительно чаще, чем жители других районов. Это может быть следствием трех причин: а) жители этих районов воспринимают преступления с малым ущербом как существенные; б) в общественном сознании имеет относительно более широкое распространение мнение о том, что о преступлениях непременно следует сообщать правоохранительным органам, и в) жители этих районов больше верят в эффективность деятельности органов правоохраны.

3) В этих районах правоохранительные органы регистрируют относительно большую часть преступлений с малой суммой ущерба, что может быть обусловлено тем, что а) правоохранительные органы района считают преступными большую

часть проступков с малым ущербом, б) правоохранительные органы района работают в таких условиях, которые затрудняют оставить незарегистрированными преступления с малым ущербом.

Для того, чтобы решить, какие конкретные объяснения являются существенными при обосновании характерных показателей преступности городов Кохтла-Ярве, Нарвы и Силламяэ, а также Кингисеппского района, необходимы дополнительные эмпирические исследования. Однако гипотезу о высокой латентности преступности в Кохтла-Ярве и Нарве приходится пока считать необоснованной.

В связи с концентрацией жилищного строительства в микрорайонах Ласнамяэ города Таллина большой интерес вызывает развитие преступности Морского района г.Таллина - района многочисленных новостроек. Выяснилось, что уже в начале рассматриваемого периода преступная активность Морского района была значительно выше других районов и даже выше, чем по республике в целом. Коэффициент преступной активности в 1980 г. составлял 1,68 (1981 - 1,41) (в Октябрьском районе города Таллина, например, 0,62 и 0,73). При рассмотрении изменений преступности с 1980 по 1986 г. обращает на себя внимание, что условия Ласнамяэ в первую очередь повлияли на несовершеннолетних. Если в начале рассматриваемого периода доля 14-15-летних в преступности Морского района составляла 3%, то в 1985 и 1986 гг. этот показатель уже превышает 6%. Сильно выросло количество совершенных в Морском районе таких типичных для несовершеннолетних преступлений, как угон транспортных средств (в 1980-1983 гг. 3 - 4% всех угонов по ЭССР было совершено в морском районе; в 1984 г. этот показатель уже равен 7%, в 1985 г. - 9%, а в 1986 г. - 12%). Несколько вырос показатель Морского района по насильственным преступлениям. Однако чувствуется, что на взрослую преступность Ласнамяэ своего влияния еще не оказал.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭСТОНСКОЙ ССР)

Ю. Саар

В условиях социализма и научно-технической революции всесторонняя включенность в систему социальных отношений, возможность "самоутвердиться", проявить свои способности в различных сферах общественной жизни предполагает определенную образовательную и профессиональную подготовку. Как показывают соответствующие исследования, люди с высоким образованием и квалификацией чаще оказываются "социально неустроенными".¹ На тесную взаимосвязь между успешностью социального самоопределения и социальной неустроенностью указывает устойчивая обратная связь между уровнем образования, с одной стороны, и правонарушениями, пьянством, преступностью, с другой стороны. При этом самый низкий образовательный уровень характеризует рецидивистов и осужденных за тяжкие насильственные преступления.² Установлено также, что преступная активность лиц, занятых малоквалифицированным и маломеханизированным трудом, превышает соответствующий показатель лиц, занятых высококвалифицированным и высокомеханизированным трудом от 3,2 до 26 раз.³ Люди, часто меняющие место работы, совершают правонарушения в 5 раз чаще, чем трудящиеся, закрепленные в одном коллективе. Коэффициент корреляции между текучестью кадров и преступностью составляет 0,8.⁴

¹ См.: Человек как объект социологического исследования. М., 1977. С. 100-101.

² См.: криминология. М., 1979. С. 366-377.

³ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 167. Подробнее об этом см.: Коган В.М. Криминогенные и антикриминогенные факторы в сфере труда. //Методические вопросы изучения социальных условий преступности. М., 1979. С. 183-206.

⁴ См.: Вабаев И.М. Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности. //Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 21. М., 1974. С. 12.

Все вышесказанное доказывает, насколько важную роль играет благополучный процесс профессионального самоопределения молодежи при профилактике правонарушений, особенно в случае тех молодых людей, поведение которых характеризуется как асоциальное.

В формировании личности несовершеннолетних правонарушителей можно заметить существенные отличия от их законопослушных ровесников. Для законопослушной молодежи определяющими являются проблемы выбора жизненного пути после окончания восьмилетки или средней школы. Несовершеннолетние правонарушители, как правило, уже на начальной стадии учебы испытывают серьезные трудности, которые приводят к повторению классов, к сменам школ, к приему на учет в комиссии по делам несовершеннолетних, к направлению в спецзаведения, что не характерно для законопослушной молодежи.

Многие исследователи отмечают специфическое воздействие различных институтов социализации на несовершеннолетних правонарушителей. В качестве такового приходится говорить о чрезмерном влиянии неформальных, довольно криминальных групп на подростков. Разумеется, и для законопослушных подростков в этом возрасте характерно повышение значимости сверстников. Однако это происходит на фоне высокой значимости семьи и школы. Несовершеннолетние правонарушители же как бы совсем выходят из-под влияния семьи и школы, и тем самым влияние неформальных групп резко усиливается. Такое влияние трудно поддается контролю со стороны взрослых. Все эти и подобные моменты как бы создают для несовершеннолетних правонарушителей специфическую среду социализации, что в свою очередь ведет к своеобразному процессу самоопределения, который не характерен для молодежи вообще. Одним из возможных последствий "социальной неустроенности" является противоправное поведение. Из сказанного следует, что противоправное поведение несовершеннолетнего формируется как закономерный результат развития его личности в ходе его включения в систему социальных отношений. Если это так, то становится очевидным, что в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, в процессе их перевоспитания следует акцентировать не столько подавление нежелательного вида поведения, сколько формирование новых, желаемых стереотипов поведения путем соответствующего преобразования жизненной среды.

В нашем исследовании были изучены ценностные отноше-

ния несовершеннолетних правонарушителей к профессиональной деятельности и их планы на будущее в сфере труда, чтобы на основе этих показателей оценить их подготовленность к жизни на свободе. Исследованию подверглись 318 несовершеннолетних воспитанников специального профессионально-технического училища и воспитательно-трудовой колонии Эстонской ССР * мужского пола. В качестве сравнения были использованы материалы, полученные социологами ТГУ и Института истории АН ЭССР при исследовании выпускников общеобразовательных средних специальных учебных заведений и средних профессионально-технических училищ.¹

Трудовая деятельность людей в обществе регулируется различными способами, в частности через ценностные механизмы. Процесс усвоения ценностей происходит следующим образом: из общественного сознания через уровень группового сознания передаются ценности личности (этот процесс, конечно, сложнее и противоречивее, чем в приведенной схеме).

Ценности, выступающие в качестве регуляторов поведения людей в сфере трудовой деятельности, можно обозначить как ценности профессии. Следовательно, ценности профессии, в данном случае — элементы структуры сознания субъекта, которые отражаются в его предпочтениях в отношении к профессиональной деятельности.

Для изучения ценностного отношения несовершеннолетних правонарушителей к труду мы применили блок индикаторов, состоящих из одиннадцати ответов на вопрос "Каким требованиям, по Твоему мнению, должна соответствовать Твоя будущая работа?". В ответах отразились три ценностных комплекса, связанных с профессиональной деятельностью, которые выделены советскими учеными в соответствующих теоретических и прикладных исследованиях.²

* Поскольку на территории ЭССР расположены только эти специальные воспитательные учреждения, исследовательский контингент репрезентативен в отношении несовершеннолетних правонарушителей Эстонской ССР.

¹ См.: Саарнийтс Ю. Общая характеристика выборки исследования (опыт построения многослойной выборки) // Среднее образование — начало пути. Таллин, 1966. С. 166—182.

² Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. О программировании конкретного исследования. // Вопросы философии. 1963. № 8. С. 77. Тийтма М.Х. Ценности, влияющие на выбор профессии. // Вопросы философии, 1959, № 4. С. 52—61 и др.

А. В социалистическом обществе труд все более становится способом самовыражения личности и приобретает соответствующее значение. Самовыражение в профессиональной деятельности становится ценностью и сама сущность профессиональной деятельности выступает в качестве критерия оценки. В группе ценностей самовыражения мы использовали следующие ценностные критерии (индикаторы): "работа должна предоставлять возможность постоянно совершенствоваться" /1/, "работа должна предоставлять возможность быть полезным обществу" /2/, "работа должна предоставлять возможность заниматься интересными проблемами и применять свои способности" /3/.

Б. внешнее вознаграждение, сопутствующее профессиональному труду, выдвигается на передний план в случае, когда работник выполняет такую работу, которая необходима для общества, но которая малосодержательна для него самого. За такой труд работник вознаграждается выше, и в таком труде ценится прежде всего вознаграждение. Однако долгое время явно недооценивалась важность справедливого морального и особенно материального стимулирования за результаты работы, что привело к нежелательному явлению, т.н. уравниловке.

Обобщая опыт предыдущих исследований, мы выделили следующие аспекты, выражающие ценность вознаграждения за труд: "работа должна предоставлять возможность хорошо зарабатывать" /4/, работа должна предоставлять возможность заслужить уважение знакомых и друзей" /5/, "работа должна предоставлять возможность жить спокойной и обеспеченной жизнью" /6/, "работа должна предоставлять возможность продвижения по службе" /7/.

В. В процессе трудовой деятельности могут приобрести значение специфические стороны профессиональной деятельности, которые являются по отношению к трудовому процессу внешними. Такие аспекты могут приобрести самостоятельное значение и превратиться в ценности профессии. В качестве таковых мы выделили следующие аспекты: "работа должна предоставлять возможность руководить людьми" /8/, "работа должна предоставлять возможность общаться с людьми" /9/, "профессия должна предоставлять возможность заниматься чистой и легкой работой" /10/, "работа должна предоставлять возможность относительной свободы в использовании ра-

бочего времени" /II/. *

Степень привлекательности для исследуемых несовершеннолетних каждого ценностного индикатора мы измеряли с помощью следующей шкалы интенсивности:

- 4 - очень важное требование
- 3 - довольно важное требование
- 2 - не очень важное требование
- 1 - не важное требование

Основная часть исследуемого контингента свое отношение к профессии (труду) определила в рамках предложенных ответов. 9 подростков (4,4% выборки) предложили свои варианты ответов. Ценностные отношения несовершеннолетних правонарушителей к профессии характеризуют данные, приведенные на рисунках 1 и 2.

Для выявления внутренних связей в ценностной системе мы применили методику факторного анализа. Четырехфакторный анализ ценностей профессии с описательной силой 58,0 % показывает сильные взаимосвязи внутри ценностей профессии несовершеннолетних правонарушителей. **

I фактор, который описывает 16,2 % от всех возможных вариаций признаков объединяет в себе три индикатора выражающих ценность специфических сторон трудового процесса и один индикатор вознаграждения /индикаторы 7,8,10,11/. Попадание индикатора 7 в этот фактор доказывает что эта ценность /служебный рост/ в сознании исследуемых несовершеннолетних связан не столько с вознаграждением, сколько со специфическими сторонами профессиональной деятельности. По всем этим ценностям были даны низкие оценки, значит, они по существу отрицались исследуемыми. Если сгруппировать все признаки этого фактора, то выясняется, что их можно определить как разные аспекты руководящей работы. Поэтому мы назвали этот фактор фактором негативного отношения к руководящей работе.

II фактор с описательной силой 16,5 % объединяет индикаторы, выражающие ценность специфических сторон трудового

* Аналогичное членение применял Э.Раска при исследовании ценностей профессии молодых преступников Эстонской ССР в 1974 г. Подобное членение индикаторов не является очень строгим и тот или иной индикатор в другом контексте может выразить иное отношение.

**

далее описательная сила

процесса, вознаграждения и самовыражения. Если в первый фактор попали ценности с низкими оценками, то этот фактор состоит из высоких оценок. Высокие оценки этих индикаторов свидетельствуют о потребности исследуемых подростков в признании, общении. Поэтому данный фактор мы назвали фактором признания и общения в сфере труда.

II фактор с описательной силой 12,4 % объединяет ценности вознаграждения и самовыражения. Попадание в этот фактор индикатора I /постоянно совершенствоваться/ наводит на мысль, что под самосовершенствованием исследуемые подростки подразумевают не столько повышение своего интеллектуального, духовного уровня, сколько в основном личностных показателей /например, материальную обеспеченность/. Поэтому мы назвали этот фактор фактором материального благосостояния.

III фактор с описательной силой 10,9 % объединяет ценности вознаграждения и самовыражения с противоположными знаками. В этом факторе выражается твердое понимание исследуемых несовершеннолетних того, что в будущем им невозможно найти такую работу, где бы они могли заниматься интересными проблемами, применять свои способности и хорошо зарабатывать. С полной уверенностью можно предположить, что в действительности они будут жертвовать первым требованием в пользу второго. Поэтому мы назвали данный фактор фактором пожертвования существенных моментов профессии в пользу высокой зарплаты.

Как известно, одним из основных требований при освобождении из СИТУ и ВРК является срочное поступление на работу. Выполнение этого требования на практике иногда осуществляется формально. На том рабочем месте, которое указывается при освобождении, не все воспитанники будут работать. Несерьезное отношение к этому вопросу показали и ответы исследуемых несовершеннолетних на вопрос о планируемом времени поступления на работу. 81 % опрошенных несовершеннолетних правонарушителей намеревается поступить на работу сразу после освобождения. В течение ближайших двух лет собираются это сделать 12 % и 4 % - в отдаленном будущем. Остальные подростки / 3 % / заявили, что совсем не планируют поступить на работу.

Далее мы выделили тех подростков, которые планируют устроиться на постоянную работу до 20-летнего возраста. Их оказалось лишь 61 % исследуемых несовершеннолетних. Неко-

торые исследуемые несовершеннолетние по всей вероятности в спецучилищах будут находиться и после исполнения 20-ти лет и поэтому не смогут поступить на постоянную работу в более раннем возрасте. Другие намереваются сначала устроиться на временную работу, а потом быстро сменить ее. Особое беспокойство вызывает будущее тех 19 % подростков, которые не планируют сразу после освобождения устроиться на работу, а реально рассчитывать на возможность учиться в дневных учебных заведениях могут лишь немногие. Следовательно, часть подростков останется при выходе на свободу неустроенной.

Мы предположили, что выявленное легкомысленное отношение многих исследуемых несовершеннолетних связано с возрастом, т.е., чем меньше возраст, тем чаще встречается несерьезное отношение к трудоустройству. Результаты исследования это предположение не подтвердили. Из 14-летних подростков сразу после освобождения намереваются поступить на работу 77 %, а из 17-летних - 79 %, т.е. разница минимальная. Доля тех, кто не хочет поступить на работу в течение ближайших двух лет после освобождения по возрастным группам колеблется от 8 % до 13 %. Это не свидетельствует о существенных изменениях в связи с возрастом.

Данные исследования показывают, что с повышением возраста уменьшается доля тех, кто собирается поступить на постоянную работу до 20-летнего возраста, от 75 % до 57 %. Наблюдается тенденция - чем старше возраст, тем дальше несовершеннолетние правонарушители отодвигают планируемое время поступления на постоянную работу. Из сказанного можно сделать вывод, что с ростом возраста у исследуемых несовершеннолетних не происходит конкретизации профессиональных планов.

Перейдем к анализу конкретного содержания профессиональных планов несовершеннолетних правонарушителей. Все ответы по содержанию можно разделить на три группы.

1/ Конкретные планы. В таких профессиональных планах кроме профессии подростки точно отметили и предприятие или сферу трудовой деятельности, где они намереваются работать после освобождения. В общем количестве ответов конкретные планы составили маленькую часть - примерно 3 %.

2/ Неконкретные планы - дана только профессия. Профессиональные планы такого рода составили основную группу - свыше 89 %.

3/ Абстрактные планы. Определена только сфера профессиональной деятельности или какая-то сторона будущей профессии. Сюда относятся такие ответы, как например, "в области кино и театра", "где больше платят", "на чистой работе" и т.д. Такие профессиональные планы составили примерно 8 % от общего числа ответов. Если внимательно рассмотреть все ответы этой группы, то можно сказать, что по существу эти ответы свидетельствуют об отсутствии профессиональных планов. Такие ответы заставляют предположить, что эти подростки до сих пор серьезно не подумали о своей будущей профессии.

Если сравнить профессиональные планы несовершеннолетних правонарушителей с планами контрольной группы, то можно сразу обнаружить существенные различия. Исследуемые несовершеннолетние правонарушители чаще, чем юноши контрольной группы намереваются стать рабочими в промышленности, на строительстве, на транспорте и в сфере бытового обслуживания. Например, интерес к рабочим профессиям сферы бытового обслуживания у исследуемых подростков примерно в 10 раз превышает соответствующий показатель контрольной группы /16 % и 1,7 % соответственно/. И наоборот, если среди юношей контрольной группы 24 % планируют стать инженерами, то среди правонарушителей и преступников такие планы имеют только 1,4 %. Между тем к работе творческой интеллигенции исследуемые подростки проявляют примерно такой же интерес, как юноши контрольной группы. Можно сказать, что профессиональные планы контрольной группы по сравнению с планами исследуемых несовершеннолетних более разнообразны.

Выше 85 % правонарушителей предпочитают профессию рабочего. На первом месте по увлекательности находится профессия шофера - 44 %, большую группу составили рабочие профессии сферы бытового обслуживания - 16 %, далее следуют профессии слесаря, токаря, фрезеровщика, сварщика /14 %/. Строителям желают стать 9 % исследуемых подростков, 8 % - механизаторами сельского хозяйства.

Если сравнить эти ответы со шкалой престижности профессий среди контрольной группы, то оказывается, что наиболее популярные профессии среди несовершеннолетних правонарушителей на шкале престижности находятся примерно на середине. А среди только рабочих профессий - наиболее привлекательными являются профессии таксиста и шофера грузовика.

Мы попытались выяснить, почему именно профессия шофера так привлекает несовершеннолетних правонарушителей. Сами

исследуемые объясняли это в основном тремя причинами:

1/ чтобы работать шофером, не надо получать специального образования, достаточно окончить относительно короткие курсы водителей;

2/ работа относительно самостоятельная;

3/ имеется возможность хорошо заработать и использовать транспортное средство в своих целях.

Таковы были ответы одной группы. Вторая группа исследуемых несовершеннолетних, предпочитавших профессию шофера, которая состояла из относительно более молодых людей, не сумели так рационально объяснить свой выбор. По-видимому, они просто следовали примеру старших.

Если проследить изменения профессиональных планов с возрастом, то, как показывают данные исследования, предпочтение профессии шофера с возрастом уменьшается от 57 % до 45 %, и возрастает привлекательность профессий сферы бытового обслуживания - от 7 % до 19 %. Кроме того, уменьшается привлекательность профессии слесаря, токаря, фрезеровщика от 29 % до 12 % и возрастает соответственно привлекательность профессии сферы строительства - от 6 % до 9 %. В результате всего этого можно сказать, что к 17-летнему возрасту 84 % исследуемых несовершеннолетних не намерены работать по специальностям, усваиваемым в СТУ или ВТК.

Блок вопросов, касающихся профессиональных планов исследуемых, должен был также выяснить их собственное мнение о своей компетентности в будущей профессии. 33 % несовершеннолетних правонарушителей заявили, что их знания по избранной профессии очень хорошие. Среди законопослушной юношей таких ответов было примерно в полтора раза меньше - 19 %. Но и тех, кто по собственному мнению практически не знает требований выбранной работы, среди исследуемых несовершеннолетних было больше, чем в контрольной группе /6 % и 2 % соответственно/. Юноши контрольной группы на этот вопрос отвечали осторожнее, избегая крайних оценок.

По разным возрастным группам удалось выяснить следующие закономерности. Самые низкие оценки своим знаниям дали 14-летние - 2,9. В возрасте 15 лет происходит скачок до уровня 3,3 и потом оценки уменьшаются до уровня 3,0 в 17 лет. Это значит, что 14-летние знают по собственному мнению требования, предъявляемые работой, примерно так же хорошо, как и 17-летние. Не происходит конкретизации, представление остается абстрактным.

Еще ярче самоуверенность несовершеннолетних правонарушителей проявилась при оценке своих способностей для работы по выбранной специальности. Из них 34 % считали, что знают свои способности очень хорошо. Среди юношей контрольной группы такие ответы встречались более чем в два раза реже - 15 %. Но и тех, кто практически не знает своих способностей для работы по избранной специальности, в контрольной группе меньше, чем среди исследуемых несовершеннолетних 1/2 % и 5 % соответственно. Средняя оценка у несовершеннолетних правонарушителей существенно выше, чем у юношей контрольной группы - 3,1 и 2,9 соответственно.

Оценки знания своих способностей с возрастом повышаются от 2,9 в 14 лет до 3,1 в 17 лет.

Свои знания о том, в чем состоит работа по избранной специальности несовершеннолетние оценили немного выше, чем юноши контрольной группы. Средние оценок практически не отличаются /3,1/.

Свои знания о том, в чем состоит работа по избранной специальности, считают самыми хорошими 15-летние - 3,4. Это существенно превышает оценки 14-летних - 3,0. Оценка 16-летних опять уменьшается до 3,1.

При анализе оценок знаний о том, каковы зарплата и льготы на выбранной несовершеннолетними правонарушителями работе, вспомним, что в ценностях профессии вознаграждение за труд занимало важное место и превышало соответствующие показатели контрольной группы. То же самое можно сказать и об оценках своих знаний о зарплате и льготах. Средняя оценка исследуемых подростков - 2,9 статистически существенно превышает оценки контрольной группы - 2,7. 29 % несовершеннолетних правонарушителей считали свои знания по вопросам зарплаты очень хорошими, среди юношей контрольной группы таких ответов было примерно в два раза меньше - 13 %. Все это свидетельствует о том, что несовершеннолетние правонарушители при выборе будущей профессии исходят больше, чем законопослушные юноши, из требований материального вознаграждения за труд. Все другие моменты в профессиональном самоопределении имеют для них более или менее второстепенное значение.

Свои знания о зарплате и льготах выше всего оценили 16-летние - 3,0 и ниже всего 17-летние - 2,8. Особую возрастную динамику обнаружить не удалось, но все возрастные группы дали оценки, превышающие ответы контрольной груп-

пы.

Ниже всего исследуемые подростки, как и юноши контрольной группы, оценили свои знания о возможностях служебного роста /2,5 /. Это совпадает со структурой ценностей профессий, где требованию служебного роста было отдано мало предпочтения. Следовательно, можно сказать, что несовершеннолетние правонарушители относятся равнодушно к возможностям служебного роста на будущей работе. Свои знания о возможностях служебного продвижения подростки с возрастом оценивают ниже. Если 14-летние дали оценку 2,7, то 17-летние - 2,4. Это значит, что с возрастом падает интерес к проблемам служебного продвижения у исследуемых подростков.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Ценностное отношение к труду несовершеннолетних правонарушителей противоречивое. Возможность самовыражения в профессии они оценивают декларативно, эти ценности усвоены ими только на вербальном уровне. Самый важный момент, который характеризует их требования к будущей профессии - это материальное вознаграждение.

Исследуемые несовершеннолетние придают также довольно большое значение возможности получить признание и общаться в профессиональном труде. В то же время представление о будущей профессии для них довольно абстрактное, большая группа исследуемых подростков не имеет планов в отношении выбора профессии. В ответах выражается негативизм к профессиям, которые они осваивают в специальных воспитательных учреждениях.

Относительно вышеприведенных самооценок подростков можно сказать следующее:

1/ несовершеннолетние правонарушители оценивают свои знания о требованиях, предъявляемых работой, свои способности для работы по выбранной специальности и то, в чем состоит работа по выбранной специальности, выше, чем юноши контрольной группы;

2/ если мы обратимся к конкретным профессиям, по которым исследуемые несовершеннолетние намереваются в будущем работать, то становится ясно, что о действительных знаниях говорить нельзя. Только 16 % из них намереваются работать по специальностям, которыми овладели. Жизнь лишь немногим дала возможность непосредственно соприкоснуться с профессиональной деятельностью. Поэтому можно сказать, что их

самоуверенность не обоснована и свидетельствует лишь о малой осведомленности в проблемах, возникающих при выборе будущей профессии.

Результаты нашего исследования показывают, что профессиональное самоопределение несовершеннолетних правонарушителей происходит в условиях острого внутреннего психологического конфликта. Многим из исследуемых несовершеннолетних хотелось бы овладеть престижными и высокооплачиваемыми профессиями, но такой возможности у них нет. Кроме того, в ходе перевоспитания им стараются внушить /педагоги, средства массовой коммуникации/, что нельзя ориентироваться на высокую зарплату. А в действительности ориентированность на материальное самоосуществление не такая уж большая редкость, о чем, кстати, свидетельствуют и ответы контрольной группы. Вследствие этого происходит декларативное усвоение ценностей самовыражения, вырабатывается негативизм к профессиям, которые для них предназначены, представления о своем профессиональном будущем остаются абстрактными и т.д.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что больше чем у половины исследуемых несовершеннолетних правонарушителей отсутствует внутренняя готовность к профессиональной деятельности после освобождения из специального воспитательного заведения. Это, в свою очередь, позволяет с большой уверенностью сказать, что у этих несовершеннолетних возникнут в жизни на свободе серьезные трудности, они по сути не подготовлены к свободной трудовой жизни.

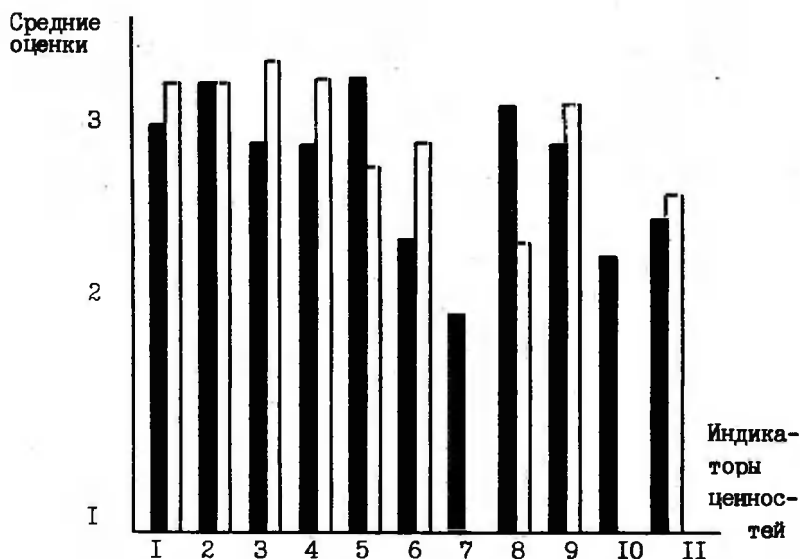

Рисунок I. Ценности профессий ■ - несовершеннолетние правонарушители, □ - контрольная группа.

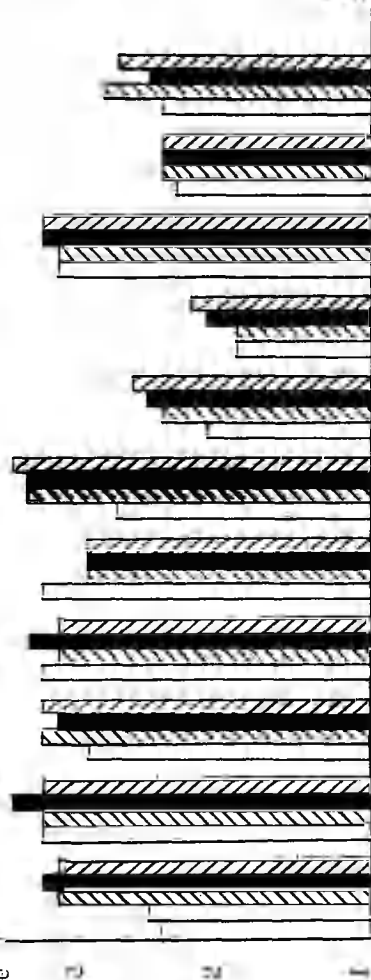
Шкала интенсивности - I - нет, это не так, 2 - это не важно, 3 - это довольно важно, 4 - я с этим совершенно согласен.

Индикаторы ценностей.

Работа должна предоставлять возможность:

- 1/ постоянно совершенствоваться,
- 2/ быть полезным обществу,
- 3/ заниматься интересными проблемами и применять свои способности,
- 4/ хорошо зарабатывать,
- 5/ заслужить уважение знакомых и друзей,
- 6/ жить спокойной и обеспеченной жизнью,
- 7/ продвижения по службе,
- 8/ руководить людьми,
- 9/ общаться с людьми,
- 10/ заниматься чистой и легкой работой,
- 11/ относительной свободы в использовании рабочего времени.

Средние
оценки

Индикаторы
ценности

Индикатор 2, ценности профессии — 14 лет, — 14 лет, — 15 лет, — 16 лет, — 17 лет, — 18 лет.
шкала интенсивности — 1 — нет, это не так, 2 — это не важно, 3 — это довольно важно, 4 — с этим совершенно согласен.

Индикаторы ценности.

- Работа должна представлять сложность;
1/ постоянно совершенствоваться
2/ быть полезным обществом;
3/ занимать собой интересные проблемы и применять свои способности;
4/ хорошо зарабатывать;
5/ заслужить уважение знакомых и друзей;
6/ жить спокойной и обеспеченной жизнью;
7/ трудиться по службе;
8/ руководить людьми;
9/ общаться с людьми;
10/ заниматься чистой и легкой работой;
11/ относиться к своему времени в использовании рабочего времени.

О ВЛИЯНИИ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ЭССР

М. Лятти

Демографическая ситуация по стране в целом характеризуется не только процессами естественного воспроизводства населения, но и миграцией, что далеко не всегда согласуется с потребностями социального и экономического развития страны. В то же время демографический фактор становится одним из исходных пунктов планомерного регулирования экономического и социального развития. Из этого вытекает необходимость прежде всего сознательного учета сложившейся демографической ситуации и тенденций её изменения по регионам страны, а также регулирования процессов народонаселения.

Население нашей республики формируется за счет двух различных источников: естественного воспроизводства населения и механического воспроизводства населения за счет межреспубликанской миграции. Поскольку уровень естественного воспроизводства населения в республике близок к суженному, ведущим фактором обновления и прироста населения стала именно межреспубликанская миграция. В настоящей статье и рассматриваются некоторые аспекты межреспубликанской миграции, объемы которой весьма значительные, а социальные последствия ощутимые.

Эстонская ССР относится к регионам с высокой мобильностью населения. Источником межреспубликанской миграции населения издавна являются многие трудонадостаточные районы России, среди которых в первую очередь следует указать Северо-Западный и Центральный экономические районы, а также Украину, Белоруссию и Латвию. При этом надо сказать, что миграционный хинтерланд (т.е. исторически сложившаяся территория, прилегающая к району, центру, в пределах которого осуществляются постоянные, закономерные миграционные связи) начиная с 50-х годов постепенно расширяется. По мере увеличения численности территориальных единиц, входящих в состав хинтерланда, уменьшаются как объемы миграционных потоков, так и интенсивность миграци-

связи с одной стороны территории. Если ещё в конце 50-х годов преобладали миграции из вышеназванных районов, то ныне растут доли Поволжского, Северо-Кавказского экономических районов. Объясняется это тем, что в республиках и регионах, где демографическая революция уже завершается, ресурсы возможности давать мигрантов значительно уменьшились. Последнее в первую очередь относится к областям Северо-Западного района и областям Нечерноземного Центра. И наоборот, за счёт районов, где происходит раскрываемое воспроизводство населения, т.е. имеется значительные людские ресурсы, хинтерланд продолжает расширяться. Учитывая общую тенденцию снижения рождаемости в СССР в сокращении численности трудовых ресурсов, можно предположить, что несмотря на постоянный характер механического прироста населения за весь послевоенный период в Эстонии в перспективе этот источник прироста населения можно считать приемлемым.

В связи с изменениями, которые происходят в миграционных процессах, требуется детальнейший анализ основных источников постоянного населения республики на уровне экономических районов и областей.

Положительное сальдо миграции с другими районами является результатом значительного обмена населением между Эстонской ССР и хинтерландом. В период с 1959 по 1962 год населения республики возросло за счёт миграции примерно на 176000 человек, что составляет примерно 57 % от общего прироста¹ населения ЭССР. При этом на долю соседей I порядка (Латвии и Северо-Западный район) в 1979 г. приходилось 29 % от всех прибывших в республику, а на соседей II порядка уже 56 %. На то, что интенсивность миграции находится в зависимости от расстояния, на которое мигранты перемещаются, географы обратили внимание уже давно. Правда, в связи с развитием транспорта, информации и т.д. такая зависимость значительно ослабилась. И всё-таки, в пределах Европейской части Советского Союза, т.е. примерно до 3000 км. отчётливая зависимость существует (см. рис. 1 и 2, на которых изображено корреляционное поле и вычислено уравнение регрессии). При корреляционной связи вследствие влияния прочих факторов точки не лежат на одной линии, но все же

¹ A. Marksoo. Naiste rände seaduspärasused Eesti. - Rmt.: Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat. 22 köide, Tln., 1967, lk. 100.

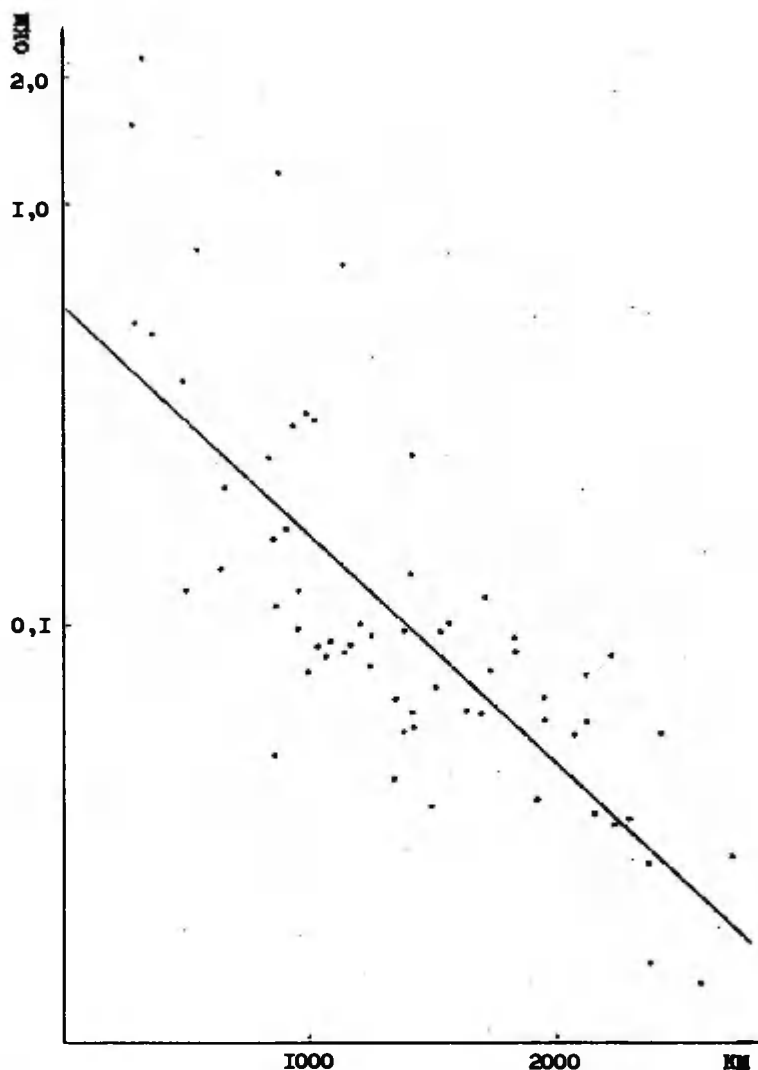

Рис.1. Зависимость интенсивности миграции от расстояния, в 1969/70 гг.

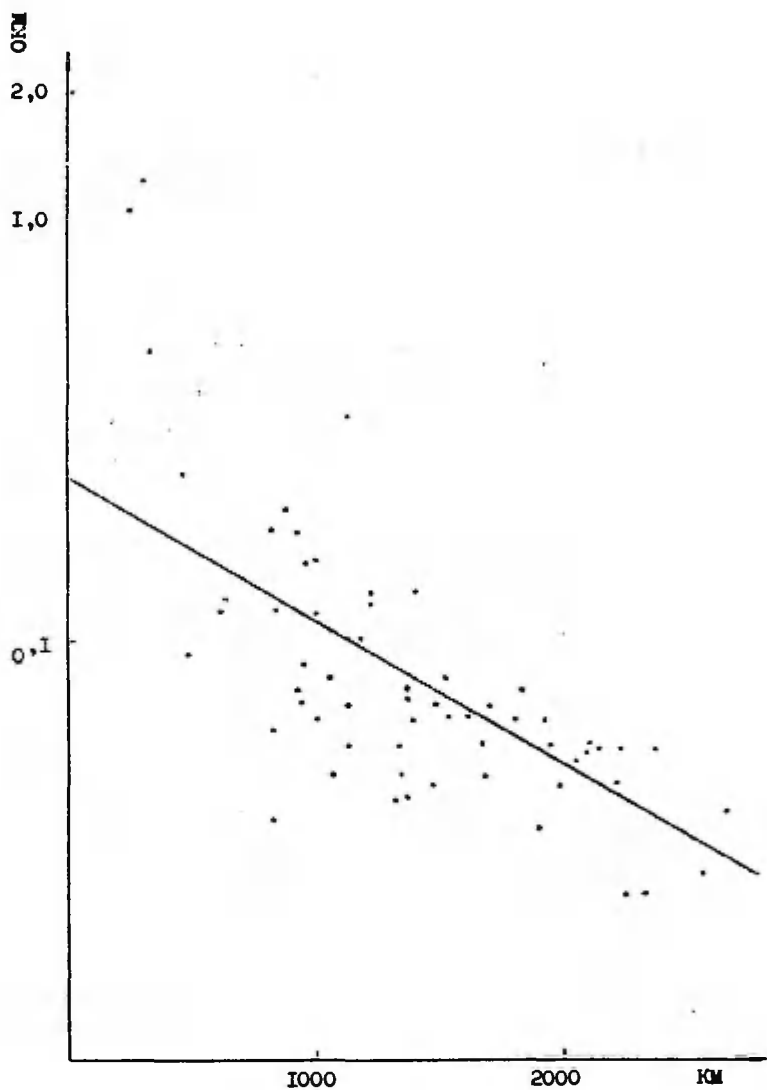

Рис.2. Зависимость интенсивности миграции от расстояния, в 1978/79 гг.

их распределение обнаруживает единаую тенденцию). Сразу надо отметить, что расстояния рассчитаны весьма упрощенно — от столиц и центров соответствующих республик и областей до столицы ЭССР, но для целей нашего исследования такая упрощенность вполне допустима. Интенсивность миграционных связей характеризуется общим коэффициентом миграции (ОКМ), который показывает отношение числа мигрантов, прибывших в Эстонию, к числу всего населения данной территории.

Сравнивая эти два графика, отметим, что в 1969/70 гг. зависимость интенсивности миграции от расстояния мигранта сильнее, чем в последующем периоде, в котором значения интенсивности прибытия населения в Эстонию начинают выравниваться. Можно сказать, что происходит процесс гетерогенизации межрегиональных миграционных связей: по мере того, как регионы с высокой интенсивностью миграционных связей постепенно их теряют, регионы с ранее низкой интенсивностью этих связей начинают наращивать их. Это свидетельствует и о том, что более важным становится "социальное расстояние" между отдельными регионами. Определить его роль и влияние, однако, очень трудно, так как одновременно с этим необходимо комплексно учитывать культурные и этнические связи, традиции населения, уровень и характер информации, особенности социальных и экономических процессов в регионе и т.д.

Что касается миграционных связей ЭССР с районами Сибири и Дальнего Востока, то выявить определенные закономерности в их образовании нелегко ввиду подверженности количественных показателей миграционных потоков большим колебаниям. Так как миграционное поведение населения — распространённость стремления к переезду и интенсивность переездов — весьма инертное и маломеняющееся явление, а территориальное перераспределение очень динамичное, то для жителей дальних районов, наверное, безразлично мигрировать на расстояние 2000 км или 3000 км, при прочих равных условиях.

И хотя территориальное перераспределение мигрантов имеет при выборе мест вселения некоторую "чувствительность" к изменению социально-экономической обстановки, в целом по Советскому Союзу перераспределение идет в пользу республик с высоким уровнем экономического развития. Это ещё одна причина, объясняющая почему доля Эстонии (и При-

одиницу) в названии страны практически не меняется, несмотря на восточный или западный естественный прирост населения.

Устойчивость миграционных потоков из хиттерленда по направлению в СССР можно измерять с помощью коэффициентов вариаций.² Результаты анкетирования приведены в сл. таблице:

Таблица I

Коэффициенты вариации убытия населения по направлению в СССР

Экономические районы и республики	1956-1960	1965-70	1975-80
Северо-Западный	16,74	5,87	9,81
Центральный	9,91	18,10	6,10
Волго-Вятский	35,68	19,52	4,46
Центрально-Черноземный	10,76	17,21	7,84
Поволжский	27,01	23,37	5,08
Северо-Кавказский	14,07	17,93	5,59
Уральский	18,47	26,84	8,40
Западно-Сибирский	45,27	28,03	6,97
Восточно-Сибирский	54,51	10,54	11,60
Дальневосточный	35,07	16,57	21,44
Украина	5,64	24,30	4,62
Белоруссия	17,47	7,34	9,35
Казахстан	63,22	56,38	6,00
Литва	17,28	6,30	6,13
Латвия	15,52	13,42	8,97

² Коэффициент вариации показывает относительную характеристику однородности явления и представляет собой процентное отношение среднего квадратического отклонения к средней арифметической ($V = \frac{\sigma}{\bar{x}} \cdot 100\%$, где $\sigma = \sqrt{\frac{\sum(x - \bar{x})^2}{n}}$). Чем меньше значение коэффициента вариации, тем однороднее совокупность по изучаемому признаку.

Если в 50-60-е годы наблюдаются довольно большие колебания в численности отбывающих по направлению в СССР по разным республикам и районам, то в конце 70-х миграционные потоки стали более однородными и устойчивыми, т.е. лишь в последние годы можно обнаружить устойчивые динамические тенденции.

На фоне высокой мобильности населения происходит ухудшение качества мигрантов. Так как основная часть миграционного потока, наверное, формируется стихийно, то в регионах, где людские и трудовые ресурсы во многом уже истощены, в миграционный поток входят мигранты низкого социального и профессионального качества, то есть, люди, малоспособные к адаптации в новых условиях, своего рода отверженцы общества.

По-другому обстоит дело с демографическим поведением мигрантов. Надо отметить, что миграционные совокупности всегда несколько отличаются от местного населения как по структуре, так и по ряду качественных характеристик. Неся в себе особенности режима воспроизводства прежних регионов, они вносят изменения в установившийся в данном районе режим воспроизводства.² Следовательно, миграционные процессы воздействуют на демографическую ситуацию на той или иной территории не только прямо, но и опосредовано, через режим воспроизводства населения. И хотя таким образом можно получить дополнительный естественный прирост населения (в миграции принимает участие, как правило, население в возрасте максимальной репродуктивности), надо отметить, что поток мигрантов, прибывающих в СССР формируется в регионах Советского Союза, где рождаемость не превышает значительно уровень рождаемости в Эстонии (или даже уступает ей). Так, коэффициент суммарной рождаемости в Эстонии 2,1 против 1,96 на Украине и 1,88 в Латвии.³ А мигранты, как правило, сохраняют репродуктивные установки, свойственные местам исхода (см. также табл. 2).

---

² Т.Заславская, С.Соболева. Демографические прогнозы: национальный и региональный уровни. - В кн.: Демографические процессы в СССР. Москва, 1983, с. 89.

³ Динамика населения СССР, 1960 - 1980 гг. Москва, 1985, с. 170.

Таблица 2
Суммарные коэффициенты рождаемости коренного
и некоренного населения ЭССР ⁴

	1958/1959	1969/1970	1978/1979
коренное	1,95	2,26	2,14
некоренное	1,95	1,94	1,89

Также известно, что само передвижение обычно не позволяет реализовать репродуктивные установки мигрантов, и уровень их рождаемости ниже уровня рождаемости региона, откуда они прибыли. Значит, и в повышении рождаемости роль мигрантов остается незначительной, хотя с их помощью тормозится процесс старения населения в Эстонской ССР.

Преобладание механического прироста над естественным вызвало заметные изменения в социально-демографическом составе населения республики, в том числе и в национальном. По данным переписи 1934 года на территории Эстонии проживали представители около 50 национальностей, однако удельный вес некоренных национальностей в то время составляло лишь 11,8% ⁵. В результате интенсивной межреспубликанской миграции национальный состав населения Эстонии к настоящему времени стал вдвое более многообразным, а удельный вес некоренных национальностей в 1979 г. уже был 35,3% ⁶. Причем в результате миграционных процессов население страны размещено крайне неравномерно. В Северной Эстонии /особенно в городах и в сланцевом бассейне/ доминируют представители некоренной национальности, а в Южной Эстонии и на островах преобладают местные жители. При этом, хотя Эстонская ССР и является одной из наиболее урбанизированных республик в Союзе, удельный вес эстонцев, проживающих в городах, остается невысоким - всего 59%. И наоборот, из представителей других национальностей в городах проживают примерно 90%.

⁴ Катус К.А. Повышение интенсивности демографического воспроизводства. - В кн.: Воспроизводственные процессы города. Тлн., 1986, с. 78

⁵ Eesti Statistika. Tallinn, 1935, lk. 353

⁶ Численность и состав населения СССР. Москва, 1984, с. 136

Следствием чрезмерной концентрации населения и производства в Северной и Северо-Западной Эстонии значительно ухудшилось качество среды обитания в этих районах (и особенно в городах). Для уменьшения социальных, а также экономических противоречий необходимо ослабить центростремительные тенденции производства и расселения.

Мы знаем, что город в жизни общества во многом играет авангардную роль. Но наблюдаемые негативные процессы, ранее присущие в основном только крупным городам (снижение рождаемости, загрязненность окружающей среды, высокий процент преступности и т.д.), в настоящее время распространяется на все места проживания человека.

В заключение можно сказать, что если до 70-х годов прирост населения за счет миграции в СССР можно было оценивать в общем положительно, то сейчас он не соответствует общегосударственным интересам страны, и поэтому достижение сокращения объемов миграции должна стать целью при проведении демографической политики, так как "миграция не только не снимает проблемы обострения демографической ситуации, а в ряде случаев усиливает её"⁷.

---

⁷ А.Н. Каша. Демографическая политика в СССР. Москва, 1961, С. 78.

КРИМИНОЛОГИЯ КАК МЕТАТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Ю. Д. Блувштейн, А. В. Добрынин

Любая научная теория как система достоверных знаний есть в определенном смысле языковое описание некоторого объекта исследования и метода (системы методов) исследования этого объекта. Описание самого объекта образует "эмпирический" слой теории: оно представлено в структуре теории в виде фактов, "эмпирических" обобщений; сам язык описания носит в таком случае название объектного языка. Описание исследования объекта образует собственно "теоретический" слой и ядро структуры самой теории в виде ее концептуального аппарата и законов. Концептуальный аппарат теории (принципы, идеи, категории) является по существу метаязыком объектного языка, поскольку он призван прояснить смысл и значение последнего или иначе — объяснить факты, полученные в данной области исследования.

Рост научного знания предполагает изменение теории, которое в свою очередь всегда сопряжено с изменением их концептуальных аппаратов и законов. Существуют различные критерии эффективности новой теории T_H по сравнению со старой теорией T_C , однако существуют некоторые общие соображения в отношении их сравнимости: как правило T_H не только объясняет все факты, объясненные T_C , но также и такие факты, которые не объяснимы в концептуальном аппарате T_C или даже противоречат ее законам (парадоксы теории); кроме того, эффективность новой теории T_H оценивается также по ее предсказательной и синтезирующей функциям. Образование новой, более широкой теории T_H вовсе не означает, что она полностью поглощает T_C с ее объектным и исследовательским языком. T_H прежде всего устраняет концептуальный аппарат и законы старой теории T_C , при этом меняется не только значение и смысл теоретических терминов T_C , но и по крайней мере некоторые термины описания объекта в рамках этой теории. Таким образом, любое развитие теории неизбежно сопряжено с новым толкованием принципов, категорий, идей и законов, а также некоторых фактов, рассматриваемых сквозь призму концептуального аппарата старой теории.

Рассматривая криминологию под указанным углом зрения, можно сформулировать ряд утверждений, заслуживающих, на наш взгляд, серьезного обсуждения.

Простейшее (но отнюдь не худшее) определение криминологии сводится к тому, что это наука о преступности. Отсюда сразу же следует, что криминология сильнее всего зависит от теории уголовного права, формирующей само понятие преступного и очерчивающей тем самым границы предмета криминологических исследований. В зарубежной литературе предпринимались, правда, попытки отсечь криминологию от уголовного права путем выработки независимого криминологического, "подлинно научного" определения преступления, свободного от "искусственности" и "юридического формализма" уголовного права. Хорошо известно, что эти попытки ни к чему не привели¹. Иначе, собственно, и быть не могло, так как реально мыслящий человек всегда склонен считать преступлениями все те и только те деяния, за совершение которых он может сегодня и здесь подвергнуться уголовному наказанию. Критическое отношение криминологов к существующему перечню таких деяний не отменяет наказуемости ни одного из них, как и не порождает наказуемости деяний, отсутствующих в этом перечне, а, значит, не колеблет реального водораздела между преступным и не преступным.

Итак, криминология зависит от уголовного права в центральном пункте своих интересов. Остается выяснить, каков характер этой зависимости: идет ли речь о тесном переплетении двух теорий одного уровня или о связи между объектным языком уголовного права и метаязыком криминологии.

Подчеркнем еще раз, что потребность в метаязыке, а в конечном счете и в метатеории, возникает лишь тогда, когда осознается существование противоречий, не поддающихся разрешению в рамках одной теории (парадоксов). Теория уголовного права изобилует такими парадоксами; укажем только на некоторые из них.

Парадокс общественной опасности деяния. С позиций уголовного права необходимым атрибутом преступления является его общественная опасность, понимаемая как некое имманентное свойство. Поскольку в других отраслях права предикат "общественная опасность" не встречается, приходится признать, что не только все преступное общественно опасно, но и все общественно опасное преступно. Отсюда, далее, вытека-

---

¹ См., например, Таппен Пол У. Кто такой преступник? Социология преступности. М., 1966, с. 60-72.

ет, что появление (исчезновение) общественной опасности поведенческих актов происходит строго синхронно с актами криминализации (декриминализации). Получается, следовательно, что законодатель, подобно провидению, способен по собственной воле изменять имманентные свойства социальных явлений.

Парадокс причинного объяснения. Сталкиваясь с необходимостью описать и объяснить детерминистическую природу преступного поведения, теория уголовного права неизменно прибегает к понятию причинной связи. При этом в качестве непосредственной (ближайшей) причины совершения преступления называется умысел, т.е. намерение или интенция субъекта совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий. (Исключением из этого правила является, пожалуй, объяснение этиологии преступлений, совершенных по неосторожности.)

Дело, однако, в том, что причинное (каузальное) объяснение неприменимо к интенциональному поведению: здесь действует мотивационный механизм и как таковой он является телеологическим, а не каузальным². Принципиальное отличие телеологического объяснения от каузального состоит в том, что первое обращено в будущее, а второе - в прошлое. Это означает, что поставив один вопрос - "какова причина совершения преступления?", теория уголовного права пытается в сущности ответить на другой вопрос - "какова цель совершения преступления?".

Парадокс дискретности. Для уголовного права мир во всех своих проявлениях дискретен. В этом мире нет места плавным переходам. Здесь человек либо полностью вменяем, либо полностью невменяем; момент наступления возраста уголовной правосубъектности исчисляется с точностью до одних суток, стоимость похищенного, отделяющая хищение-преступление от хищения-проступка, - с точностью до одной копейки. Конвенциональное происхождение границ между явлениями в этом и ему подобных случаях очевидно, однако теория уголовного права обращается с ними так, словно они вытекают из природы вещей, а не привнесены извне.

Существование парадоксов уголовного права вызывает немалое беспокойство теоретиков. Предпринимались поистине титанические усилия для их разрешения. Ожидаемых результатов

---

² Фон Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. М., 1966, с. 103.

эти усилия, увы, не принесли, и парадоксы уголовного права ныне так же далеки от разрешения, как и в тот момент, когда они были впервые обнаружены. Думается, что это закономерно: парадоксы потому и являются парадоксами, что могут быть разрешены только в теории более высокого уровня (метатеории).

Возможности, открываемые для разрешения парадоксов теории уголовного права метатеорией, удобно проследить на примере фундаментальной в данной сфере категории преступности. Традиционная интерпретация понятия "преступность", определяющая последнюю как некоторое социальное явление, включающее сумму (совокупность) всех совершенных преступлений, взятых в определенных пространственно-временных рамках, явно рассчитана на то, чтобы выдать данный термин за обозначение универсального и конкретного понятия. Намерения сторонников такой интерпретации ясны: категории науки действительно должны быть универсальными и по возможности конкретными. Это позволяет их предсказывать, т.е. применять к конкретным объектам исследования, а, с другой стороны, раскрывать их значение за счет остенсивного ("указывающего") определения.

Таким образом, если понятие преступности придается категориальный смысл, мы вправе ожидать указывающего значения термина "преступность". Но подобным значением не может быть понятие преступления, поскольку это не явление, а абстракция некоторого социального явления. Не может быть указывающим значением и конкретное уголовно противоправное деяние, поскольку в этом случае отпадает возможность отделить термин "преступность" от термина "преступление", имеющего как раз подобное указывающее значение.

Один из авторов совместно с А.М. Яковлевым попытался осуществить такое определение на уровне диалектической логики в терминах отношений целого (преступность) и части (преступление)³. Идея этого разделения состоит в том, чтобы показать существование в преступности как целом таких интегративных свойств и закономерностей, которые не присущи преступлениям, взятым в отдельности. К сожалению, при этом

---

³ Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М. Введение в курс криминологии. Минск, 1983, с. 23-25. Сходные соображения предлагаются и другими авторами.

предметное разделение обоих терминов не доводится до логического завершения, так как их раздельное реферирование к некоторым различающимся явлениям остается невозможным. А раз это так, то проблема как таковая не получает исчерпывающего решения: мы не можем сказать, в чем отличие явления-преступности от явления-преступления. Поясним сказанное uproшaющим примером. Конечно, куча камней – это совсем не то, что один камень. Однако из очевидного различия между кучей и камнем не следует, что принадлежность к куче определяет существенные свойства отдельного камня.

Для того, чтобы действительно разделить понятия "преступность" и "преступление" необходимо предцировать первый ко второму, т.е. указать видообразующий признак, по которому из первого можно было бы выделить второе. Иначе, говоря, понятие преступности являлось бы универсальным, если бы из него можно было выделить понятие преступления. Поскольку сделать это невозможно, напрашивается вывод, что неявная попытка придать понятию преступности категориальный статус логически некорректна.

Лингвистический анализ позволяет утверждать, что преступность – это сингулярное (единичное, индивидуальное) абстрактное понятие. Такого рода понятия выражают, как правило, некоторые свойства и отношения. Они возникают в результате двойного абстрагирования. "С одной стороны, происходит отвлечение некоторого свойства от предметов – изоляция его от предметов и превращение в самостоятельный предмет (изолирующее абстрагирование); с другой стороны, осуществляется обобщение этого свойства с другими путём выделения общих основных свойств этих свойств и отвлечения от остальных (обобщающе-различающее абстрагирование)"⁴. Абстрактные сингулярные термины не предцируются, однако сами могут выступать как объекты предикации со стороны универсальных абстрактных терминов. Означает ли это, что в принципе не возможна никакая референция этого термина? Существует несколько вариантов ответа на данный вопрос. Приведем один из них, на наш взгляд – наиболее конструктивный.

Согласно У. Куайну, допустима так называемая кросс-референция абстрактных понятий. Она представляет собой сокращенное повторение наличия какого-либо свойства у разных объектов за счет апеллирования к свойству свойств, которо-

⁴ Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967, с. 256.

ну придается онтологический статус⁵. В этом смысле преступность — это общее ("то же самое") свойство всех преступлений. Для того, чтобы исследовать преступность как некую структуру, т.е. пользуясь языком логики, проводить кросс-референцию, необходимо задать отношения эквивалентности между объектами-преступлениями (скажем, "преступления несовершеннолетних", "кражи" и т.п.), а затем рассматривать полученные совокупности, как если бы они в действительности обладали общим свойством "преступности".

Таким образом, преступность как совокупность преступлений — не явление, а метод, предполагающий рассмотрение эквивалентных по известным параметрам явлений, обладающих определенным онтологическим статусом.

Если добавить, что преступление является преимущественно объектом исследования науки уголовного права, а преступность — криминологии, то из сказанного выше вытекает обоснованное предположение, что криминологические понятия являются остовом метаязыка науки уголовного права. Особенность криминологического способа рассмотрения преступлений в совокупности ("преступность") — это лишь одна сторона или этап интерпретации такого социального явления, как преступление. Напомним: кросс-референция "преступности" лишь организует определенным образом объект исследования, связывая с подобной организацией "значение" этого термина. Однако было бы неосторожно проделывать обратную операцию: смысл преступлений видеть в преступности. Искусственность (в прямом и переносном смысле) термина "преступность" достаточно наглядно вскрыта в вышеприведенных рассуждениях.

Чтобы раскрыть другую сторону метаязыковой интерпретации, необходимо обратить внимание на ту особенность сингулярных абстрактных терминов, что они, не будучи иррациональными, сами, в свою очередь, могут стать объектами предикации (референтами) со стороны универсальных абстрактных терминов. Нетрудно понять, что в случае термина "преступность" в качестве последних должны выступать социологические понятия. Ведь социологические исследования по существу направлены на выявление структурно-функциональных характеристик общественных явлений и процессов, взятых в их целостности. В то же время преступность в своей кросс-референтности об-

⁵ Куайн У.В. Слово и объект. — в сб.: "Новое в зарубежной лингвистике. вып. 10". М., 1966, с. 24.

дает общественной значимость (преступление – это общественное деяние), а по своему смыслообразованию обладает содержанием совокупности, некоторой целостностью. Поэтому можно выразиться и так: преступность есть сингулярное социологическое понятие. А это равнозначно тому, что социологическая интерпретация преступного деяния может и должна быть осуществлена лишь в терминах криминологического языка. Таким образом, социология как метатеория науки уголовного права есть криминология.

Обобщение предложенных соображений позволяет выделить три уровня исследования круга явлений, представляющих общий интерес для уголовного права и криминологии. Основанием такого выделения являются три уровня языка, которыми оперирует семиотика – семантический, синтаксический и дектический (прагматический).

На первом уровне принимается существование взаимно однозначного соответствия между уголовно-правовыми терминами ("именами") и именуемыми объектами. При этом имеется в виду, что каждое имя адекватно отражает сущностную характеристику именованного объекта. Так, преступление – это обязательно *mala in se*; преступник – личность, наделенная специфическим преступным качеством. Соответственно этому:

1. Все объекты исследования интерпретируются как строго дискретные, обладающие отчетливо различными границами (деяние либо является общественно опасным, либо не является таковым; любое несовершеннолетнее лицо является социально незрелым, любое совершеннолетнее лицо – социально зрелым и т.п.).

2. Субъект есть носитель свободной воли и его поведение может быть прямо выделено из последней при помощи психологических терминов типа умысел, мотив и т.п.

3. Как значение, так и смысл уголовно-правовых имен в точности одинаковы для всех носителей данного языка. Поэтому, например, все преступные деяния должны восприниматься массовым сознанием в качестве безнравственных.

Язык первого уровня реферирует наличный (действительный) мир и только его. Это уровень теории уголовного права.

На втором уровне взаимнооднозначное соответствие между уголовно-правовыми именами и именуемыми объектами интерпретируется в качестве правила, допускающего, однако, некоторые исключения. Это означает, что отдельные имена сигнифицируют объекты только в системе координат "я –

здесь - сейчас". Конкретным проявлением данного подхода является признание того факта, что наряду с преступлениями типа *malum in se* ("ядерные" преступления) существуют также *malum prohibitum*. Соответственно этому:

1. Одни объекты исследования интерпретируются как дискретные, другие - как непрерывные. Предполагается, например, что грань, отделяющая "ядерные" преступления от правомерных поступков представляет собой качественный скачок, а грань, отделяющая прочие преступления от правомерных поступков, более или менее конвенциональна.

2. Признается неизбежность некоторой ограниченности свободы воли. Поэтому при описании преступного поведения психологические термины сочетаются с социально-психологическими и (реже) - социологическими.

3. Отдельные носители данного языка, владея общепринятым значением уголовно-правовых имен, вкладывают в них, однако, субъективный смысл. Отсюда следует возможность так называемого конфликта норм, в частности, правовых и моральных.

Язык второго уровня, реферируя по преимуществу действительный мир, допускает (по крайней мере в принципе) существование других возможных миров. Иначе говоря, на этом уровне совершается переход от объективного языка к метаязыку. Это уровень традиционной (уголовно-правовой) криминологии.

На третьем уровне уголовно-правовые имена применяются только в системе координат "я - здесь - сейчас". Поэтому одно и то же деяние может быть преступным или не-преступным в зависимости от положения, занимаемого им в этой системе координат. Соответственно этому:

1. Все объекты исследования интерпретируются как непрерывные, а границы, их разделяющие, как относительные, как некое подобие сети, брошенной на неделимое единство социальной действительности.

2. Поведение анализируется под углом зрения его социальной обусловленности на основе концептуального аппарата социологии.

3. Ситуация, в которой единые для всех носителей данного языка значения уголовно-правовых имен сочетаются с субъективным смыслом этих имен, признается естественной и даже более того - единственно возможной.

Язык третьего уровня реферирует действительный мир в

качестве одного из возможных, причем отнюдь не обязательно в качестве лучшего из возможных. На этом уровне криминология превращается в метатеорию уголовного права - социологии преступности.

Критерием конструктивности предлагаемой концепции криминологии как социологической метатеории уголовного права может служить разрешимость в рамках данной концепции парадоксов, приведенных в начале сообщения. Не претендуя на детальный разбор этих проблем, приведем самые общие соображения.

Парадокс общественной опасности деяния. Строго говоря, "общественная опасность" - понятие не уголовно-правовое, а социологическое. Законодатель имеет дело лишь с уголовной ответственностью, т.е. с оценкой деяния согласно тем целям, которые в конечном итоге выдвигаются на основании социологической интерпретации и обобщения общественных явлений и процессов. Само по себе общественное деяние не является ни преступным, ни не преступным; оно становится преступным лишь тогда, когда государство "увидит" в нем парадигму некоей целостности, противостоящей целостности государственных интересов и ценностей. В этом смысле криминализирующие акты всегда вторичны по отношению к осознанию общественной опасности, а преступления - просто уголовно наказуемые деяния.

Парадокс причинного объяснения. Причину конкретного деяния следует отделять от социальной детерминированности общественных явлений и процессов. То, что на уровне индивидуального поведения может рассматриваться как проявление низкой "свободной воли" (уровень теории уголовного права), на уровне массового поведения приобретает иной характер. Здесь индивидуальные отклонения от ведущей тенденции взаимно сглаживаются, что дает возможность наупать движущие силы поведенческих актов оправданного типа. С этой точки зрения причина социального явления обусловлена целостной совокупностью общественных отношений, каждое из которых в отдельности может быть рассмотрено и каузально и телеологически. Иначе говоря, интенциональный характер поступка - это лишь часть целостной характеристики некоторого социального явления или процесса. каузальный характер преступления есть предмет криминологического рассмотрения совокупности преступных деяний, он возникает как результат социологической интерпретации мотивационной стороны преступного деяния.

Парадокс дискретности. Возникновение этого парадокса связано со специфической образований сингулярных абстрактных понятий (виновность, правосубъективность, вменяемость и др.) и их кросс-реферативность на множество объектов с заранее заданным отношением эквивалентности, в результате чего данное множество рассматривается как если бы оно в действительности обладало бы одним из указанных свойств. Иначе говоря, определять вменяемость или, скажем, правосубъектность лица имеет смысл лишь на уровне криминологии, когда мы данное лицо рассматриваем в контексте той или иной группы эквивалентности. Само же по себе лицо ни вменяемость, ни правосубъективность не обладает, это лишь его уголовно-правовые (обладающие определенным социологическим смыслом) характеристики.

За последнее время все чаще раздаются голоса, утверждающие, что криминологическая теория полностью завершена и остается лишь наилучшим образом приложить ее достижения к практике укрепления правопорядка. Как явствует из сказанного выше, мы не разделяем столь оптимистических воззрений. Думается, что дело обстоит диаметрально противоположным образом: в криминологии ныне явственно ощущаются застойные тенденции. Суть их состоит в том, что описание все новых эмпирических фактов не приводит к адекватному обогащению их понимания и объяснения. Одна из причин этих застойных явлений в том, собственно, и заключается, что происходит смешение трех уровней криминологического исследования. Особенно часто приходится наблюдать, как исследование, задуманное в качестве социологического (т.е. на третьем уровне) ведется на языке теории уголовного права (т.е. на языке первого уровня). В связи с этим назревает представляется необходимость критического переосмысления ряда исходных принципов криминологии.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Я. Гишинский

Методология – как средство развития науки, приращения научных знаний – носит многоуровневый характер: наиболее общие методы научного познания – философская методология /для советских ученых – марксистско-ленинская философия, диалектический и исторический материализм/; общенаучные, междисциплинарные формы и средства познания; теория и методы данной предметной области /в нашем случае – криминологии/; совокупность методик, процедур, операций конкретной области научных знаний. Далее мы – неизбежно тезисно – остановимся на некоторых вопросах общенаучных средств познания, их роли в развитии криминологической мысли, продолжив тем самым содержащееся в докладе Ю.Д. Блуштейна и А.В. Добрынина на привлечение метатеории к объяснению криминологических проблем.

I. Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций – дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими и наиболее значимыми на современном этапе являются интегративные процессы, способные преодолеть ситуацию, обозначенную в первом пункте "Венецианской декларации" /март 1986 г./: "Существует значительный разрыв между новым взглядом на мир, сформировавшимся в результате изучения природы, и системой ценностей, по-прежнему преобладающей в философии, гуманитарных и общественных науках и в жизни современного общества. Мы считаем, что это несоответствие угрожает самому существованию человеческого рода" /Курьер ЮНЕСКО. 1986, декабрь/.

Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений "инфранаука" /Н.Н. Моисеев, 1982 / или "меганаука" /Б.Г. Кузнецов, 1982 / исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучение их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия предстают как и н о б ы т и е всеобщих закономерностей самодвижения /самоорганизации/ материи, как м о д и ф и к а ц и я, д о р а з в и т и е ее фундаментальных свойств /Э.С. Маркарян, 1981; Е.Х. Нерсеоова,

1981/. "Одним из фундаментальных положений диалектического материализма является утверждение о том, что единый подход охватывает физические, биологические и социальные события. Законы вероятности, правила порядка и беспорядка являются важным элементом этого общего научного подхода" / А.И. Китайгородский, 1984 /.

Непреодоленные антропоцентризм и аксиологизм, боязнь обвинений в редукционизме приводят подчас к забвению того, что и живые существа /включая человека/, и социальные системы – суть порождение и элементы суперметасистемы Вселенная – результат, ступень ее саморазвития. Приобретая все новые свойства, обрстая все новыми отношениями и закономерностями, биологические и социальные системы "вторичны" и подчиняются некоторым общим, фундаментальным законам мироздания.

Представляются эвристически плодотворными для общественных наук в целом, криминологии /как социологии преступности/ в частности, освоение и применение таких общенаучных направлений как синергетика /Г.Хакен, 1980/, теория катастроф /Р.Том, 1972/, неравновесная /нелинейная/ термодинамика /И.Пригожин, 1960, 1980, 1986 / и др. Характеризуя последнюю, О.Торфлер в предисловии к книге И. Пригожина и И.Стенгерс "Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой" /М.: Прогресс, 1986 / подчеркивает, что концепция И.Пригожина акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современной стадии ускорения социальных изменений. Значение синергетики для социально-правовых исследований уже отмечалось в работах Г.А. Туманова /1986/ и А.Б. Венгерова /1986/.

Для криминологии речь идет о том, чтобы посмотреть на ее предмет и закономерности его бытия с более широких позиций, преодолевая антропоцентризм и аксиологизм.

2. Самодвижение Вселенной осуществляется в двух основных формах: самоорганизации /убывание энтропии, "путь вверх" – по Л.А. Петрушенко/ и самодезорганизации /возрастание энтропии, "путь вниз"/. Диалектика организации и дезорганизации, порядка и беспорядка /хаоса/, негэнтропийных и энтропийных процессов предполагает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из "островков" относительного преобладания негэнтропийных информационных процессов стала Земля,

породившая эволюционирующий ряд информационно-генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека /техногенез как результат антропосоциогенеза/.

Принципиально важно, что противоречие между организацией и дезорганизацией /естественнонаучное проявление закона единства и борьбы противоположностей/ носит объективный характер, служит необходимым условием и источником развития не только физических, но и биологических и социальных систем.

Нельзя "ликвидировать" дезорганизационные процессы /беспорядок/, "оставив" только организационные /порядок/.

3. Существование всякой системы /в том числе, общества/ есть динамическое состояние, процессирующее тождество сохранения и изменения. При этом, чем выше уровень организации системы, тем более динамично ее существование и тем большее значение приобретают изменения как необходимое условие сохранения. Более того, неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности /И. Пригожин, 1987/. Так что для живых и социальных систем характерен переход от гомеостаза /как поддержания сохранения, стабилизированное состояние/ к гомеорезу - поддержанию изменений, стабилизированному потоку /К.Х. Уоддингтон, 1970; Р. Том, 1970/. Соответственно для биологических и социальных систем адаптация заключается в обеспечении сохранности через изменчивость /изменение среды, да и саморазвитие/.

Аксиологизация общественных наук зачастую приводит к недооценке адаптационных процессов. "Однако сегодня стало совершенно очевидным, что и человеческое общество следует относить к общему классу адаптивных систем" /А.С. Маркарян, 1981/. С этих позиций норма и патология нередко выступают как формы адаптации /И.Д. Кадайков, 1986/. Это достаточно полно изучено на естественном уровне /И.П. Павлов, И.В. Давыдовский, Дк. Фурст и др./ и начинает исследоваться применительно к социальным феноменам. Так, различают конструктивную агрессивность и деструктивную агрессивность /Г. Аммон, 1962/. Гипотетически пьянство и наркотизм могут рассматриваться как вариант адаптивного поведения при повышенном энергетическом уровне, а насильственные преступления - как вариант адаптивного поведения при повышенном энергетическом уровне /С.И. Гиллинский, Д.Г. Зюлиньский, 1967/.

Если какие-то проявления социальной патологии выполняют адаптивные функции, следует думать о замещении этих негативных явлений, а не об их "ликвидации". В противном случае, "ликвидируемая" нежелательная форма адаптивного поведения спонтанно заместится иной, может быть еще более опасной формой.

4. Каждому уровню организации материи присущ "свой" способ существования. С п о с о б о м существования общественного человека, обеспечивающим индивидуальную и родовую адаптацию, является предметная коллективная сознательная деятельность. С о д е р ж а н и е деятельности определяется биологическими и социальными потребностями /вплотением гегелевской "хитрости мирового разума": посредством потребностей человек "провоцируется" к деятельности/, а ее ф о р м о й выступают общественные отношения /в этом смысле общество - как совокупность общественных отношений - есть специфическое для Homo sapiens "средство" адаптации, выживания!/. К у л ь т у р а же "есть не что иное, как специфически характерный для людей с п о с о б /разряда наша - Я.Г./ деятельности и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности" /Э.С. Маркарян, 1969, 1983/. Как способ деятельности, культура выполняет функцию "социального наследования", аккумуляции и трансляции человеческого опыта, в том числе - посредством норм и ценностей. Культура служит внебиологическим способом накопления, хранения и передачи информации и, тем самым, - негэнтропийным адаптационным механизмом. Культура актуализируется в виде специфических для каждой социально-экономической формации /а в пределах формации - для каждой социально-демографической группы/ основных форм жизнедеятельности - в о б р а з е ж и з н и людей и социальных групп, детерминированном условиями их жизни.

Сообщества с преобладанием норм, ценностей, стереотипов, отличных от господствующих в обществе, образуют нормативные с у б к у л ь т у р ы /молодежную, преступную, делинквентную, ретритистскую и др./. Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличны от господствующей культуры, чем более жестко и энергично они ее отторгаются. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компании алкоголиков, но меньше, чем сообщество преступников или осужденных /Г.Ф. Хохряков, 1983/.

Общество не может "уничтожить" субкультуры. Однако

знание и понимание сущности, генезиса, содержания субкультур, механизма их формирования и функционирования позволяет интегрировать одни из них, нейтрализовать нежелательную деятельность других, создать альтернативу третьим и т.п.

5. В изменении системы существенную роль играют девиации - отклонения /флуктуации в неживой природе, мутации - в живой /как всеобщая форма, механизм, способ изменчивости, обеспечивающие "подвижное равновесие" /Ле-Шателье/ или "устойчивое неравновесие" /Э. Бауэр, 1935; М. Эйген, 1973/ системы, "порядок через флуктуации" /И. Пригожин, 1985/.

Известно, что молодой К. Маркс усматривал одно из достоинств философии Эпикура в утверждении способности атомов к спонтанным отклонениям / *clinamen* /, а также признавал справедливой мысль Лукреция о том, что отклонения прорывают "законы рока". Сегодня оказывается принципиально важным анализ *clinamen* как прообраза каузально неопределенных, спонтанных движений, возможно заложенных в самом фундаменте материального мира и определяющих всю эволюцию Вселенной /В.Г. Кузнецов, 1983/. "Флуктуации определяют глобальный исход эволюции системы", а их "неудобность" приводит к тому, что "все, что окружает флуктуирующую область, всегда стремится погасить флуктуации" /И. Пригожин, И. Стенгерс, 1986/.

Мутации, с одной стороны, нарушают организованность живых систем, приводя их к гибели. С другой стороны, они служат первичным фактором эволюции, ее "сырьем", движущей силой отбора, суть которого состоит в отбраковывании /элиминации/ особей с негативными для адаптации вида мутациями и наследственным закреплении мутаций, полезных для сохранения и эволюции вида /обзор современных концепций - В.А. Красилов, 1986/.

И в сфере общественных отношений "каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка" /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, С. 296/, т.е. отклонением от действующих норм. "В истории прогресса выступает в виде отрицания существующих порядков" /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, С. 526/. В качестве объекта социального отбора выступают способы деятельности людей /А.Г. Вишневский, 1986/. При этом нефункциональные,

неадаптивные формы в конечном счете элиминируются в процессе эволюции /развития общества/. "Эволюционная мясорубка работает социальными ножами с той же эффективностью, что и биологическими" /К. Левитин, 1983/.

Девياции, с точки зрения сохранения - изменения систем, не могут не быть полярными: "полезными", способствующими развитию организмов, популяций, общества, повышению уровня их организованности /позитивные отклонения/ и - "вредными", дезорганизирующими, понижающими уровень организованности, а то и ведущими к гибели системы /негативные отклонения/. Однако "полезность" и "вредность" не имманентно присущи каким-то определенным процессам, видам деятельности, а носят относительный, противоречивый характер. Как отмечалось, и патология есть форма адаптации. С другой стороны, "являясь потенциальным источником повышения организации живых систем и увеличения организации их адаптивных возможностей в новых условиях, инновации сами по себе дестабилизируют ее, повышая в ней состояние неопределенности и тем самым ведут к увеличению энтропии" /Э.С.Маркарян, 1986/.

Отклонения от равновесных, наиболее вероятных состояний системы служат средством перехода от более вероятного, устойчивого состояния /минимальный энергетический потенциал, минимум свободной энергии, максимум энтропии/ к менее вероятному, неустойчивому /максимальный потенциал, повышение степени организованности, минимум энтропии/, обеспечивая тем самым эволюционное движение. "Возникает вопрос: не является ли биологическая эволюция историей динамической неустойчивости, которая, по-видимому, составляет существенный ингредиент творческого начала, присущего человеческому бытию?" /И.Пригожин, 1987/. И, добавим, - криминальных проявлений.

Уменьшение энтропии в одной системе возможно только за счет увеличения энтропии в другой системе /среде/. Дезорганизационные процессы всегда дополняют организационные, выступая "платой" за высокоорганизованность. Какова же "плата" за сверхвысокоорганизованность социальных систем?... Отсюда - социальные проблемы и значение их реалистического решения /без иллюзий по поводу возможного "устранения", "преодоления", "ликвидации" волевым решением, административно-правовыми или уголовно-правовыми мерами/.

б. Девиянтность социума проявляется через о т к л о н я ю щ е е с я п о в е д е н и е - деятельность, не

соответствующую установившимся в данном обществе социальным нормам /типам, стандартам/.

Вообще в современной науке складывается понимание н о р м ы как предела, меры допустимого. Для физических и биологических систем – это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность объекта и не возникает препятствий для его развития /Р.М. Айдинян/. Это – е с т е с т в е н н а я /адаптивная/ норма, отражающая объективные закономерности сохранения и изменения системы. С о ц и а л ь н а я же норма, определяя исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру допустимого поведения, может либо соответствовать законам общественного развития /и тогда она является "естественной"/, либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного /классово ограниченного, религиозного, субъективистского/ отражения объективных закономерностей. И тогда "норма" оказывается аномальной, нормальны же отклонения от нее. Отсюда – относительность, конвенциональность поведенческих форм, моделей, признаваемых "нормальными" или же "отклоняющимися". Так, "преступление ... образуется соединением побуждения, которое само по себе не преступно, с операцией, которая сама по себе не преступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом" /В.М. Коган, 1983/. В действительности имеет место онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению биологических и социальных потребностей.

Отклоняющееся поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу /социальное творчество/, и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию /социальная патология/. При этом любое отклоняющееся поведение – элемент культуры /как способа жизнедеятельности/ и само ... нормировано, осуществляется вполне определенными способами, в определенных формах. Так, "нормы, а тем самым типы и частота агрессивных форм поведения задаются культурой. Их различия зафиксированы в целом ряде исследований межкультурных различий" /Х. Хеххаузен, 1986/. Институционализированы самоубийства /са-ти, харакири и др./, проституция /от храмовой в древности до современного "автосервиса"/, и ритуалы приема алкоголя

и наркотиков.

Культура изменяется посредством отклоняющегося поведения. Прежде всего - в результате социального творчества, но также и под воздействием социальной патологии. Культура выбирает аксиологически противоположные способы /образцы/ деятельности, "отбираемые" в процессе эволюции. Очевидно, что сохраняющиеся формы негативно отклоняющегося поведения объективно функциональны, выполняют явные и /или латентные функции, и только поэтому не элиминированы в процессе эволюции общества /"сбалансированный полиморфизм"/. С другой стороны, творчество - важнейший элемент и источник культуры, служит средством "освобождения" от культуры, средством "преодолеть культуру как рок" /В.С. Библер, 1975/. Культура есть "средство" /технология/ отклоняющегося поведения, а отклоняющееся поведение - "средство" изменения /прогресса и регресса/ культуры.

7. Общепризнано, что человечество - продукт эволюции путем естественного отбора. И выжить человечество может только при полном осознании нашего эволюционного прошлого /М. Рьюз, Эд.О. Уилсон, 1987 / и трезвого понимания своего места и "предназначения" /создание, поддержание, расширение островков преобладания негэнтропийных, информационных процессов путем социального творчества при неизбежности "дурной стороны", дезорганизационных процессов как "платы" за прогресс/. "Человеческая самодеятельность - это суровая необходимость. Она неизбежно связана с ошибками, проступками и даже преступлениями ... Наше поистине патологическое стремление к заорганизованной жизни происходит именно из нежелания платить за развитие полновесной монетой ошибок, ответственности и страдания. Мы хотим пережить жизнь, бесплатно проехав в вагоне истории..." /Ю. Кохов. Паутина принуждения // Новый мир. 1987. № 5. С. 245/.

Означает ли все это, что следует, сложа руки, лишь наблюдать за негативными явлениями, включая преступность, не предпринимая никаких мер воздействия? Нет. Это означает для начала:

- необходимость освободиться от антропоцентристских, аксиологических иллюзий и волюнтаристских надежд, посмотреть на "привычные" явления взглядом, свободным от профессиональных тер;

- необходимость исследований поведенческих форм, ви-

дов деятельности, включая преступность, с точки зрения их функционально-адаптационных возможностей, их роли в процессе эволюции, их взаимосвязей с иными поведенческими формами, видами деятельности;

- с этих позиций искать пути и средства замещения, вытеснения, организации функциональных альтернатив особо опасным негативным проявлениям, легализуя, снимая табу с других;

- необходимость исследовать формационные /данной общественно-экономической формации/ особенности и закономерности проявлений различных форм социальных отклонений, их структуры, уровня, динамики, пространственно-временной распространённости с целью "переструктуризации", оптимизации соотношений аксиологически дополнительных форм отклоняющегося поведения;

- поскольку общество - адаптационное "средство" сохранения и развития человечества, поскольку лишь через преобразование общественных отношений можно воздействовать на социальные отклонения;

- необходимость освободиться от ненаучных и антидемократичных, антигуманных представлений о "нас" /законопослушных/ и "их" /правонарушителей, преступников/, соответственно разрабатывая методы социальной помощи, коррекции, альтернативных наказанию и принуждению средств социальной защиты от "нас", посягнувших на "нас", ибо "если мы попробуем что-то насильно искоренить или исправить, мы только покалечим" /С.Рерих, 1987/;

- расширение прав и сокращение запретов; обеспечение реализации правового принципа "все допустимо, что прямо не запрещено"; расширение позитивных, стимулирующих правовых норм и санкций, тем более, что вообще "как фактор развития право функционирует тогда, когда становится защитником людей, поступающих неконформистски, когда обеспечивает защиту изобретателям, новаторам во всех областях, глашатаям новых идеологий, когда оно обеспечивает им возможность выразить себя и создать новые ценности" /Я. Щепаньский, 1969/.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

А.А. Лепс

Перестройка в обществе не может не сопровождаться перестройкой в науке, в том числе в криминологии. Однако вряд ли сегодня кто-либо сможет детально указать пути и методы дальнейшего развития теории криминологии. Очевидно лишь то, что предлагаемые теорией криминологии разработки до сих пор отличаются неспособностью удовлетворить действительные нужды борьбы с преступностью. Процесс обновления криминологии должен осуществляться на основе марксистско-ленинской теории общества в ходе усвоения его реальной жизни. Эта задача решается при условии развития криминологии на основе материалистической диалектики, которая только и позволяет рассматривать преступность в ее системных связях со всем социальным организмом, то есть как явление, порождаемое противоречиями развития общества.

"Ни один сколько-нибудь крупный практический вопрос, — подчеркивает М.С. Горбачев, — не может быть решен, не будучи осмыслен и обоснован теоретически. Сама теоретическая деятельность становится одной из важнейших движущих сил социалистического и коммунистического строительства, наиболее важным инструментом перестройки. Теоретическая мысль должна полнее и глубже раскрыть прежде всего особенности современной стадии социализма... Она призвана дать научно-объективную картину современного мира в целом".¹

Современный поворотный пункт в истории нашей страны, связанный с апрельским (1986 г) Пленумом ЦК КПСС, характерен стремлением к возврату к марксистско-ленинскому наследию в его истинном виде с попыткой к действительно научному анализу причин социально-экономического, политического и культурного отставания страны. "Наша сила в заявлении правды!" — писал Э.И. Ленин.² Следовательно гласность во всех областях общественной жизни создала возможности для позна-

¹ "Правда", от 2 октября 1986 г.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч.-Т. II-С. 328.

ния того, что есть преступность в действительности.

В онтологическом плане проблема научного исследования есть реально существующее противоречие объективного мира.¹ Простая фиксация фактов без их сопоставления друг с другом, т.е. вне выявления существенных различий как основы противоположностей в собственном смысле слова, не является наукой.

Проблема социологического, в частности криминологического исследования в этом аспекте есть социальное противоречие, т.е. противоречие, имеющее общественные причины, проявляющееся в обществе и разрешаемое лишь социальными средствами (силами). "Условие познания всех процессов мира в их "самодвижении", в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей", — указывал В.И. Ленин, подчеркивая, что "раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть суть ... диалектики".² Поэтому бесплодны все те криминологические теории, которые исходят из вырванного из общественных связей личности преступника, преступления или преступности, то есть из явлений в самих себе, поскольку при этом исследуется только одна сторона отношений, и именно "негативная", хотя отношения — это всегда единство "позитивной" и "негативной" сторон. Описывая закон единства и борьбы противоположностей диалектического метода, Ф. Энгельс подчеркивал: "... мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Уже сам факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны... Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения... Мы проследим, каким образом они разрешались и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны нам надо будет развить, и т.д."³

Проблема научного исследования, рассматриваемая в гносеологическом аспекте, есть противоречие между осознан-

¹ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование. Методологии. Программа. Методы. М., 1972-С.48 и след.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч.—Т.29-С.317, 316.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.13-С.497-498.

ной потребностью в практическом использовании объективных законов для теоретических и практических целей и незнанием способов их достижения.¹

Проблема социологического исследования в гносеологическом смысле слова – противоречие между осознанной потребностью изменения общественных явлений и отсутствием достаточных сведений о средствах решения социальных задач. В частности, проблема социологического исследования преступности выступает в форме противоречия между осознанной необходимостью борьбы с преступностью как общественным явлением и дефицитом той социальной информации, которая нужна для ее теоретического объяснения и целенаправленного воздействия на нее всей системой социальных мер.

В современной криминологии это противоречие проявляется, в частности, в том, что:

1) накопленные факты о связях преступности с отдельными общественными явлениями концептуально не объединяются в органическую теоретическую систему, тогда как в реальной действительности все социальные факторы действуют интегрированно, во взаимодействии, и выделение корреляционных пар (например, влияние пола на преступность, влияние социального положения на преступность и т.д.) есть результат абстрагирования;

2) существующие у некоторых кримиологов представления о делении обуславливающих преступность факторов на позитивные (снижающие уровень преступности) и негативные (повышающие ее уровень) не совпадают с эмпирическими данными, поскольку установлено, что и первые (например, урбанизация, рост промышленности, заработная плата, образование и т.д.) и вторые (например, неполная семья, материальная необеспеченность и т.п.) способствуют развитию и положительных и отрицательных общественных процессов;

3) теоретически беспорное для советского кримиолога положение о том, что преступность – социальное явление, требующее в анализе общественных процессов отправляться от общества как органического целого,² остается декларацией, ибо на практике чаще изучаются отдельные преступления или их обобщенные совокупности; индукция не дополняется дедукцией

¹ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы – С.48–49.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Т.12: С.726; Т.46: Ч.1: С.38.

ввиду ограниченного числа теоретических суждений о преступности, могущих служить посылками для логических умозаключений; диалектика, как правило, применяется в виде отдельных категорий или их пар, а не как органическая система понятий.

Различие онтологического и гносеологического аспектов исследовательской проблемы относительно: познавательная ситуация сама может стать объектом исследования. Это позволяет онтологический аспект проблемы социологического исследования преступности представить как гносеологический и тем самым углубить наши знания по изучаемому явлению. Кроме того, исследование должно быть направлено на совершенствование управления профилактической деятельностью правоохранительных органов, поскольку важно установить, в какой мере их руководители, непосредственно анализирующие преступность, обладают знаниями этого социального феномена, которые необходимы для эффективного воздействия на него. При таких условиях второй проблемой криминологического исследования становится противоречие между объективными закономерностями существования преступности и наличными знаниями о ней у руководящих работников правоохранительных органов.

Изучение научной проблемы предполагает предварительное определение объекта исследования, а в нем — выделение той предметной области, в которой эта проблема (социальное противоречие) проявляется достаточно полно. Объект и предмет исследования должны быть достаточно велики, для того, чтобы общественные закономерности не были затемнены в нем местными, региональными особенностями, и вместе с тем обозримыми и поддающимися эмпирическому изучению. Как показывает предварительное обследование, таким объектом может быть, например, Эстонская ССР, которая обладает не только административными границами, но в известной мере "огорожена" языковым барьером, представляя относительно обособленное целое.¹ Ее население — полтора миллиона человек, делает Эстонию, с социологической точки зрения, возможным объектом эмпирического исследования.

Предмет исследования образуют те общественные процессы, которые в своем взаимодействии определяют современное состояние преступности в регионе. При этом предполагается,

¹ См., например: Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981.

что социальные закономерности, проявляющиеся в Эстонской ССР, представительны и отражают общие закономерности социализма как первой фазы коммунистической социально-экономической формации, являясь их частным случаем. Последнее обстоятельство, разумеется, не только не исключает, но, напротив, предполагает существование местных (региональных) и национальных особенностей в механизме социальной детерминации преступности.

С социологической точки зрения причинное изучение преступности не может быть осмыслено до конца без рассмотрения ее субъекта - человека и непосредственных условий его существования. "История не делает ничего, она "не обладает никаким необъятным богатством", она "не сражается ни в каких битвах!" Не "история", а именно человек, действительный живой человек - вот кто делает все это; всем обладает и за все борется. "История" не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека", писали основоположники марксизма.¹

Согласно точке зрения основоположников марксизма, исходными отношениями социальной обусловленности поведения человека могут быть только основные - производственные отношения соответствующей общественно-экономической формации. По словам К. Маркса, "каждая форма общества имеет свое определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это - то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это - тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется".² Общесоциологические, экономические, политические, правовые, культурные и другие формы - это те же исходные отношения, или база, хотя и в "некоторой другой степени".³ Они являются субординированной системой этих форм, в которой причина и следствие постоянно меняются местами, и поэтому вряд

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.2-С.102.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.46, ч.1.- С.43

³ Там же, -С.191.

ли сейчас найдется криминолог, полагающий, что преступность обусловлена только одним явлением.

Такова самая общая системная трактовка исследуемого общественного явления, в том числе преступности, в марксистском учении об обществе.

Однако какой метод надо использовать в исследовании общественных наук? Марксизм знает только один метод — метод восхождения от абстрактного к конкретному, который по словам К. Маркса "есть... правильный в научном отношении".¹

Использование этого метода, значит восхождение мысленного абстрактного (от лат. *abstractio* — отвлечение, который заключается в мысленном отвлечении от ряда несущественных свойств, связей изучаемого предмета и выделении основных, общих его свойств, связей и отношений. Научные абстракции суть "сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам множество различных чувственно воспринимаемых вещей"²) к конкретному (от лат. *concretus* — реальный объект (по К. Марксу "субъект") во всем богатстве его содержания, отражение действительности в восприятии, представлении и мышлении. В мышлении конкретное отражается в виде системы теоретических определений. "Конкретное поэтому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие того, ~~также~~ исходный пункт созерцания и представления"³), который, например, воспроизводит единство, "тотальность" социалистического общества. Поэтому писал В.И. Ленин: "У Маркса в "Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой "клеточке" буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в Σ его отдель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.12—С.727.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.20—С.550.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.12—С.727.

ных частей, от его начала до его конца. Таков же должен быть метод изложения (*respective* изучения) диалектика вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)".¹ "Следовательно, — подчеркивал видный советский философ Э.В. Ильенков, — читать "Капитал" глазами логика — значит рассматривать изложенную в нем теорию как одно из возможных применений общелогической концепции, — и ни в коем случае не как единственное основание для выяснения логических идей Маркса".²

Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В.И. Ленин не оставили ни одного оконченного труда о диалектике, несмотря на то, что все они в свое время замыслили это сделать. В то же время, к сожалению, К. Маркс писал очень кратко о методе восхождения от абстрактного к конкретному,³ вследствие чего марксистам-обществоведам приходится самим развивать эту материалистическую диалектику соответственно своим областям познаний. Так, К. Маркс в своих научных трудах использует такие термины, которые несут другое смысловое значение, зачастую противоположное их обыденным значениям. Ситуацию усложняет еще то обстоятельство, что словарь марксистской диалектики — это материалистически переработанный словарь философии Гегеля. Не зря писал в 1914 году В.И. Ленин: "Нельзя вполне понять "Капитал" Маркса и особенно его I главы, не протудировав и не поняв всей логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса I/2 века спустя!"⁴

Вследствие этого требуется прежде всего некоторое разъяснение марксистского понимания категорий "абстрактное" и "конкретное". Недостаточно сказать, что "абстрактное" — это не только "мысленное" и "конкретное" — это объективное, действительно существующее. Абстрагировать — это не означает только мысленное выделение специфических черт реальных явлений, но одновременное выделение известной стороны объективной реальности. Кроме того, следует понять, что "конкретное" как категория диалектической логики не означает вовсе единичного эмпирически наблюдаемого

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.—Т.29—С.318.

² Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного в свете "Капитала" Маркса. — "Капитал" Маркса: Философия и современность. М., 1968.—С.168.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.41, ч. I—С.36—45.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.—Т.29—С.162.

предмета. В категории "конкретное" не выявляются противоречия между мысленным и действительным, а в нем выражается единство противоречивых сторон.¹ Вследствие чего В.И. Ленину было основание предположить, что "природа и конкретна и абстрактна".² Поэтому обе названные категории присудить каждому объекту познания. Следовательно, обе указанные категории логически эквивалентны и согласно диалектической логике их действительное соотношение составляет органическое единство отношений "конкретного" и выделенного от него момента, стороны - "абстрактного". Именно так понимал его К. Маркс.³ Однако в этом случае, единичное, непосредственное, эмпирически наблюдаемое, например, товар в "Капитале", или в нашей теме это преступность, преступление становится как раз абстрактным, а целостность "тотальность", например, капиталистическое и социалистическое общество - конкретным. Отсюда Э.В. Ильенков делает очень важный вывод: как "абстрактное", так и "конкретное" являются категориями мышления, и объективной действительности.⁴

Здесь необходимо сделать другое пояснительное примечание, а именно, к категории "критика". Критика по содержанию - это исторический метод любого рассматриваемого явления, будь то теория советской криминологии или понимание советскими учеными по уголовному праву общественной опасности преступления, все стоит охватить критикой. Таким образом, все, что существует подлежит критике, так как все явления должны закономерно развиваться в направлении к более высшим формам, что является принципом развития материалистической диалектики. Критика существует не только в сфере духовной жизни, но и в сфере общественного бытия. Но она выражается одновременно не только в словах и мыслях, но и в наших делах. Следовательно, высшая форма критики - это революция. Таким образом, все общественные науки, в том числе и криминология, должны быть критическими к реальным явлениям и категориям, отражающим эту действительность. Вот почему, по

¹ См.: Спиридонов А.И. Социальное равновесие и право. М., 1978, с.22-23.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.29-3, 190.

³ См. Маркс К., Трактат о диалектике. 1847. 12-я ст. 47.

⁴ См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Наука, 1978, с.100.

словам К.Маркса, его труд - "это критика экономических категорий, или если угодно, система буржуазной экономики, представленная критически. Это одновременно изложение системы и критика ее в процессе изложения".¹

Наука - как теоретическое обоснование практики выполняет свою общественную функцию лишь в том случае, если ее понятия отражают правдиво действительность, ее развитие. Так например, фразы "общество состоит из индивидуумов", или "преступность есть сумма преступлений" - вполне правильны с точки зрения эмпирических знаний, но бессодержательны, ничего не говорящие об обществе и преступности. У этих положений нет ничего общего с марксистской социологией и криминологией. Они фиксируют только факты, никак не объясняя характер связи между ними, например, каким образом индивиды связаны в обществе или преступления в преступности. Таким образом, остается совсем непонятным, какой цели добивается Н.Ф. Кузнецова, когда она при исследовании преступности и преступления использует категории диалектической логики единичное (преступление), особенное (группа преступлений) и общее (преступность).² Что нового дает это познанию о преступлении и преступности. Ничего. Преступность, группа преступлений и единичные преступления могут быть предпосылкой для криминологического исследования. Ни одна наука не имеет цели разделить целое на части, чтобы потом найти определения отделенным друг от друга частям, на которые исследователь мысленно разделил целое. На основе этой неправильной методологии в советской криминологии появилось множество дефиниций преступности, из которых ни одна по сути не является марксистским определением.

Во введении "Критики политической экономии" 1857 года К. Маркс начинает с описания того пути, по которому исторически следовала политическая экономия в период своего возникновения. "Кажется правильным начинать с реального и конкретного, - писал К. Маркс, - с действительных предпосылок (по нашей теме, например, с преступления, преступника или преступности как совокупности преступлений - А.И.), следовательно, например, в политической экономии, с населе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.29-С.449.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.-С.4.

ния, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства".¹

Однако этот путь ошибочен, так как население — это абстракция в чистом виде, если остаться в стороне общественные классы, из которых оно состоит. В свою очередь нельзя понять учение о классах, не зная основ, на которых оно покоится, например, наемный труд, капитал, земельная рента и т.д. Таким экономическим основанием существования классов в буржуазном обществе является отчуждение средств производства от непосредственных производителей, разделение труда и т.д. "Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям", сказал К. Маркс и добавил; на этом "пути полное представление подвергалось испарению путем превращения его в абстрактные определения".² Обычно этот путь в науке называется методом восхождения от конкретного к абстрактному. Несмотря на то, что вышеуказанный метод не имеет в науке теоретического значения, он исторически все же оправдан. Именно так развивалась исторически советская криминология, несмотря на то, что, идя по этому пути, нельзя добраться до сущности исследуемого явления, а наоборот, ее можно легко потерять.

Остановившись, коротко на развитии криминологической теории в Советском Союзе, можно сказать, что при исследовании преступности не ставилось препятствий лишь на первом этапе социалистического строительства, когда еще при жизни В.И. Ленина были созданы в различных местах (в Москве, Ленинграде, Саратове, Одессе, Киеве, Харькове, Минске, Ростове-на-Дону, Иркутске, Баку) специальные центры по изучению преступности. К числу наиболее серьезных исследований того времени в первую очередь относятся работы М.Н. Гернета, А.А. Герцензона, Д.И. Курского, В.И. Луфаева, Е.Н. Тарновского и других, которые не только систематически анализировали состояние и динамику преступности в стране, но и пытались вскрыть ее причины. И хотя в то время криминологам не

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 36.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 37.

удалось создать цельной криминологической теории, которая стала бы общепризнанной (в криминологических трудах в эти годы даже отсутствовало единое мнение о том, является ли преступность социальным или биологическим явлением), они положили хорошее начало для формирования марксистской науки о преступности.

В начале 30-х годов работа криминологических центров-кабинетов была прекращена их исследования были признаны антинаучными и социально вредными. В течение последующих 25-ти лет, в период культа личности Сталина, возможности сколько-нибудь серьезно заниматься проблемами криминологии не было, так как вопреки основным принципам исторического материализма причинами преступности в стране официально были провозглашены внешние факторы, прежде всего империалистическая враждебная деятельность и существование пережитков прошлого в сознании некоторой части населения.

После начала преодоления культа личности перед криминологией встала задача вернуться к идейному наследию марксизма. Насколько сложным является такой поворот в развитии науки свидетельствует уже то обстоятельство, что адекватно, с марксистско-ленинских позиций оценить происходящие в обществе социальные изменения, так и преступность на фоне этих изменений не удалось до сих пор. Первой крупной работой этого направления оказалась вышедшая в 1961 году книга А.З. Сахарова "О личности преступника и причинах преступности в СССР".¹

В ходе возрождения советской криминологии были выработаны такие понятия, как состояние, уровень, структура и динамика преступности, являющиеся средством ее качественной и количественной оценки и потому образующие предпосылки любого теоретического или эмпирического исследования криминогенных процессов. Изучая как отдельные преступления, так и всю их совокупность и полагая, что тем самым изучается сама преступность, советская криминология выявила и такие ее статистические свойства как иррегулярность, массовость и устойчивость (труды Г.А. Аванесова, А.И. Долговой, И.И. Карпеца, В.М. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, М.Г. Миньковского, А.М. Яковлева и др.). "Преступность, - пишет, например, И.И. Карпец, - это сложное социальное явление, не являющееся

¹ См.: Сахаров А.З. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

простой суммой совершенных преступлений. Проблема соотношения преступности и преступления – это проблема соотношения части и целого. Из суммы отдельных преступлений складывается преступность".¹

Следующим важным шагом стало эмпирическое рассмотрение данных преступлений в качестве функции отдельных общественных процессов. В результате углубилось и само понимание преступности, которая стала определяться как социальное явление, выражающееся во всем множестве совершенных преступлений (труды Г.А. Аванесова, М.М. Забаева, Ю.Д. Злутштейна, Я.И. Гилинского, С.Е. Вирпина, К.Е. Игошева, В.М. Когана, В.Н. Кудрявцева, И.В. Михайловской, Г.М. Резника, А.Б. Сахарова, Л.И. Спирадонова, А.М. Яковлева и др.).

Например, в третьем издании учебника по криминологии преступность определяется уже не только как совокупность преступлений, но как "классово обусловленное, исторически преходящее социальное явление, выражающееся в совокупности деяний, признанных общественно опасными и уголовно наказуемыми в данном обществе и в данное время".² Приведенное определение преступности является в советской криминологии безусловным шагом вперед советской криминологии в истолковании изучаемого предмета – преступности, как общественно-го явления. Если ранее криминолог воляно или неволяно стремился непосредственно уяснить, что есть преступность как таковая, то теперь он ставит перед собой цель установить, в чем заключена сущность социального феномена, явление которого – все множество совершенных, совершаемых преступлений и тех преступлений, которые должны совершиться в будущем.

Одновременно советским криминологам приходилось тратить много усилий на доказательства того,³ что преступность социальное, а не биологическое явление.

Тем не менее в подавляющем большинстве для работ тех лет свойственна поверхностность. Очень часто авторы не пошли

¹ Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969:С.128.

² Криминология. М., 1976:С.109.

³ См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982.

дальше непосредственной фиксации фактов общественной жизни с указанием их связи с преступностью. Они не пытались вскрыть те социальные противоречия, которые ее порождают.

Наконец, в середине 70-х годов, возникает так называемый социологический подход, который последовательно рассматривает преступность как феномен, опосредованный обществом как целым, порождаемым противоречиями его развития (труды В.Н. Кудрявцева и Л.И. Спиридонова).

Схема влияния экономических явлений на социальную структуру и поведение людей, в том числе и противоправного поведения людей, предложенная В.Н. Кудрявцевым, исходит из правильного тезиса о том, что основу всех общественных процессов образует социальная структура общества.¹ Однако более конкретное описание В.Н. Кудрявцевым механизма воздействия социальной структуры на поведение, а также ее истолкование как социологического феномена вызывает целый ряд замечаний и возражений.

Так, например, В.Н. Кудрявцев полагает, что главной, всеопределяющей основой в процессе экономической обусловленности поведения выступают производительные силы. "Социальные различия в конечном счете, - подчеркивает В.Н. Кудрявцев, - зависят от степени развития производительных сил, которая определяет характер и масштабы общественного разделения труда. Это разделение труда, свойственное данному состоянию производительных сил, обуславливает основные - классовые - различия общества. Оно диктует и определенный перечень профессий - набор рабочих мест, необходимых общественному производству. Отсюда вытекает потребность в людях определенных знаний, профессий и образования... Рабочие места наряду с другими факторами определяют далее уровень заработной платы, различные конкретные условия труда, а нередко и быта. Образуется социальная структура, которая с учетом различий в формах собственности, в классовой принадлежности людей, в условиях их труда и быта порождает известные различия в интересах социальных групп и слоев, а следовательно, и различия в индивидуальном поведении членов общества".²

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. - С.155-159.

² См.: Кудрявцев В.Н. Указ.соч. - С.157-158.

Естественно, каждая схема является упрощенной моделью реальной действительности, и поэтому сложность проблемы неизмеримо больше, так как в единую систему взаимодействия социальных явлений включаются также политические, культурные, психологические, демографические и иные процессы. В.Н. Кудрявцев не думает и о том, что социальные различия сами по себе приводят к тому, что одни группы населения совершают преступления, а другие — нет. Социальные различия, с его точки зрения, сказываются на формировании потребностей, интересов, мотивов и целей поведения, от которых до конкретных поступков — дистанция огромного размера, на протяжении которой решающую роль играют уже иные явления. Тем не менее эта схема могла бы быть использована в конкретном социологическом исследовании преступности, ибо каждый из включенных в нее социально-экономических институтов (производительные силы, формы собственности, общественное разделение труда и т.д.) пригоден для эмпирической интерпретации, все они связаны между собой в некоторую целостность, и, более того, в схеме отражены направления их связей друг с другом.¹ Препятствием к тому, чтобы она была взята за теоретическую основу социологического исследования преступности в регионе, выступает не ее эмпирическая непроверяемость, а принципиальная ошибка в определении места и функций социальных институтов в причинном комплексе преступности, а следовательно, и в отражающей его схеме.

Если отвлечься от обусловленности всех социально-экономических форм обществом как целым, стало быть, рассматривать социальный организм не в естественном взаимодействии составляющих его компонентов, а в статике, то представляется ошибочным определение в схеме места и функций различий в условиях труда, профессиональной структуры, рассматриваемой В.Н. Кудрявцевым вместе со структурой рабочих мест, и социальной структурой. В действительности социальное положение людей — классовая принадлежность — определяет их профессиональное положение и условия труда, а не различия в условиях труда и в профессиях определяют различия в социальном положении людей. Однако, если рассматривать социальные институты в составе общественного организма, т.е. как моменты це-

¹ См.: Данисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. — С.189-190.

лого, то выявляются и другие недостатки предложенной В.Н. Кудрявцевым схемы. Прежде всего становится очевидной ошибочность ее исходной категории – производительных сил. Согласно схеме ими непосредственно определяются и формы собственности, и общественное разделение труда. Поскольку по Марксу общественное разделение труда является обратной стороной собственности, а производственные отношения суть также в первую очередь отношения собственности, постольку речь идет о том, что производительные силы определяют базис. Связь между ними действительно есть. Социалистический базис, например, не мог возникнуть при рабовладельческом уровне развития производительных сил. Вместе с тем сами по себе производительные силы не определяют характер общества. В противном случае, социальный строй США должен был бы быть выше, чем в СССР, ибо производительные силы там до сих пор более развиты. Однако ничего подобного нет, потому что с точки зрения марксизма-ленинизма определяющей общество основой являются не производительные силы, а способ производства, то есть единство производительных сил и производственных отношений. Следовательно, "не производительные силы обуславливают социальное содержание производственных отношений, а наоборот, производственные отношения придают социальный смысл вещественным и личностным элементам производительных сил".¹ Итак, "капитал – это не вещь, а определенное, общественное... производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер".²

Схема социальной обусловленности поведения личности, предлагаемое Л.И. Спиридоновым, рисует нам в самых общих чертах влияние общественных процессов и явлений, которые обуславливают отношения поведения людей от требований правовых норм.³ Как известно, по словам К. Маркса, "каждая форма общества имеет определенное производство, которое оп-

¹ Денисов В.А., Спиридонов Л.И. Указ. соч. – С.191.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25, ч. II – С.380.

³ См.: Спиридонов Л.И. Роль советских профсоюзов в борьбе с преступностью. – В кн.: Участие профсоюзов в профилактике антиобщественных проявлений. М., 1982. С.18; см. также: Стеров М.С., Спиридонов Л.И. Общественное мнение и право. М., 1985. С.48; Денисов В.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. – С.196.

ределяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений".¹ Поэтому у Л.И. Спиридонова, в схеме социальной обусловленности поведения людей, является исходным социальным институтом — основным производственным отношением социализма. И поскольку производственное отношение есть прежде всего отношение между классами, социально-классовая структура социалистического общества образует его социальное выражение. Поэтому общественные классы и есть источник того освещения, которое придает специфическую историческую окраску всему, что попадает под его лучи, и которое определяет все социальные свойства индивидов. Поэтому, люди "находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу".² Однако, в производственном отношении, социальное содержание которого образует социальная структура, должно быть отражено прежде всего его экономическое содержание: форма собственности и ее обратная сторона — общественное разделение труда, которые определяют состав общественных классов. Для марксиста решающая роль производства в становлении и формировании личности очевидна, поэтому социально-классовое положение индивида, опосредованное его местом в производстве, обуславливает его социальные позиции в сфере политики, культуры, быта и потребления. Свою очередь различия в объективном положении классов и социальных групп в общественном производстве, в политике, в сфере быта, культуры и потребления образуют почву для различий в потребностях, в степени обеспеченности средствами их удовлетворения и, следовательно, в интересах. Особенности общественной судьбы индивидов, определяемой теми социальными позициями, которые они занимают и занимали на протяжении своей жизни, в сочетании с природной интеллектуальностью и физической оваренностью человека образуют предпосылку его индивидуальности, без включения которой в схему невозможно объяснить ни одного конкретного поступка.³

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.46, ч.1—С.43.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т.3—С.54.

³ См.: Спиридонов Л.И. Роль советских профсоюзов в борьбе с преступностью. — В кн.: Участие профсоюзов в профилактике антиобщественных проявлений. — С.16—18.

Схема, предлагаемая Л.И.Спиридоновым, является безусловно большим шагом вперед при выяснении марксистского понимания генезиса преступности и развитии советской криминологии в целом. Однако, чтобы эту схему использовать в эмпирических криминологических исследованиях уже сегодня, надо её на основе марксизма-ленинизма советскими учеными - криминологами развивать, т.е. сделать её более конкретным.

Чтобы теоретически встать на правильный путь для познания исследуемого явления, то есть начать мысленно реконструировать конкретное целое, например, реконструирование социалистического общества, необходимо прежде всего иметь так называемый "материал", с помощью которого можно восстановить исследуемое целое. Этот указание должно руководствоваться и советские социологи, экономисты, криминологи. Для того, чтобы исследуемое социальное явление - преступность - было бы нами познано, необходимо провести огромную работу. Чтобы раскрыть ее сущность, недостаточно словесной интерпретации одной только категорической формы диалектической логики сущность - явление (например, миграция (сущность) порождает преступность (явление) или алкоголизм (сущность) порождает преступность (явление)). Чтобы сущность преступности действительно явилась, должна быть проделана большая работа по определению качественных особенностей изучаемого явления, количественных границ его бытия, меры, тождества и различия, оснований и обоснованного, содержания и формы и т.д. Она не производится в чисто логической сфере. Речь идет о реально существующих сторонах самого предмета и об их отражении в существующих понятиях или моментах исследуемого целого (организма - общества).

Науке известен только один способ разрешения возникшей антиномии - это мысленная реконструкция предмета исследования на основе диалектики исторического и логического. При этом материалистический подход к изучению социальных явлений неизбежно приводит к выводу: "С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мысли", и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает

полной зрелости, своей классической формы".¹ Другими словами, "для материалиста реальная история не может не быть первичной по отношению к логическому, не может не определять содержания и последовательность отражающих ее понятий, а следовательно, и логику исторического исследования... Логическое определяет принципы подхода к историческому лишь в гегелевской философии. Марксистская методология исходит из примата объекта над субъектом, который всегда соотнобразывает свою теоретическую или практическую деятельность с законами ее предмета, и потому принципы подхода к познанию исторического определяет оно само. В частности, особенности предмета марксистского обществоведения превращает его из "готовой", статичной системы знания в постоянный и бесконечный процесс познания, поскольку постоянно и бесконечно само историческое движение".² Следовательно, сегодня уже не может быть речи о том, как наивно предполагает И.И. Карпец, утверждая, что "советская криминология достигла весьма значительных теоретических и практических рубежей... Основные теоретические позиции, пожалуй, ясны. Есть общепризнанное, в общем-то определенное это явление. В деталях его, конечно, еще можно дискутировать. Но главное - это уже не дискуссии о понятиях",³ о завершённой теории советской криминологии. Между тем, имевшиеся попытки разработать эффективные планы социальной профилактики преступности, достаточно убедительно объяснить ее причины, прогнозировать развитие криминогенных процессов и т.д., свидетельствуют, что для такого рода оценок нет никаких оснований.

Совпадая друг с другом - историческое и логическое образуют диалектическое единство, в котором сохраняется различие, будучи частным случаем единства логики, диалектики и теории познания. Однако, если мы рассматриваем категории материалистической диалектики лишь в логическом аспекте, то и сам метод восхождения абстрактного к конкретному предста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-1.137-С.497.

² Денисов В.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении.-С.102-103.

³ Карпец И.И. Криминология. Проблемы и перспективы. - "Социалистическая законность", 1980.- № 10.- с.28-30.

нет лишь как движение исследовательской мысли от понятия к понятию, как это представлено в философии Гегеля. Мысль К. Маркса в "Капитале" движется же от одного факта к другому факту. Так, К. Маркс товар рассматривает как научную абстракцию, в которой содержатся все определения капитализма, как общественно-экономической формации, как эмпирической реальности, которая непосредственно представлена исследователю. Таким образом, когда диалектическое познание движется от факта к факту, то начало этого движения находится за пределами мыслительного процесса и вне понятий, которыми мышление оперирует. Поэтому В.И. Ленин характеризует содержание "Капитала" прежде всего как историю капитализма и анализа понятий, резюмирующих ее.¹ Совпадение логического и исторического не есть нечто данное. Оно - итог длительного пути становящейся теории. Это - именно восхождение, цель которого - истина, то есть совпадение (тождество) мысли и объекта, ее отражаемого".² Поэтому диалектический характер такого "совпадения (тождества) обнаруживается в том, что та подлинная историческая последовательность, которая служит прообразом в системе, развиваемой способом восхождения от абстрактного к конкретному, не дана теоретику непосредственно, до и вне логического движения мысли, а только ходом этого движения и выявляется".³

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что этим разрешены две очень важные методологические проблемы, а именно: с чего начинается переход от абстрактного к конкретному и каков в этом движении порядок категорий, чтобы истинно отразить исторические процессы. Вышеизложенное еще не дает на эти вопросы ответы и это происходит по следующим причинам. Во-первых, история скрывает от нас свое движение, закономерности своего движения, вследствие чего определенной категории людей - ученым необходимо открыть эти закономерности. Во-вторых, теоретическое познание никогда не начинается с пустого места, поэтому не имеет смысла каждому исследователю выработать свой метод исследования исследуемого им яв-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 29 - С. 301.

² Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском праве. - С. 105.

³ Ильенков Э.В. Логическое и историческое. - История марксистской диалектики. М., 1971 - С. 275.

ления, как это к сожалению часто имеет место. Несмотря на то, что до него жили такие мыслители как Гегель, Маркс, Энгельс и Ленин. Парадокс состоит именно в том, что зачастую не знают их работ, именно потому, что их усвоение не дается уж столь легко. В результате этого получило распространение большое количество бесплодных теорий о преступности, на основе которых предлагались различные меры, на самом деле ничего не дающие в борьбе с преступностью.

Диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному знает три стадии: а) изучение предмета непосредственно, "эмпирически", вытекающие три категории: качество, количество и мера; б) изучение сущности, где непосредственная действительность опосредована ее внутренним "качеством"; в) третья ступень - практика. Это преобразование действительности (общества) в соответствии с ее сущностью.

На первом, непосредственном этапе изучения предмета обычно являются трудности. Первый этап работы удается только тогда, когда известны уже результаты второй стадии исследования. Это в свою очередь значит несовпадение метода исследования и метода изложения. Вот почему надо исследовать предмет - преступность - как продукт социальных, экономических, политических и других противоречий общества - в категориях второй стадии с тем, чтобы можно было изложить в терминах диалектики первую стадию (конечно практически это надо делать далеко не всегда, а только тогда, когда результаты второй стадии еще не известны науке). Как был издан "Капитал" К. Маркса? "Капитал: Критика политической экономии" К. Маркса (см. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23-25) был написан после написания "Экономических рукописей 1857-1859 годов" (см. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46, ч. I, II и т. д.), в которых исследуемый предмет был описан в целом заранее.

В последнее время некоторые советские обществоведы скептически относились к использованию наследия философии Гегеля, но игнорирование диалектики Гегеля более опасно, чем ее использование.¹ Его теория подлежит материалистической переработке, но "тем не менее внутренняя истинность

---

¹ См.: Денисов М. А., Смирidonov Н. И. Абстрактное и конкретное в советском правозведении. - С. 100.

и необходимость этой группировки станет ясной всякому, кто проштудирует гениальное развертывание этой темы в "Большой логике" Гегеля".¹ Поэтому, по словам В.И. Ленина, "Маркс применил диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономике", и сегодня "нельзя вполне понять "Капитала" и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля".² Сам К.Маркс открыто "объявил себя учеником этого великого мыслителя",³ и писал, что "величие гегелевской "феноменологии" и ее конечно-го результата - диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа - заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность труда и понимает предметного человека, истинного, потому, что действительного, человека как результат его собственного труда".⁴ В свою очередь Ф.Энгельс писал, что "гегелевский способ мышления отличался от способа мышления всех других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории".⁵ По мнению советского философа В.А. Вазюлина, совпадают не только термины, но в основном и логические структуры "Капитала" К. Маркса и "Науки логики" Гегеля.⁶

Следовательно, исчезает всякое опасение использования исторического наследия Гегеля, в случае, если его работы объясняются с марксистских позиций. Однако сказанное далеко не означает того, что теория советской криминологии должна быть построена по логике Гегеля, или еще более, согласно его "Философии права". Необходимо для себя уяснить,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.20-С.539.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.29-С.160,162.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.23-С.21.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.42-С.158-159.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.13-С.496.

⁶ См.: Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К. Маркса. М., 1968.

что на марксистские, тем более логические схемы категорий Гегеля сами по себе не образуют стержня в криминологии, как самостоятельной отрасли науки, так как действительный порядок его категорий образует сам процесс действительно-го развития предмета советской криминологии.

Марксизм исходит из того, что готовой логической схемы для получения новых знаний не имеется и не может быть, так как не может быть готовой процедуры для построения теории в любом другом предмете исследования, так как диалектическая логика не сборник стандартных шаблонов, где исследователь может разместить все ранее собранные факты. "Поэтому все миропонимание (Auffassungsweise) Маркса-писал Ф.Энгельс, - это не доктрина, а метод. Он дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования".¹

Следовательно, порядок построения необходимых категорий в теории советской криминологии определяется особенностями его предмета и этот порядок должен быть выведен самой наукой, занимающейся исследованием этого предмета познания. Диалектическая логика показывает лишь пути научных поисков и проверяет правильность выводов исследований. Предмет исследования, то есть объем познания преступности предопределяет действительное развитие социалистического общества, егоgenesis - возникновение, развитие и исчезновение.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39-С. 362.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.С. Афанасьев

Проблема "порядка", иначе - того, как и почему возможно существование общества, издавна волновала буржуазных социологов и является одной из центральных проблем буржуазной социологии.¹ Практически во всех общетеоретических концепциях речь идет о том, как организуется общество, каким образом согласуется поведение индивидов в группах, какими средствами общество нормирует и стимулирует социально желательное поведение. Вместе с тем, возникли и сформировались концепции, предметом которых является собственно отклонения от социальных требований в поведении людей. Появилось и специальное научное направление - социология социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. Количество публикуемой литературы этого направления весьма велико и продолжает постоянно увеличиваться. Дифференциация основных теоретических подходов в изучении проблем отклоняющегося поведения определяется различиями общесоциологических буржуазных теорий. Некоторые авторы предлагают различать три подхода к изучению девиантности: во-первых, девиантность как собственно отклоняющийся поведенческий акт; во-вторых, девиантность как результат социальной стигматизации; и, в-третьих, девиантность как результат политического процесса.²

Другие пытаются сформулировать объединенную теорию девиантности, исходя из предпосылок, что девиантность - естественный результат нормальных социальных процессов и постоянная черта всех общественных формаций, а также, что социальные процессы, нормирующие девиантность, в равной мере порождают и сокращают девиантное поведение.³

В последнее время традиционные проблемы изучения таких социальных аномалий как преступность, наркомания, алкоголизм, бедность, насилие, сексуальные отклонения стали рас-

¹ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 27-28.

² Deviance. Studies in definition, management and treatment. N.Y., 1975, p. 11.

³ Social deviance. Philadelphia, 1975, p. 9.

сма­триваться в кон­тексте про­бле­мы "качества жизни". В со­вре­мен­ном ка­пи­та­ли­стическом об­ществе, осо­бенно в США, про­бле­ма от­клоняющегося по­веде­ния яв­ляется одной из самых ост­рых и серь­ёзных. Экономический рост ка­пи­та­ли­стического про­из­водства, имевший место в пе­ри­од между окон­чанием вто­рой миро­вой вой­ны и на­чалом семидеся­тых го­дов, спо­соб­ство­вал росту об­щественного бла­гососто­яния, но лишь до опре­деленного уровня, за пре­дела­ми которого на­чалось па­дение тем­пов роста об­щественного бла­гососто­яния и уху­дшение ка­чества жи­зни. "Современные об­щества по­треб­ления ге­нерируют фак­торы, ко­торые усугуб­ляют социальное не­дово­льство и ве­дут ко всё большему про­явлению ан­тисоциального по­веде­ния лю­дей", ⁴ од­ним из глав­ных среди ко­торых яв­ляется фак­тор от­носительной бедности.

В со­вре­менной ли­те­ратуре по со­циологии от­клоняющегося по­веде­ния вы­деляют сле­дующие те­оретические под­ходы. Во-пер­вых, струк­турно-функ­ци­ональный, ос­новной кон­цепцией в ра­мках ко­торого яв­ляется кон­цепция аномии. Во-вто­рых, со­цио­куль­турный, в ра­мках ко­торого ве­дущей яв­ляется кон­цепция диф­фе­ренциальной ас­со­циации. В-тре­тьих, социаль­ной ре­акции, в ра­мках ко­торого глав­ной яв­ляется те­ория сти­г­ма­тиза­ции.⁵ Пра­ктически ни одна круп­ная со­циоло­гическая кон­цепция от­клоняющегося по­веде­ния не об­ходит­ся без учёта в той или иной мере ка­те­го­рии социаль­ной струк­туры. И это за­коно­мерно, так как пред­метом ин­те­реса об­щественных наук издавна яв­ляется про­бле­ма социаль­ного ра­венства, про­бле­ма социаль­ной спра­ведливости.

Ещё Ари­сто­тель ви­дел ос­новную при­чину ан­ти­общественных яв­лений в от­сутствии ра­венства. Ве­ликие фран­цузские про­све­тители в новых ис­то­рических ус­ло­виях та­же обра­щали вни­ма­ние на эту про­бле­му. То­мас Мор высказывал мы­сль о том, что при­чи­ной воровства яв­ляется социальное не­ра­венство. Жан-Жак Руссо та­же ус­ма­тривал при­чины пре­ступности в не­ра­венстве лю­дей. Од­нако эм­пирическое под­твер­ждение этих взгля­дов ста­ло воз­можным лишь по­сле по­явления ста­ти­стического изу­чения пре­ступности. А. Кет­ле в "Опы­те социаль­ной фи­зики", ис­поль­зуя до­сти­жения на­уки сво­его вре­мени, дал раз­вёрнутое эм­пи-

⁴ Зо­лотас К. Экономика ка­пи­та­лизма про­тив об­щественно­го бла­гососто­яния. М., 1985. С. II5-II6.

⁵ Douglas I.D., Meehler P. Ch. The sociology of devian­ces: such in­struc­tion. Boston-London, 1966.

рическое обоснование учения о социальном происхождении преступности. Работы Кетле заслужили высокую оценку Маркса: "В прошлом у него большая заслуга: он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их исторической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось".⁶ И только Маркс создал последовательную и всестороннюю концепцию классового характера права и правонарушения. "Подобно праву и преступление, т.е. борьба изолированного индивида против господствующих отношений, также не возникает из чистого произвола, Наоборот, оно коренится в тех же условиях, что и существующее господство".⁷ "Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя",⁸ а количество совершаемых ежегодно преступлений "зависит ... от основных условий, свойственных современному буржуазному обществу в целом".⁹

В русской науке также высказывались мысли о роли общественного неравенства в детерминации антиобщественных явлений. А.Н. Радищев в работе "О законоположении" высказал идею о криминогенности имущественного неравенства. К.Ф.Герман на основе изучения статистики преступлений сформулировал положение о том, что "... главными причинами преступлений являются обычно крайности: дикость нравов или их эгоистическая утонченность, неверие или фатализм, анархия или гнёт, крайняя бедность или чрезмерная роскошь".¹⁰ П.Н.Ткачёв, проанализировав данные о преступности в России за 1856-1861 годы, пришёл к выводу, что "... все преступле-

⁶ Маркс К. Письмо к Людвигу Кугельману. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. С.7.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч.Т.3. С. 323.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Население, преступность и пауперизм. - Соч. Т.13. С. 516.

⁹ Маркс К., Смертная казнь ... - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8.

¹⁰ Герман К.Ф. Изыскания о числе смертоубийств и самоубийств в России в течение 1819 и 1820 годов. доклад на заседании академии наук 17 дек. 1823 г. - СПб., 1822. С. 9.

ния зависят от невыгодных социальных условий, неравномерно-го распределения богатств, отсутствия работы ..., неблаго-приятных общественных отношений, ~~делавших~~ из одного чело-века раба, из другого - тирана". II

Одной из крупных социологических концепций антиобщест-венного поведения, в которой на первый план вышла категория социальной структуры, явилась концепция аномии Р. Мертон. Экономический кризис 1929-1933 годов особенно остро показал ~~американским~~ социологам необходимость изучения проблем соци-альной дезорганизации. Концепция аномии французского со-циолога Э. Дюркгейма, разработанная им для теоретического объяснения феномена самоубийства, оказалась приемлемой в качестве идейного источника для исследования вопросов об-щественной дезорганизации. Развивая концепцию аномии Дюрк-гейма, Мертон предложил собственное понимание аномии, ор-ганически связанное с категорией социальной структуры. Мысль Дюркгейма о том, что ситуация "безнормности" может возникнуть при столкновении стремлений и разрушении регули-рующих норм, была переформулирована в принцип, согласно ко-торому "некоторые социальные структуры оказывают опреде-ленное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, сообра-зующегося с общеприятными правилами".¹² Подобно Дюркгейму Мертон видел в преступлении "нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия", но в отличие от первого, он расширил круг видов поведения, которые стремились объяснить посредством аномии. Самоубийство, которое Дюркгейм интерпре-тировал главным образом как следствие аномического состоя-ния, для Мертон стало лишь одной из возможных поведенчес-ких реакций на аномию, в числе которых он рассматривал пре-ступление, правонарушение, психическое расстройство, алко-голизм, наркоманию и много других феноменов. Собственно аномию Мертон трактует в более широком контексте социаль-ной структуры, в которой он выделяет цели, определяемые данной культурой, и регламентированные обществом способы их достижения. Рассогласование между культурными целями и де-

II Ткачев Н.Н. Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики). // "Библиотека для чтения". 1863. № 10. С. 8.

¹² Мертон Р.К. Социальная структура и аномия. // Соци-ология преступности. М., 1966. С. 300.

гальными средствами их достижения и есть аномия по Мертону. Мертон полагает, что выраженность девиантного поведения в каком-либо обществе варьируется в зависимости от социального класса, этнического или расового статуса и прочих характеристик. Распределение девиантного поведения будет зависеть от доступа к законным средствам достижения целей различными слоями общества. Социальная структура, регламентирующая институциональные средства достижения культурных целей, не позволяет всем членам общества достичь последних. Это находит своё выражение как в преступности низших социально-экономических классов, так и в беловоротничковой преступности и антиэстетической практике в бизнесе. Однако Мертон полагал, что в целом аномия к социоэкономический статус находится в обратной зависимости, что самые сильные давления в сторону девиации имеют место в низших социальных слоях.

Концепция Мертона вызвала сильный резонанс в американской социологии, при этом критика сочеталась с позитивной разработкой. Важное дополнение к теории сделал Ричард Клауфорд, который показал, что неравные возможности имеются не только в выборе законных средств, но и в доступе к нелегальным способам достижения успеха.¹³ Существенным критическим аргументом явилось указание на отсутствие учёта процессов группового взаимодействия, что позволило дополнить концепцию понятием нормативно-групповой конкуренции, объясняющем механизм социально-дифференцированного доступа к легальным и нелегальным средствам достижения жизненных целей в классовом обществе.¹⁴

Наряду с собственно теоретическим осмыслением концепции аномии проводились эмпирические исследования с целью её верификации, результаты которых весьма неоднозначны. Так, одно из первых исследований подтвердило положение концепции Мертона об обратной зависимости между аномией и социоэкономическим статусом.¹⁵ Однако более позднее эмпирическое исследование свидетельствует об очень небольшом межклассовом

¹³ Cloward R.A. Illegitimate Means, Anomie and Deviant Behavior. ASR, 24, April, 1959, p. 164-177

¹⁴ Anomie and Deviant Behavior. N.Y.-L., 1966, p.58-68

¹⁵ Bell W. Anomie, Social Isolation and Class Structure. - Sociometry, 20, June, 1957, p. 105-116

расхождении в уровне анонии.¹⁶ Вместе с тем, другие исследования подтверждают концепцию большей преступности ~~нижних~~ классов.¹⁷

Неоднозначность связей между анонией, преступностью и социальным статусом объясняется, по мнению автора, тем, что не сами по себе условия жизни, а различия в них, социальное неравенство, выражающееся в дифференциации социальных статусов, является одной из главных детерминантов антиобщественного поведения. В свете этого данные об обратной зависимости между анонией и социальноэкономическим статусом объясняются скорее большим ~~всозможностям~~ /или легальными, тех и нелегальными/ лиц с высоким социальным статусом скрывать своё антиобщественное поведение и уклоняться от правоохранительных органов, в силу чего статистика зарегистрированного антиобщественного поведения более отражает практику деятельности этих органов, нежели реальную статистику социальных явлений. Наряду с этим, уровень анонии действительно может быть примерно одинаковым в различных классах, так как его регистрация не деформируется социальными интересами.

Проблема роли социального неравенства в этнологии антиобщественного поведения нашла своё выражение в имеющей место в буржуазной социологии концепции преступности социальных классов, в рамках которой существует дискуссия о том, какие классы более "поражены" преступностью - имущие или неимущие, высшие или низшие? Проблема заключается, с одной стороны, в том, что официальная статистика капиталистических государств показывает, что среди осуждённых за совершение преступлений наиболее широко представлены лица из неимущих слоёв общества. Но, с другой стороны, криминологи, не удовлетворенные статистикой преступности, стали проводить специальные исследования так называемой латентной преступности, которые показали, что действительные размеры преступности гораздо больше тех, которые отражены в официальной статистике, и не совпадают с ними по структуре. Как удачно выразился Дэниел Белл, "статистика преступности столь же ненадежна, как и женщина, сообщающая свой

¹⁶ Agnew R.S. Success and anomie.- Sociol. quat., Chicago, 1980, vol. 21, N 1

¹⁷ Braithwaite T. The myth of social class and criminality reconsidered.-ASB, N.Y., 1981, vol. 46, N 1, p. 36-57

"настоящий возраст".¹⁸ По общему правилу, уровень латентности там ниже, чем выше степень общественной опасности данного вида преступлений. Существование латентной преступности и её величина определяется многими факторами, среди которых нас интересует социально-структурный аспект.

Исследования латентной преступности показали, что шансы преступного деяния найти отражение в официальной статистике зависят от социального положения преступника. "Специалисты-социологи продолжают спорить о том, насколько правомерна постановка вопроса о классовом распределении преступности. И, пожалуй, — полагает Э.М. Шур, — сейчас доминирует взгляд, в соответствии с которым серьезные преступления совершаются главным образом в нижних слоях нашего общества, отмечается при этом, что главный источник преступности в США — "очевидное противоречие между провозглашенными идеалами равных прав и возможностей, с одной стороны, и упорным сохранением неравенства в главных областях нашей социальной системы — с другой".¹⁹ Однако следует вспомнить, что ещё Рафаэль Гарофало доказывал, что преступность относительно более распространена среди богатых слоёв общества, нежели бедных. Один из ведущих авторитетов американской криминологии Эдвин Сатерленд, открывший направление изучения "беловоротничковой преступности", убедительно показал, что преступления бизнесменов имеют очень высокий уровень латентности, а если они и привлекаются к уголовной ответственности, то зачастую отделываются минимальными наказаниями.²⁰

Анализируя информацию о социально-структурных аспектах латентной преступности, многие прогрессивные буржуазные криминологи приходят к теоретическим положениям, которые задолго до них были сформулированы классиками марксизма. Так, американский криминолог У. Чемблис пишет о том, что в общественных структурах, разделённых на классы, в частности, в капиталистическом обществе, возможность какой-либо социальной группы защитить свои интересы с помощью законодательства зависит от политической и экономической власти, которой

¹⁸ Шур Э.М. Наше преступное общество. М., 1977. С. 43.

¹⁹ Там же, С.63, 18.

²⁰ Sutherland E. White-Collar Crime. N.Y., 1949, p. 13

она обладает. Поэтому уголовному преследованию подвергаются прежде всего те группы населения, которые такой властью не обладают.²¹ Его коллега Р.Квинни полагает, что уголовное право создаётся представителями политически господствующего класса для защиты собственных интересов и управления подведением подчиненных классов.²² Американский социолог А.Тюо даже предлагает собственную интегральную теорию девиантности - "теорию властности", согласно которой типы отклоняющегося поведения определяются социальной принадлежностью индивида и его отношением к власти, а обладающие властью имеют большие возможности безнаказанно совершать антиобщественные действия.²³ Известный французский криминолог Ж. Шинатель прямо утверждает, что "проблематика делинквентности говорит с очевидностью, что делинквентность проявляется особенно в дефаризованных классах. Указать на делинквентность - значит указать на народ. Однако этот выбор - политический. Если дефаризованные признаны делинквентами, так это потому, что они являются объектом всяческого внимания институтов репрессии. Таким образом, делинквентность есть не только инструмент власти, но и средство в руках властей, чтобы расчитываться со своим главным противником, которым является народ".²⁴ Скандинавские криминологи также считают, что большая доля среди осуждённых представителей из неимущих слоёв является следствием классового характера законов и практики их применения.²⁵ Исследования латентной преступности показали, что так называемые "саморегистрирующиеся" преступники /лица, совершающие преступления, но не привлеченные к ответственности - выявляются анонимным анкетированием/ относятся к более состоятельной части населения, имеют лучшее образование, нежели "обычные" преступники, более устойчивые семьи.²⁶ Современные исследования также показывают, что представители низших слоёв совершают в ос-

²¹ Chambliss W. Functional and Conflict Theories of Crime. N.Y., 1974, p. 22

²² Quinny R. Criminology. Boston - Toronto, 1975, p. 37

²³ Thio A. Deviant Behavior. Boston, 1978

²⁴ Проблемы буржуазной криминологии. М., 1981. С. 19

²⁵ Там А. Преступность и уровень жизни. М., 1982.

²⁶ Проблемы буржуазной криминологии. С. III

новном прямые межличностные типы правонарушений, которые расследуются полицией в большей степени, чем правонарушения представителей средних и высших слоёв, которые в основном совершают экономические и политические правонарушения. ²⁷

А как обстоит дело в отношении классового и социально-группового распределения других форм антиобщественного поведения? Исследования показывают следующую картину. Так, в США из всех слоёв населения на первом месте по употреблению алкоголя стоят молодые мужчины с высшим образованием и высоким социально-экономическим статусом, а наибольшее число алкоголиков приходится на мужчин от 40 до 55 лет с низким уровнем образования и низким социоэкономическим статусом. Решающее влияние на алкоголизацию личности оказывает социо-экономический статус. ²⁸

Изучение классового распределения психических расстройств показало, что представителям низших страт в целом свойственна большая эмоциональная неустойчивость, хотя количество стрессовых ситуаций у них не больше, чем у представителей высших слоёв общества. ²⁹

Изучение самоубийства в США показало, что за последние 25 лет число самоубийств среди молодежи в возрасте 15-24 лет выросло на 300 %. Одна из причин этого - усиление конкуренции за более высокооплачиваемые должности. Уровень самоубийств среди учащихся в колледжах выше, чем среди не-учащихся, что вызвано, по мнению автора, высоким академическим напряжением в процессе обучения. ³⁰

Однако уровень самоубийств наиболее высок среди безработных. Как показывает статистика, безработица существенно влияет на рост самых различных форм социальной патологии. Когда уровень безработицы в США повышается на один процент, число самоубийств возрастает на четыре процента, более чем на пять процентов - число убийств, на три процента увели-

---

²⁷ Thornberry T.P., Tarnwerth M. Social correlates of criminal involvement.- ASR, N.Y., 1982, vol. 47, N 4, p. 505-518

²⁸ Alcoholism problems in women and children. N.Y., 1976, p. 11

²⁹ Kessler R.P., Clary P.D. Social class and psychological distress.- ASR, New Haven, 1980, vol.45, N 3, p.463-469

³⁰ Hendin H. Suicide in America. N.Y., 1982, p. 29-124

чивается числе наркоманов в психиатрических лечебницах, на четыре процента — число заключенных в тюрьмах, на два процента — уровень смертности. ³¹

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что несмотря на примерно равное давление алкоголегенных, стрессогенных и суицидогенных факторов на представителей различных классов и социальных групп, лица с высоким социально-экономическим статусом имеют большие возможности нейтрализации их вредного воздействия, что и находит своё выражение в меньшей пораженности³² такими формами социальной патологии как алкоголизм, психические расстройства и самоубийства имущих классов.

Разумеется следует иметь ввиду, что категория социальной структуры, которая появляется в буржуазной социологии отклоняющегося поведения в силу объективной логики развития науки, не совпадает с марксистским пониманием этой категории. К тому же трактовка этого понятия значительно дифференцируется в зависимости от более общих установок и теоретических ориентаций того или иного исследователя.

Вместе с тем, теоретические и эмпирические исследования роли социальной структуры в детерминации и воспроизводстве антиобщественного поведения, проводимые в буржуазной социологии, объективно, независимо от желания того или иного исследователя подтверждают классовый характер детерминации антиобщественного поведения и реакции на него общества.

---

³¹ Литературная газета, 1982. № 34. С. 9.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
АВЕРИН В.Е., ГИЛИНСКИЙ Я.И. Система социальной профилактики правонарушений: перспективы создания к механизму функционирования	3
Глава 3.3. К вопросу построения программы криминологической профилактики преступности в регионе /на примере Эстонской ССР/.....	15
ЯКОВЛЕВ А. Социальные аспекты борьбы с экономической преступностью	34
ВОСКОВОД С. Исследование информационных потребностей предупреждения преступлений /социальный аспект/	47
ГИНТЕР Я. Некоторые предварительные результаты исследования социальных условий преступности в ЭССР	54
ГИНТЕР Я. О некоторых характеристиках преступности городов и районов Эстонской ССР с 1980 по 1986 г.	60
СААР Ю. О некоторых аспектах ценностей структуры личности несовершеннолетних правонарушителей /по материалам Эстонской ССР/	69
ЛЯТТИ И. О влиянии межреспубликанской миграции на демографическую ситуацию в ЭССР	83
ЕДУВИЛАН Д.Д., ДОБРЫНИН А.В. Криминология как метатеория уголовного права	92
ГИЛИНСКИЙ Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований	102
ЛЕПС А.А. Методологические принципы криминологического исследования в регионе	111
АФАНАСЬЕВ В.С. Социальная структура и антиобщественное поведение в буржуазной социологии	133

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 817.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ.

Социальные аспекты профилактики преступности.

Труды по криминологии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Дликооли, 16.

Ответственный редактор Э. Раска.

Подписано к печати 6.06.1988.

МВ 02750.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 8,84. Печатных листов 9,0.

Тираж 500.

Заказ № 405.

Цена 1 руб. 80 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийэги, 7б.